

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный центральный музей современной истории России»

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И МУЗЕЙНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
И ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ**

Декабрьские научные чтения, посвящённые
100-летию образования СССР и 30-летию его распада

20–21 декабря 2021 г.

Москва

2022

УДК 93+069
ББК 79.1
П78

Ответственный редактор
Х. В. Поплавская, учёный секретарь
Государственного центрального музея
современной истории России

П78 **Проблемы изучения и музейной презентации советской эпохи и истории постсоветской России:** сб. науч. ст. / отв. ред. Х. В. Поплавская; материалы ежегодной научной конференции, 20–21 декабря 2021 г. — Москва : ГЦМСИР, 2022. — 320 с. — (Декабрьские научные чтения).

ISBN 978-5-91029-123-6

В сборник вошли доклады и выступления учёных-историков и музейных работников на ежегодных Декабрьских научных чтениях в 2021 г., посвящённых 100-летию образования СССР и 30-летию его распада. Участники конференции обсудили следующие проблемы: формирование СССР и проблемы изучения и музейной интерпретации комплекса материалов по его истории (достижения и «трудное наследие» советского периода); агония социалистического строя и распад СССР в зеркале современности (новые исследования и музейные возможности презентации); музейные культурно-образовательные программы по проблемам современной истории России (содержание, проблематика, целевая аудитория).

Издание адресовано специалистам в области гуманитарных наук, студентам-историкам, работникам музеев исторического профиля, а также широкому кругу читателей.

УДК 93+069
ББК 79.1

ISBN 978-5-91029-123-6

© ГЦМСИР, 2022

Содержание

Т. Ю. Войтас, А. В. Рубцова Николай-Спиридон Егорович Кржижановский: попытка реинтерпретации образа польского предка Глеба Максимилиановича Кржижановского в свете новых фактов	6
С. В. Генералова Информативность материальной культуры при изучении повседневности на примере коллекции музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле»	28
С. В. Мерзлякова Концепция иммерсивного музея и советская реальность на примере экспозиции Музея В. И. Ленина в Горках	41
В. Н. Самоходкин История «главного шалаша» Страны Советов в контексте политики памяти: 1922–1991	53
М. Е. Шушкова Опыт национально-государственного строительства в СССР (на примере республик Средней Азии в 1924–1925)	68
А. А. Лукашов Конституции БССР и их роль в формировании политической системы республики	81

Е. Л. Агафонова, Я. А. Солдатенков
Изучение истории политических репрессий 1917–1950-х гг.
на территории Смоленской области в музейной
деятельности Мемориального комплекса «Катынь» 90

С. А. Шевырин, П. С. Аликин
Проблемы мемориализации диссидентского движения
в СССР: из опыта работы Музея-заповедника «Пермь-36» 107

С. В. Орлов
Опыт увековечения памяти о Великой Отечественной
войне на примере программы «Памяти Московского
народного ополчения» 118

В. С. Христофоров
Война в Афганистане (1979–1989): историческая память
и проблемы мемориализации 129

И. Г. Шевелёв
Документальные материалы по истории ВЛКСМ
в собрании отдела письменных источников ГИМ.
История комплектования, актуальность и перспектив 144

О. В. Кириченко
Несоветская идейность в советской общественной
и научной среде: постановка вопроса 163

Н. В. Шляхтина
Старики на советских плакатах 186

В. Г. Кокоулин
Частный музей позднесоветской истории в Новосибирском
Академгородке: музейная инициатива сквозь призму политики
исторической памяти 207

О. М. Полянская
Предчувствие. Позднесоветская живопись
в республиках СССР 215

Д. В. Плюйко
Реформа политической системы СССР в период
перестройки на примере работы Замоскворецкого
райсовета Москвы 242

Л. Э. Старостова
Подходы к представлению истории движения МЖК
в контексте актуального общественного
восприятия 90-х. Опыт проекта «МЖК-1980» 256

С. Н. Бородина
Обзор событий августа 1991 г. на Ставрополье.
Анализ архива краевой организации Демократической
партии России из фонда Ставропольского
государственного музея-заповедника 280

И. В. Островская
«Даёшь референдум!» Из истории проведения Всесоюзного
референдума 17 марта 1991 г. в Севастополе 297

Н. В. Елисеева
К вопросу о причинах распада СССР.
Историографический аспект 308

Т. Ю. Войтас,
PhD, преподаватель
Университета
кардинала Стефана Вышинского
в Варшаве (UKSW), Варшава
А. В. Рубцова,
генеалог

**Николай-Спиридон Егорович Кржижановский:
попытка реинтерпретации образа
польского предка Глеба Максимилиановича
Кржижановского в свете новых фактов**

Аннотация. В статье изложены неизвестные ранее факты о жизни Николая-Спиридона Егоровича Кржижановского (деда советского учёного-энергетика Глеба Максимилиановича Кржижановского), опровергающие устоявшееся представление о нём как о повстанце и политическом ссыльном, а также приведён обзор источников, позволяющих взглянуть на его биографию с новой перспективы. Авторы выдвигают три гипотезы о представителях рода Кржижановских, которые, возможно, стали прототипами для семейной легенды о предке-революционере.

Ключевые слова: Г. М. Кржижановский, сибирская ссылка, полония, ссыльные, повстанцы, поляки, поляки в Сибири, ссыльные поляки, чиновничество, казённая палата, Тобольск, биография, Граммон.

Tatiana Wojtas,
PhD, Cardinal Stefan Wyszyński
University in Warsaw (UKSW),
Warsaw
Anna Rubtsova,
genealogist

**Nikolay-Spiridon Krzhizhanovsky: an attempt
to reconsider the image of Gleb Krzhizhanovsky's
polish ancestor in the light of new facts**

Abstract. This article presents some unknown biographical facts and documental sources that bring new perspective on the life of Nikolay-Spiridon Krzhizhanovsky (who was a grandfather of a Soviet scientist and energy engineer Gleb Krzhizhanovsky) and that disproves the established belief about him as a rebelian and a political exile. The authors put forward three hypotheses on possible prototypes of the Krzhizhanovskys family legend about a revolutionsary ancestor.

Keywords: G. M. Krzhizhanovsky, Siberian exile, Polonia, exiles, rebels, Poles, Poles in Siberia, exiled Poles, officialdom, Treasury Chamber, Tobolsk, biography, Grammon.

Известный советский учёный-энергетик, председатель Комиссии ГОЭЛРО, основатель Энергетического института АН СССР, академик АН СССР и Польской академии наук Глеб Максимилианович Кржижановский (1872–1959), чей 150-летний юбилей мы отмечаем в 2022 г., считал себя внуком ссыльного борца с самодержавием.

Принадлежность к революционной традиции через деда, пострадавшего за свои идеалы, очевидно, была важна для Г. М. Кржижановского и перекликалась с фактами из его собственной биографии. Сам Г. М. Кржижановский состоял

членом марксистского кружка «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», что привело его в сибирскую ссылку, а активная подпольная деятельность после возвращения из Сибири привлекала внимание царской полиции [2; 4; 11].

В автобиографических текстах Г. М. Кржижановского нет единого объяснения причин ссылки предка, однако прослеживается общий мотив борьбы и лишений. В неопубликованных воспоминаниях «О самых близких» Г. М. Кржижановский так пишет о своём деде: «[Мой отец] родился в Тобольске от отца (моего деда) ссыльного поляка, уже сильно обрусевшего, хотя и хранившего черты своего шляхетского происхождения и не лишённого атрибутов дворянства» [37, л. 4]. В то же время в очерке, написанном Г. М. Кржижановским для седьмого издания энциклопедического словаря Русского библиографического института братьев Гранат, упоминается «дед-декабрист», который «был сослан в г. Тобольск, где и умер» [5, с. 234], при этом в автобиографической статье, опубликованной в «Волжской коммуне», о деде нет ни слова [6].

Биографы Г. М. Кржижановского пользовались вышеупомянутыми первоисточниками и популяризировали его образ как потомка мятежного повстанца, не пытаясь выяснить, кем же он был — декабристом, участником Польского восстания 1830–1831 гг. или членом какого-то подпольного общества. В. П. Карцев пишет о «сильно обрусевшем поляке, сгорающем от ненависти к русскому царю и пожинаящем плоды ответного чувства» [2, с. 8], В. П. Красильщиков — о «ссылном повстанце» [4, с. 31]. Ю. Н. Флаксерман, который был лично знаком с Г. М. Кржижановским и много с ним общался, лаконично констатирует: «Его дед был декабристом. Он умер в Тобольске — в ссылке» [11, с. 9]. По словам родственников Г. М. Кржижановского, переданным авторам в устной беседе, его племянница Т. В. Старкова пересказывала со слов

матери и дяди своим внукам семейную легенду о том, что её польского предка «звали братъ Сейм, но он отказался».

Образ репрессированного, но несломленного революционера был важным элементом российского коллективного сознания уже во второй половине XIX в. и актуален до сих пор. Комплекс представлений о деятельности борцов с царским режимом, который О. Б. Леонтьева называет «мифом о Героях» [7], оказывал огромное влияние на молодых людей поколения Г. М. Кржижановского. «Для молодёжи испытанные арестами, каторгами, ссылками революционеры являлись героями. <...> Особо следует выделить родственные связи. Родители или ближайшие родственники некоторых будущих революционеров сами были либо действующими членами революционных организаций, либо отошедшими от революционных дел. Родные люди становились наилучшим образцом для подражания» [3, с. 7]. В данном контексте фигура деда является важной частью исследований биографии Г. М. Кржижановского.

По этой причине мы решили восполнить пробел и изучить обстоятельства ссылки деда Г. М. Кржижановского, однако наши поиски привели к довольно неожиданным результатам. В этой статье мы рассмотрим неизвестные ранее факты из жизни деда Г. М. Кржижановского по отцовской линии — Николая-Спиридона Егоровича Кржижановского (1805–1857), которые позволяют взглянуть на его биографию с другого ракурса и открывают новые перспективы музейной репрезентации семьи Кржижановских.

Архивные документы, обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации, Центральном государственном архиве г. Москвы, государственных архивах Томской области, Республики Татарстан и в г. Тобольске, а также в Государственном архиве Житомирской области (ДАЖО, Украина) и Главном архиве старых актов (AGAD, Польша), свидетельствуют

о том, что Н.-С. Е. Кржижановский не был ни декабристом, ни ссыльным политическим преступником и имел причины для того, чтобы по собственной инициативе переехать из Волынской губернии в Сибирь.

Мы проанализировали источники нескольких типов. Во-первых, формулярные списки Н.-С. Е. Кржижановского, составленные в 1842 г. в Луцком дворянском уездном училище [40, с. 5–6], в 1849 г. в Томской казённой палате [36, л. 342–347], а также в 1849–1853 [28, л. 1–6], 1852 [18, л. 1–12], 1855 [29, л. 56 об. — 65] и 1857 гг. [39, л. 8–19] в Тобольской казённой палате. Во-вторых, – документы о принадлежности Н.-С. Е. Кржижановского к дворянскому роду Кржижановских герба Дембно. Ценнейшим источником является составленная на польском языке трёхстраничная выписка из определения Подольского дворянского собрания о признании дворянства, датированная 1826 г. Этот документ содержит генеалогические и биографические сведения как о самом Н.-С. Е. Кржижановском, так и о трёх поколениях его предков [40, л. 10, 10 об., 11]. Кроме того, сохранился ряд справок за 1827–1832 гг., подтверждающих факт внесения Н.-С. Е. Кржижановского в родословную книгу и указывающих его место проживания [40, л. 66, 8, 9]. В-третьих, – документы о негласном полицейском надзоре за Н.-С. Е. Кржижановским за 1846–1848 гг.: переписка между томским гражданским губернатором и исправляющим должность военного губернатора Житомира и Волынского гражданского губернатора об установлении и продолжении надзора, а также о его результатах [34, л. 55, 65–66 об.], предписание Томской общей полицейской управе о наблюдении за Н.-С. Е. Кржижановским [34, л. 56] и рапорт Томской общей полицейской управы о результатах наблюдения [34, л. 62, 62 об.]. В-четвёртых, — выписка из показаний Александра Николаевича Кржижановского, данных в 1866 г., в которой упоминается его отец Николай-Спиридон

[38, л. 80, 80 об.]. Наконец, источники, содержащие сведения о семейных обстоятельствах членов семьи Кржижановских: записи в метрических книгах католических приходов в Житомире — о браке Н.-С. Е. Кржижановского с М. П. Долинской в 1843 г. [41, л. 10], в Луцке — о смерти первой супруги Н.-С. Е. Кржижановского в 1842 г. [42] и в Тобольске — о смерти его второй супруги в 1898 г. [25, л. 2 об.] из православной Троицкой церкви при Тюремном замке в Казани — о браке сына Н.-С. Е. Кржижановского Максимилиана с М. А. Тиминной в 1865 г. [31], а также переписной лист первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по г. Тобольску, в котором указана М. П. Кржижановская [26].

Очень важной группой документов является административная переписка, отражающая обстоятельства перемещений Н.-С. Е. Кржижановского по службе. К этим документам относятся: ходатайства директора училищ Волынской губернии о переводе Н.-С. Е. Кржижановского в Волынскую гимназию — 1842 г. [40, л. 1, 1 об.] и в Тобольскую гимназию в 1846 г.; извещения от попечителя Киевского учебного округа в ответ на эти ходатайства [40, л. 2, 13, 13 об.]; письма директора училищ Волынской губернии — 1842 г. [40, л. 3, 3 об.], исполняющего должность штатного смотрителя Луцкого дворянского уездного училища, — 1842 г. [40, л. 4] и генерал-губернатора Западной Сибири — 1846 г. [34, л. 43], а также ведомость по дирекции училищ Томской губернии за август 1846 г. [35, л. 34], дающие представление о процессе переезда Н.-С. Е. Кржижановского из Луцка в Житомир и позже в Томск; извещение от Томского общего губернского управления о перемещении Н.-С. Е. Кржижановского из учебного в гражданское ведомство — 1848 г. [35, л. 77].

В контексте верификации сообщений Г. М. Кржижановского о ссылке деда нами была проведена большая работа по изучению архивных и библиографических источников

на русском и польском языках, касающихся других представителей рода Кржижановских герба Дембно: трудов семейного летописца С. Кржижановского [15], биографических словарей [13; 16; 23; 24], свидетельств о жизни С. Ф. Кржижановского в ссылке [32], административной переписки о возвращении в Россию Л.-А. А. Кржижановского [33].

Николай-Спиридон Кржижановский: биография

Опираясь на вышеперечисленные источники, мы предприняли попытку восстановления биографии Н.-С. Е. Кржижановского. Все цитаты из источников приводятся нами согласно современным орфографии и пунктуации.

Николай-Спиридон родился 8 декабря 1805 г. за пределами Российской империи, в Ивано-Франковске, который в начале XIX в. назывался Станиславов и входил в состав Австрийской империи [40, л. 7]. Его отец, Ежи-Кароль (Георг-Карл) Кржижановский, был профессиональным юристом и в течение 30 лет занимал должность мандатария г. Станиславова [17, с. 99; 18, с. 123]. Он обучался у известных в то время адвокатов — Константия Ортынского и Тадеуша Павловского и принимал участие в резонансном судебном процессе, связанном с имуществом магната Антония-Протасия Потоцкого [23; 40, л. 10, 10 об.]. Матерью Николая-Спиридона была Марианна Клоц [40, л. 7].

В 1821 г. Н.-С. Е. Кржижановский закончил полный курс Станиславовской гимназии [43, с. 9; 40, л. 10 об.], выпускником которой в 1792 г. был его отец [44, с. 2; 40, л. 10 об.]. В 1822 г. стал студентом Лембергской академии и до 1824 г. обучался на курсе философии [27, л. 1 об.; 40, л. 10 об.].

До середины 1820-х гг. вся его жизнь была связана с Австрийской империей. 1826 г. датирован первый документ, выданный Н.-С. Е. Кржижановскому российской администрацией, а именно определение Подольского депутатского

собрания о признании его дворянином на основании предложенных им документов, согласно которому 21 сентября 1826 г. он был вписан в первую часть родословной книги Подольской губернии [40, л. 10, 10 об., 11]. В свидетельстве, выданном в 1827 г. Каменецкой комиссией о разборе шляхты, Н.-С. Е. Кржижановский поименован как шляхтич с. Ластовец Каменецкого повета [40, с. 9]. Следующий подтверждённый источниками факт из жизни Н.-С. Е. Кржижановского (см. ниже) датирован уже началом 1832 г. Между этими двумя датами — почти пятилетний пробел. Чем он занимался после окончания обучения? Принимал ли участие в Польском восстании 1830–1831 гг.? И если да, то какова была его роль? Эти вопросы требуют проведения дальнейших исследований в архивах Вены, Львова и Ивано-Франковска.

Отец Н.-С. Е. Кржижановского занимал пост станиславовского мандатария до середины 1830-х гг. и должен был иметь стабильный доход, позволявший финансировать обучение и пребывание сына в Лемберге, а также связи, которые могли бы облегчить сыну получение должности в австрийской администрации. Тем не менее Н.-С. Е. Кржижановский в начале 1830-х гг. принял решение начать самостоятельную карьеру преподавателя в Российской империи. На основании положительно сданных в Волынском лицее экзаменов по латыни, французскому и немецкому языкам, словесности этих языков, а также Закона Божия, 25 января 1832 г. он получил аттестат Управления комитета Императорского Харьковского университета на преподавание частно и в учебных заведениях Российской империи [27, л. 1 об.].

19 марта 1834 г. Н.-С. Кржижановский поступил на службу в Новоград-Волынское уездное училище младшим учителем латинского языка. Он провёл в стенах этого учебного заведения неполных два года и 19 января 1836 г. был перемещён попечителем Киевского учебного округа в Луцкое дворянское

училище, также на должность преподавателя латыни [27, л. 2 об.]. Таким образом, Николай-Спиридон переехал из Новоград-Волынского в Луцк.

Служа в Луцком дворянском училище, Николай-Спиридон привлёк к себе внимание директора училищ Волынской губернии Б. И. Фатера, который 10 апреля 1842 г. писал попечителю Киевского учебного округа: «После перевода младшего учителя латинского языка вверенной мне гимназии Шведова¹ в Немировскую гимназию место его остаётся праздным, и я часто нахожусь в затруднении заместить уроки латинского языка свободным от преподавания учителем. Для устранения этого неудобства и зная отличный способ преподавания и постоянное усердие в службе учителя латинского языка Луцкого уезд.[ного] двор.[янского] училища Кржижановского, я считаю весьма полезным перевести его в подведомую мне гимназию на место учителя Шведова, о чём и осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Сиятельство сделать своё распоряжение. Таковое повышение Кржижановского в должности будет наградою и уважением его трудов и способностей, а между тем гимназия приобретёт усердного и способного учителя» [40, л. 1, 1 об.].

Пока ходатайство было на рассмотрении, директор губернских училищ решил выразить своё расположение, поставив Н.-С. Е. Кржижановского во главе всего Луцкого дворянского училища, и с 24 июня 1842 г. тот начал исполнять должность штатного смотрителя училища [27, 2 об.; 28, л. 3, 3 об.]. Этот важный факт биографии — руководство средним учебным заведением — отражён лишь в формулярных списках Н.-С. Е. Кржижановского, вероятно, в связи с непродолжительностью его службы в указанной должности. Во всей сопутствующей переводу из Луцкого дворянского училища

¹ Учитель 2-го отделения Волынской губернской гимназии А. А. Шведов [8, с. 374].

в Волынскую губернскую гимназию переписке Н.-С. Е. Кржижановский именуется исключительно учителем латинского языка [40, л. 2, 3]. В официальных адрес-календарях за 1841 и 1842 гг. исполнителем должности смотрителя училища указан И. П. Глебовский [8, с. 374; 9, с. 385].

В этот период Н.-С. Е. Кржижановский овдовел. Брак с Евгенией-Франчишкой де Граммон-Харсанде — одно из крупнейших белых пятен в его биографии. Единственным на сегодняшний день источником сведений о первом браке Н.-С. Е. Кржижановского является запись в метрической книге луцкого католического прихода о смерти его супруги. Евгения Франчишка была на четыре года старше своего мужа, исповедовала католицизм и умерла от туберкулёза 17 июля 1842 г. в Луцке в возрасте 41 года, не оставив потомства [42].

Ровно через два месяца после похорон, 16 сентября 1842 г., Б. И. Фатер получил уведомление о положительном рассмотрении своего ходатайства насчёт перевода Н.-С. Е. Кржижановского в Волынскую губернскую гимназию [40, л. 2]. 28 сентября Кржижановский официально сдал должность и всё вверенное ему казённое имущество и, не откладывая, выехал в Житомир. Лишь 3 октября новый исполняющий должность штатного смотрителя Луцкого дворянского уездного училища И. Тимков выслал Б. И. Фатеру бумаги Н.-С. Е. Кржижановского: формулярный список 1842 г. и документы, подтверждающие дворянство [40, л. 5, 5 об., 6, 6 об., 8–10]. Тимков также сообщил, что Н.-С. Е. Кржижановский был «удовлетворён жалованием по 12 сентября, то есть за 12 дней сентября месяца» [40, л. 4].

23 января 1843 г. в Житомире Н.-С. Е. Кржижановский в возрасте 37 лет женился на двадцатилетней католичке из Бердичева Марианне Долинской, дочери Павла Долинского и Иоанны Прекоп [26; 41, л. 10]. Вскоре пара стала родителями двух сыновей: Максимилиана, родившегося 30 декабря 1843 г., и Александра, родившегося 26 февраля 1846 г. [27, л. 2].

В 1840 г. начала работать Центральная комиссия для ревизии действий дворянских депутатских собраний, что напрямую коснулось Н.-С. Е. Кржижановского [1, с. 9]. Несмотря на внесение его в родословную книгу Подольской губернии в 1826 г., он не прошёл проверку комиссии и был лишён привилегий дворянского сословия. Этот факт отражён в формулярном списке 1852 г., во 2-й графе которого указано: «Из дворян, не утверждённых Герольдией» [27, л. 1 об.].

По неизвестной на сегодняшний день причине 7 мая 1843 г. в Житомире за Н.-С. Е. Кржижановским был установлен тайный надзор полиции [34, л. 55], который продолжался и в Сибири, как минимум до лета 1848 г. [34, л. 56, 65]. Нами был обнаружен лишь один полицейский рапорт о результатах наблюдения за Н.-С. Е. Кржижановским, согласно которому на конец июня 1848 г. в Томске «ничего неблаговидного замечено не было» [34, л. 62, 62 об.]. В контексте данного исследования важна карандашная резолюция томского гражданского губернатора на рапорте: «Полицейской управе дать вновь знать, что Кржижановский не прислан под надзор, но определён здесь на службу и только остаётся под секретным надзором по одному уведомлению Волынского гр.[ажданского] губ.[ернатора], почему полиция и должна отличать его от обыкновенных людей, присылаемых прямо под надзор полиции» [34, л. 62, 62 об.]. В доступной нам официальной документации о службе Н.-С. Е. Кржижановского эпизод с установлением тайного полицейского надзора отражён не был.

В начале 1846 г. Н.-С. Е. Кржижановский предпринял первую попытку уехать в Тобольск. Вероятно, это решение было вынужденным, связанным с деклассированием шляхты и, возможно, установлением полицейского надзора, однако полностью добровольным. На территории Российской империи Н.-С. Е. Кржижановский не подвергался ни штрафам, ни следствию, ни суду, что указано в его формулярных списках.

19 января 1846 г. директор училищ Волынской губернии писал попечителю Киевского учебного округа: «Учитель латинского языка параллельных классов вверенной мне гимназии Николай Кржижановский просит моего ходатайства о перемещении его в Тобольскую гимназию учит[елем] немец [кого] языка на вакан[сию] умер[шего] учит[еля] Цеглярского². Усердная служба сего чиновника и изложенные в прошении его причины поставляют меня в обязанность покорнейше просить Ваше Высочородие не отказать сему учителю <...> в ходатайстве о перемещении его на службу в Тобольскую гимназию» [40, л. 12, 12 об.]. Однако место уже было занято [40, л. 13, 13 об.], и Н.-С. Е. Кржижановский стал искать возможность получить перевод в Томск. Эти попытки увенчались успехом, и 19 июля 1846 г. он был официально перемещён на должность учителя немецкого языка в Томскую губернскую гимназию, получив пособие: 600 руб. 49 коп. из Житомирского и 154 руб. 27 коп. из Томского окружных казначейств [27, л. 3 об.].

Н.-С. Е. Кржижановский недолго преподавал немецкий язык в Томской гимназии. Через полтора года он подал прошение о переводе его из учебного в гражданское ведомство, и 29 мая 1848 г. был официально утверждён с разрешения генерал-губернатора Западной Сибири в штате Томской казённой палаты [35, л. 77].

Эта работа была связана с частыми командировками. Специализацией Н.-С. Е. Кржижановского стали вопросы производства спиртных напитков. Он неоднократно посещал Коровский винокурный завод: летом 1848 г. — для составления статистического описания завода; в декабре 1848 г. — выяснял причины ухудшения качества продукции, а именно снижения крепости вина; а в октябре 1849 г. исследовал обстоятельства пожара на складе. 27 августа 1849 г.

² Профессор Цеглярский и его супруга упоминаются в дневниках А. Павши [14, с. 497–498].

Н.-С. Е. Кржижановский инспектировал караульную избу в Богородском винном подвале. С 15 января по 12 августа 1849 г. он занимал ответственную должность секретаря Томской казённой палаты, в связи с тем что постоянный секретарь в это время замещал временно отсутствовавшего начальника отделения в Общем губернском управлении Томской губернии [39, л. 12 об. — 13; 27, л. 4 об., 5 об.].

21 октября 1849 г. Николай-Спиридон Кржижановский был переведён в Тобольск на должность асессора казённой палаты с испытательным сроком, который закончился 23 июля 1853 г. окончательным утверждением в должности. Вскоре после этого он был утверждён и в чине коллежского асессора — VIII гражданского чине, дававшем право на личное дворянство [10]. О его приезде в Тобольск написал в своём дневнике Антоний Павша: «Кроме изгнанников, в Сибири находились поляки, которые занимали государственные должности. Кржижановские недавно приехали из Томска, где жили три года. Он служил там контролёром в казённой палате и назначен её асессором в Тобольске, оба из Волынской губернии, он был учителем в Луцке и Житомире» [14, с. 506].

Сын Николая-Спиридона Александр в своих показаниях от 25 октября 1866 г. сообщил, что его отец «служил в г. Тобольске в казённой палате управляющим хозяйственным управлением» [38, л. 80]. Это было некоторым преувеличением, так как до самой своей смерти в 1857 г. Кржижановский состоял на должности асессора. Однако он действительно несколько раз замещал управляющего хозяйственным отделением — с 14 по 17 июня 1852 г., с 26 июня по 1 августа 1854 г., а также с 15 февраля по 5 марта и с 15 ноября по 15 декабря 1855 г. Кроме того, он временно управлял питейным отделением с 1 по 25 ноября 1853 г. и губернской чертёжной — с 24 апреля по 17 мая 1857 г. [39, л. 15 об., 16 об., 17 об.]. До самой своей смерти он вёл светскую жизнь, общался с сосланными

в Тобольск поляками, вместе с женой участвовал в званых обедах по случаю Пасхи, именин и просто без повода у Мечислава Хвалибога и четы Морачевских³, навещал Антония Павшу в деревне под Тобольском [14, с. 511, 515, 525].

Как видно из формулярных списков Н.-С. Е. Кржижановского, он состоял на хорошем счету у начальства, был награждён знаками отличия — за 15 и 20 лет беспорочной казённой службы и прибавкой к жалованью в размере половины оклада за 5-летнюю беспорочную службу в Сибири. Также был пожалован тёмной бронзовой медалью на Владимирской ленте, учреждённой в память войны 1853–1856 гг. для ношения в петлице. Его жалованье со всеми прибавками составляло 729 руб. 35 коп.

Н.-С. Е. Кржижановский умер 29 июля 1857 г. в возрасте 51 года [39, л. 18 об.], будучи не несчастным ссыльным, а уважаемым гражданином, состоящим на государственной службе. Оба его сына закончили губернскую гимназию в Тобольске [31; 41, л. 3, 3 об.] и смогли уже после смерти отца поступить в университеты: Максимилиан в Казанский [30, л. 121, 121 об.], а Александр в Московский [39]. Жена Мария Павловна пережила Н.-С. Е. Кржижановского на сорок лет и скончалась в тобольской губернской больнице 28 февраля 1898 г. [25; 26].

Бунтари Кржижановские: возможные прототипы легендарного образа

Отец Г. М. Кржижановского Максимилиан, воспитываясь в доме Н.-С. Е. Кржижановского, был, безусловно, осведомлён об обстоятельствах его карьеры и переезда в Сибирь. Тем не менее семейная легенда Кржижановских повествует

---

³ Михал Морачевский с супругой известны тем, что им удалось открыть в ссылке кедровую маслوبيню, продукция которой пользовалась спросом даже в Москве [12, с. 38].

о революционной деятельности Н.-С. Е. Кржижановского и о ссылке. Можно предположить, что легенда основана на фактах из жизни родственников Н.-С. Е. Кржижановского, известных его сыну Максимилиану.

Прототипом образа «деда-повстанца» мог стать Северин Фаддеевич Кржижановский (1787–1839) — также представитель рода и герба Дембно, глава Польского патриотического общества, в 1824 г. установивший в Киеве контакты с членами Южного общества — будущими декабристами М. П. Бестужевым-Рюминым и С. И. Муравьёвым-Апостолом [16]. Возможно, именно этот эпизод лёг в основу утверждения о том, что дед Г. М. Кржижановского был декабристом. С. Ф. Кржижановский был арестован в 1826 г. и позже сослан в Тобольскую губернию. В связи с резким ухудшением состояния здоровья он был перевезён в Ишим, а позже в Тобольск, где и умер в 1839 г. В последние годы жизни он страдал от физических и психических заболеваний, а также от галлюцинаций, бредил, не мог самостоятельно передвигаться, однако часто просил посадить его на коня, на котором великолепно гарцевал, даже будучи наполовину парализованным [22, с. 190–192]. Он вёл обширную переписку, требуя отправить его для лечения на Кавказ, в приступах агрессии избивал полицейских [32]. Он стал настолько известной фигурой в Тобольске, что в 1856 г. польская община даже собирала деньги, чтобы поставить ему памятник [14, с. 523]. Рассказы о нём могли дойти до Н.-С. Е. Кржижановского и его домочадцев и через десять лет после его смерти.

Образ повстанца, который «отказался брать Сейм», мог быть позаимствован и из биографии Людовика-Августина Антоновича Кржижановского (1805–1880), участника Польского восстания 1830–1831 гг. Он родился в с. Куманов Проскуровского уезда Подольской губ., в 120 км от с. Ластовец Каменецкого уезда, где в конце 1820-х гг. жил

Н.-С. Е. Кржижановский. Людовик-Августин был его ровесником и приходился дядей Станиславу Кржижановскому — автору генеалогических публикаций о роде Кржижановских герба Дембно [15, с. 15]. В ранней юности став по желанию своей влиятельной родственницы — графини Полетило — кадетом 2-го Уланского полка, он был откомандирован в Варшаву, в школу прапорщиков кавалерии. Ноябрьское восстание началось 29 ноября 1830 г. с вооружённого выступления курсантов школы прапорщиков пехоты в Варшаве. В ту ночь курсанты-пехотинцы не дождались поддержки своих коллег из кавалерийской школы, которые отказались участвовать в покушении на жизнь великого князя Константина Павловича. В первые недели восстания курсанты-кавалеристы остались верны присяге, а к восстанию присоединились, закончив школу, получив звания подпоручиков и вернувшись в свои полки в декабре 1830 г. [20, с. 480–481]. В составе корпуса полковника Ю. Дверницкого Л.-А. А. Кржижановский участвовал во многих значимых сражениях: при Вавре, Грохове, Дембе-Вельке, Доманицах и Остроленке. 14 марта 1831 г. был награждён Золотым Крестом *Virtuti Militari* за битву при Сточке, был ранен [24, с. 107; 15, с. 382]. 18 сентября вместе с корпусом генерала Дж. Ромарино перешёл границу Австрийской империи [21, с. 23]. После расформирования полка австрийскими властями уехал во Францию, был объявлен изгнанником. В 1832 г. подписал в Бурже адрес к британскому парламенту о восстановлении независимости Польши. В 1846 г. его брат Михаил ходатайствовал о прощении Л.-А. А. Кржижановского и разрешении вернуться в Российскую империю, мотивируя свою просьбу крайней бедностью и болезнью брата. Однако на родину тот смог попасть лишь в 1858 г. [33, л. 4, 4 об., 5, 23, 23 об.]. Пока работала бюрократическая машина, Л.-А. А. Кржижановский успел принять активное участие в событиях «Весны народов» в 1848 г. в составе вооружённого

формирования майора П. Джевецкого, жениться на итальянке Целине Целлини и стать отцом двоих детей [13, с. 382]. Рассказы о героических подвигах храброго улана, изгнанного и пострадавшего за свои убеждения, не могли не передаваться из уст в уста среди многочисленных представителей клана Кржижановских герба Дембно, проживавших в окрестностях Каменца-Подольского [15], обрастая неправдоподобными подробностями. Отголоски этих рассказов, скорее всего, дошли до Н.-С. Е. Кржижановского задолго до его переезда в Сибирь, а позже стали темой бесед с женой и подрастающими сыновьями. В семейной легенде очень важна характерная деталь об отказе «братъ Сейм», которая перекликается с отказом курсантов школы прапорщиков кавалерии, в числе которых был и Л.-А. А. Кржижановский, штурмовать Бельведер — резиденцию великого князя Константина Павловича, фактического наместника царства Польского. Эта деталь косвенно указывает на Л.-А. А. Кржижановского как на основной прототип образа «деда-повстанца».

Наконец, брат Л.-А. А. Кржижановского — Юзеф-Ян (1808–?) также принимал активное участие в восстании 1830–1831 г. Он не был профессиональным военным. Выпускник базилианской школы в г. Баре, присяжный адвокат в Литинском уездном суде, он добровольцем вступил в Познанский кавалерийский полк [19], получил звание подпоручика, позже был переведён в штаб генерала Я.-Н. Уминского и, так же как его брат, 2 июня 1831 г. получил Золотой Крест *Virtuti Militari* [13, с. 381]. Ю.-Я. А. Кржижановскому удалось избежать ссылки, и после окончания восстания он вернулся к гражданской жизни, в частности был администратором имений княгини Каролины Виттгенштейн (возлюбленной композитора Ференца Листа), графа Леопольда Полетило и аристократической семьи Потоцких [24, с. 107]. Трудно судить, был ли факт его участия в восстании широко известен общественности,

однако нельзя исключать того, что Н.-С. Е. Кржижановский об этом знал.

Заключение

Собранный в рамках исследования материал позволяет в общих чертах реконструировать биографию Н.-С. Е. Кржижановского. Он действительно был поляком, представителем шляхетского рода и умер в Тобольске. На сегодняшний день ничего не известно о том, чем Кржижановский занимался во время Польского восстания 1830–1831 гг., при каких обстоятельствах он женился на Е.-Ф. де Граммон-Харсанде, как он мотивировал своё желание переехать из Житомира в Сибирь и чем было вызвано установление тайного полицейского надзора в 1843 г. Тем не менее источники не оставляют никаких сомнений в том, что Н.-С. Е. Кржижановский не был политическим преступником, никогда не находился под следствием и не был приговорён к ссылке, а в Сибирь приехал абсолютно добровольно.

Можно с уверенностью утверждать, что широко распространённое представление о деде Г. М. Кржижановского как о ссыльном революционном деятеле является яркой и колоритной семейной легендой, возможно, основанной на фактах из жизни одновременно нескольких человек. Эта легенда гармонично вписалась в актуальный для окружения Г. М. Кржижановского контекст мифологизации героев — мучеников, борцов за свободу. Упоминания о Н.-С. Е. Кржижановском в автобиографических очерках говорят о том, что образ потомка бунтаря-революционера был важным элементом самоидентификации Г. М. Кржижановского, однако, возможно, сам он до конца не был уверен в соответствии этого образа реальной биографии деда. Легенда о деде-герое, безусловно, сыграла огромную положительную роль в становлении его личности: придавала уверенности

в себе в трудные минуты и служила образцом стойкости и верности своим идеалам.

Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке материала И. В. Созинову, в период до сентября 2022 г. заведующему экспозиционно-мемориальным отделом Государственного центрального музея современной истории России «Квартира Г. М. Кржижановского», а также генеалогу Н. А. Мясниковой.

Список сокращений

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГА Тоб — Государственный архив в г. Тобольске
ГАТО — Государственный архив Томской области
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
ЦГА Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы
ДАЖО — Державний архів Житомирської області (Украина)
AGAD (Archiwum Główny Akt Dawnych) — Главный архив старых актов (Польша)

Список источников и литературы

1. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / [пер. с фр. М. Крисань]. — Москва : НЛО, 2011.
2. *Карцев В. П.* Кржижановский. — Москва : Молодая гвардия, 1980.
3. *Киселёв А. А.* Источники формирования образа «героя» у членов партии социалистов-революционеров начала XX века // *Современные проблемы науки и образования.* — 2015. — № 2 (ч. 1). — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20603> (дата обращения: 18.02.2022).

4. *Красильщиков В. И.* В начале будущего. Повесть о Глебе Кржижановском. — Москва : Политиздат, 1977.

5. *Кржижановский Г. М.* Автобиография // *Энциклопедический словарь.* — 7-е изд. — Т. 41. — Ч. 1. — Москва : Русский библиографический институт Гранат, 1824. — С. 234–236.

6. *Кржижановский Г. М.* Моя жизнь // *Волжская коммуна.* — 1937. — № 268. — С. 2–3.

7. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. — Самара : Самарский научный центр РАН, 2011.

8. *Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1841 год.* — Ч. 1. — СПб. : Императорская академия наук, 1841.

9. *Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 год.* — Ч. 1. — СПб. : Императорская академия наук, 1842.

10. *Манифест Николая I № 19086 от 11 июня 1845 г. о порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи.* — Соб. II. — Т. XX. — Отд. I, 1845. — СПб. : Типография II отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1846. — С. 450–451.

11. *Флаксерман Ю. Н.* Глеб Максимилианович Кржижановский [1872–1959]. — Москва : Наука, 1964.

12. *Шайдуров В.* Сибирская колония в первой половине века: особенности формирования и развития // *Przegląd Wschodnioeuropejski.* — 2014. — № 5 (2). — С. 29–40.

13. *Bielecki R.* Słownik Biograficzny Oficerów Powstania Listopadowego. Tom II. — Warszawa : Neriton, 1996.

14. *Iwanowski (Heleniusz) E. A. H.* Antoni Pawsza / *Pamiętki Polskie z Różnych Czasów.* Т. II. — Kraków : Nakładem autora, 1882. — S. 477–583.

15. *Krzyżanowski Dębno S.* Wiadomość o Rodzie Krzyżanowskich Herbu Dębno. — Odessa : Drukarnia Słowiańska, 1875.

16. *Lepkowski T.* Krzyżanowski Seweryn / Polski Słownik Biograficzny. T. XV. — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1970. — S. 616–617.

17. Schematismus für die Königreiche Galizien und Lodomerien, Fammt Einem Namen-Register für das Jahr 1806. — Lemberg, 1806. — URL: https://mtg-malopolska.org.pl/images/skany/schematyzmy/szematyzm_1806_w.pdf (Дата обращения: 16.02.2022).

18. Schematismus der Königreiche Galizien und Lodomerien für das Jahr 1834. — Lemberg, 1834. — URL: https://mtg-malopolska.org.pl/images/skany/schematyzmy/schematismus_1834.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

19. *Staszewski J.* Kilka Uwag o Pułku Jazdy Poznańskiej 1831 Roku // Rocznik Historyczny — 1934. — № 10. — S. 106–110.

20. *Sujkowski A.* Szkoła Podchorążych Jazdy 1815–1830 // Przegląd Kawaleryjski, 1930. — Vol. 7. — № 11–12. — S. 471–483.

21. *Trąbski M.* Drugi pułk ułanów Armii Królestwa Polskiego: Organizacja i Działania Bojowe (1815–1831) // Przegląd Historyczno-Wojskowy. — T. 14 (65). — 2013. — № 4 (246). — S. 7–24.

22. *Wolicki K.* Wspomnienia z Czasów Pobytu w Cytadeli Warszawskiej i na Syberji. — Lwów : Księgarnia Gubrynowicza i Schmidta, 1876. — S. 190–192.

23. *Zielińska Z.* Potocki Prot // Polski Słownik Biograficzny. — T. 28/1. — Z. 116. — 1984. — S. 135.

24. *Żychliński T.* Złota Księga Szlachty Polskiej, Rocznik 1. — Poznań : Jarosław Leitgeber, 1879.

25. ГА Тоб. Ф. И156. Оп. 15. Д. 725. Л. 2 об.

26. ГА Тоб. Ф. И417. Оп. 2. Д. 29. Л. 19.

27. ГА Тоб. Ф. 152. Оп. 31. Д. 427. Л. 1–12.

28. ГА Тоб. Ф. 154. Оп. 10. Д. 718. Л. 1–6.

29. ГА Тоб. Ф. 154. Оп. 10. Д. 766. Л. 56 об. — 65.

30. ГА РТ. Ф. 977. Оп. физмат. Д. 476. Л. 121–121 об.

31. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 153. Д. 7. Л. 420 об.

32. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 173. Ч. 6. Л. 23–25 об., 57–59.

33. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 21. Эксп. 1. Д. 316. Ч. 28.

34. ГАТО. Ф. 3 Оп. 13. Д. 158.

35. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 90.

36. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 145. Л. 342–347.

37. РГАСПИ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 157.

38. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 56. Д. 65. Т. 2. Л. 80, 80 об.

39. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 32. Д. 595.

40. ДАЖО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 621.

41. ДАЖО. Ф. 178. Оп. 51. Д. 501. Л. 10.

42. AGAD. Ф. PL1 436. Sygn. 378. S. 50. — URL: http://agadd.home.net.pl/metrykalia/436/sygn.%20378/pages/PL_1_436_378_0028.htm (дата обращения: 16.02.2022).

43. *Juventus Caesareo Regii Gymnasii Stanislao poliensis e Moribus et Progressu in Literis Censa Exeunte Anno Scholastico/ Польская национальная библиотека. — Biblioteka Narodowa, Magazyn Starych Druków SD P.14821. — URL: <https://polona.pl/item/gymnasii-stanislao poliensis-juventus-in-ordines-tributa-ex-meritis-semesteri-exeunte,ODQzODg2NjU/0/#info:metadata> (дата обращения: 16.02.2022).*

44. *Nomina Perillustrium Nobilium ac Ingenuorum Juvenvm in Caesareo Stanislao poliensi Gymnasio Humanioribus Litteris Studentium Ordine Classium In Quas hoc Anno Scholastico Referr Meruerunt, Anno 1789: II. — Lemberg : Typis Josephi Joann. Piller, 1789. — URL: <https://polona.pl/item/nomina-perillustrium-nobilium-ac-ingenuorum-juvenvm-in-caesareo-gymnasio,ODQzODg2MjU/0/#info:metadata> (дата обращения: 16.02.2022).*

С. В. Генералова,
начальник отдела научно-просветительской работы
Музея-заповедника «Горки Ленинские», Московская обл.

Информативность материальной культуры при изучении повседневности на примере коллекции музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле»

Аннотация. Изучение повседневности находится в зависимости от источниковой базы, которая определяет, насколько возможным оказывается реконструкция быта, привычек и стиля жизни человека. Целью данной работы является введение в научный оборот фондов мемориального музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» с целью изучения быта и повседневности представителей большевистской элиты первых лет советской власти. Благодаря тому, что коллекция сохранена в полном объёме, поиск происхождения предметов, особенности их функционирования и бытования представляются крайне информативными.

Ключевые слова: быт, повседневность, элита, источниковая база, музейный предмет.

Svetlana Generalova,
Head of the Scientific and Educational Department of the Gorki Leninskiye Museum-Reserve,
Moscow region, Gorki Leninskie

Informativity of material culture in the study of everyday life on the example of the collection of the museum “Office and apartment of Vladimir Lenin in the Kremlin”

Abstract. The study of everyday life depends on the source base, which determines how possible it is to reconstruct a person's life, habits and lifestyle. The aim of this work is to introduce into the scientific turnover the funds of the memorial museum „The study and apartment of Vladimir Lenin in the Kremlin“ in the study of the way of life and everyday life of representatives of the Bolshevik elite of the first years of Soviet power. Since the collection has been completely preserved, the search for the origin of objects, the peculiarities of their functioning and existence seems to be extremely informative.

Keywords: life, everyday life, elite, source base, museum item.

Музеи реализуют общественную потребность «в отборе, сохранении и репрезентации <...> культурных <...> объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение» [1].

Мемориальные музеи отличаются от остальных прежде всего тем, что «культурные объекты» не изымаются из «среды бытования». Посвящённые знаковым личностям, они создаются на базе охраняемых государством памятных комплексов — пространств, в которых происходили события (в том числе домов, квартир, территорий парков, улиц или других объектов) и коллекций мемориальных предметов.

Рост интереса к истории повседневности требует расширения эмпирической основы конкретно-исторических исследований. Кроме письменных источников, в научный оборот вводятся кино- и фотодокументы, коллекции плакатов, предметов декоративно-прикладного искусства и прочего. Особый интерес представляют коллекции мемориальных музеев, так как они представляют собой целостные уникальные собрания и отражают реалии жизни пусть не рядового, но конкретного человека или семьи.

Целью данной работы является рассмотрение возможности использования коллекции мемориального музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» при изучении быта и повседневности представителей большевистской элиты первых лет советской власти. Особый интерес эта коллекция представляет потому, что, несмотря на смену парадигмы развития страны в 1990-е гг. и десакрализацию образа вождя, фонд музея был сохранён в полном объёме и сегодня может рассматриваться как цельный исторический памятник. Изучение вопросов происхождения предметов, особенностей их функционирования и бытования представляется крайне продуктивным.

В СССР одним из крупнейших музеев был Центральный музей В. И. Ленина (ЦМЛ), имевший крупную сеть филиалов по всей стране [2, т. 28, с. 494]. Большинство этих музеев подчинялись напрямую ЦК КПСС, так как имели не столько культурно-историческую, сколько идеологическую направленность. Ленинские музеи были «призваны воссоздавать атмосферу прошлого <...> путём наглядного показа, подкреплённого документальными источниками, помогать посетителю постичь характер великого человека, почувствовать ритм его жизни и труда, осознать методы работы, взаимоотношения с окружающими» [4, с. 3].

Каждый из мемориальных ленинских музеев рассказывал об определённом периоде — детство, студенчество, первый

политический опыт, ссылка, время революции. Музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» отражал последние пять лет жизни В. И. Ульянова (Ленина), когда тот был главой государства.

Первое советское правительство переехало из Петрограда в Москву в марте 1918 г. и расположилось в бывшем здании Сената. На третьем этаже Ленину были выделены помещения для работы и квартира для жизни его семьи. После кончины вождя в 1924 г. решили сохранять в неприкосновенности его кабинет, библиотеку и комнату в квартире. После смерти Н. К. Крупской в 1939 г. были закрыты остальные комнаты квартиры. Зал заседаний Совнаркома продолжал использоваться до 1958 г.

По легенде, сотрудники Музеев Московского Кремля, открыв в 1954 г. помещения, в которых жил и работал Ленин, увидели практически готовый музей. В акте, составленном комиссией, отмечено, что «кабинет Ленина в течение всех лет, прошедших со дня его смерти, тщательно и бережно сохраняется работниками комендатуры здания правительства. Мебель, карты, книги и прочие предметы находятся в хорошем состоянии». Вид квартиры «в основном соответствует той обстановке, в которой жила семья Ленина в Кремле. <...> Для уточнения экспозиции комнат квартиры комиссия предлагает сделать некоторые изменения в расстановке мебели, вещей и проч.» [7, л. 1–9].

Интересен факт проведения криминалистической экспертизы при восстановлении обстановки кабинета Ленина. В июне 1957 г. научные сотрудники Всесоюзного НИИ криминалистики Прокуратуры СССР произвели исследование фотографических снимков кабинета В. И. Ленина. Пользуясь графическими построениями на пересекающихся лучах, они установили точное положение письменного стола, этажерок, телефонов и других предметов.

К вещам, наполнявшим эти комнаты, музейщики отнеслись с неподдельным трепетом. В коллекцию вошли не только книги, мебель и канцелярские принадлежности. Инвентарные номера были присвоены даже засохшим мандаринам и волосам (которые Мария Ильинична собирала, вероятно, на шиньон), пересчитаны были все пуговицы, перья, скрепки и кнопки в коробочках. Включение в коллекцию этих бытовых мелочей косвенно подтверждает её подлинность.

Комиссия отметила, что все личные вещи семьи Ульяновых (772 предмета), находящиеся в квартире в Кремле, тщательно сохранены работниками комендатуры здания правительства. Была определена принадлежность каждой вещи, в результате чего установлено, что именно из этих вещей принадлежало В. И. Ленину (21 предмет), Н. К. Крупской (141 предмет), М. И. Ульяновой (197 предметов) и А. И. Ульяновой (Елизаровой; 203 предмета). Столовое, постельное бельё и другие вещи, которыми пользовались все члены семьи, насчитывало 57 предметов. 43 предмета не были опознаны.

Комиссия установила, что все эти вещи представляют собой историческую ценность, поскольку «характеризуют быт, привычки и вкусы семьи Ульяновых и подлежат передаче для хранения в ЦМЛ, так как на квартире В. И. Ленина условий для хранения вещей нет» [7, л. 1–9].

С одной стороны, расположение музея в Кремле, который с марта 1918 г. является официальной резиденцией главы государства, способствовало сохранности подлинных предметов. С другой стороны, это привело к тому, что со сменой политического режима в 1990-х гг. изменился адрес мемориального музея. Открытый в годы хрущёвской оттепели и закрытый после горбачёвской перестройки, музей оказался в нестандартной для мемориальных экспозиций ситуации. Наконец в 1994 г. по распоряжению В. С. Черномырдина коллекция была перемещена из Кремля в Музей-заповедник «Горки Ленинские».

В январе 1995 г. экспозиция музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» была развёрнута в здании одной из дач дореволюционной постройки, находящейся на территории парка усадьбы Горки. В правом крыле разместили рабочие помещения руководителя Советского государства: кабинет, библиотеку, зал заседаний Совнаркома и коммутаторную. В левом крыле — помещения квартиры.

Несмотря на перемещение, коллекция не утратила своей полноты и подлинности, следовательно, она по-прежнему представляет интерес для изучения как аутентичный материал. Коллекция музея особенно важна для исследователей быта и повседневности, так как даёт возможность изучения различных бытовых комплексов — мебели, посуды, средств гигиены, а также библиотеки. Кроме того, огромный массив литературы, посвящённый В. И. Ленину и членам его семьи, позволяет исследовать вещи с позиции системного подхода с привлечением других типов исторических источников — письменных, устных, изобразительных и прочих.

В коллекцию входят одежда, обувь, мебель, домашняя утварь, есть даже продукты питания, украшения, оружие, однако основную её часть составляет библиотека. Всего в коллекции около 43 тыс. предметов, из них 41 тыс. — это книги, брошюры и журналы.

Книги, входящие в коллекцию, условно делятся две части — личная библиотека В. И. Ленина и библиотека семьи Ульяновых. Такое деление обусловлено тем, что после смерти В. И. Ленина Н. К. Крупская закрыла помещение его библиотеки. Книги, поступавшие после января 1924 г., хранились уже в комнатах квартиры, а когда этого стало недостаточно, Ульяновым под книжные шкафы выделили дополнительный коридор.

В личной библиотеке преобладает специальная литература, тем не менее книга может многое сказать о своём владельце. Во-первых, мы можем представить круг его интересов.

Личная библиотека Ленина содержит 10 701 книгу. Разделы сформированы следующим образом: религия, психология, социология, транспорт, история рабочего движения, история России, Англии, Франции и др. В личной библиотеке Ленина имеются книги по женскому вопросу и народному образованию. Это значит, что в его библиотеке хранились и книги Н. К. Крупской. Два шкафа содержат собрания сочинений большинства русских классиков, причём не только В. Г. Белинского, В. М. Гаршина, А. И. Герцена, Д. И. Писарева, но и Ф. И. Тютчева и А. П. Чехова. Из зарубежных, например, — У. Шекспира.

Особенно интересны пометки, которые мы находим на страницах книг. Штампы, экслибрисы и надписи, сделанные от руки, позволяют проследить, как книга попала в библиотеку. Так, например, на нахзаце собрания сочинений А. П. Чехова есть пометка «11 томов 300 р». Сопоставив цену книги с дореволюционной (около 2 руб.), можно сделать вывод, что книга куплена по просьбе самого В. И. Ленина. О том, что книги для него часто покупали у букинистов, мы читаем у Ш. Н. Ману-чарьянц, бывшего личного библиотекаря вождя. На форзаце издания комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» видим штамп: «Библиотека Анат. Анатол. Рейнбот Шкаф Полка № ». Значит, Ульяновы привезли эту книгу из дома в Горках, где они часто отдыхали (в 1909–1918 гг. поместье с усадебным домом принадлежало З. Г. Морозовой-Рейнбот).

Из мемуарной литературы мы знаем, что Ленин читал с карандашом в руке. Работая в публичной библиотеке, он делает выписки, но свои личные книги подчас безжалостно чёркает. Издания, содержащие ленинские пометки, хранятся в РГАСПИ. Из них около 500 поступило из музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». В фондах музея они заменены копиями, в которых пометки воспроизведены лишь частично. Однако и это позволяет судить о том, что Ленин читал

очень эмоционально: на страницах мы видим междометия, восклицательные и вопросительные знаки, многократные подчёркивания. Пожалуй, особенно это проявилось в книге А. И. Деникина «Очерки русской смуты»: на некоторых страницах сделано до 8 пометок.

Библиотека семьи Ульяновых насчитывает 18 697 изданий. Бóльшую её часть составляет педагогическая литература, принадлежавшая Н. К. Крупской, по которой можно судить о становлении советской системы образования и участии в этом самой Надежды Константиновны. Книги на эту тему позволяют говорить о том, что советский педагогический проект можно трактовать в первую очередь как проект антропологический. Решалась задача создания нового человека, по отношению к которому всё остальное — экономика, политическая организация, культура — было производным. Во главе Наркомпроса РСФСР (во всяком случае, его первого состава — до 1929), стояли люди, одержимые замыслом нового человекостроительства.

В библиотеке Ульяновых сохранились книги, изъятые из других личных и публичных библиотек. Так, в отдельном шкафу в столовой под замком стояли собрания сочинений и отдельные издания Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, К. Б. Радека и прочих «врагов народа».

У разных авторов можно встретить упоминание о том, что у Анны и Марии Ульяновых были не очень тёплые отношения с Надеждой Константиновной, поэтому они называли её «минога», «рыба», «селёдка». Однако в библиотеке хранится книга «Воспоминания о Ленине», автором которой была Н. К. Крупская, и в верхнем правом углу титульного листа рукой автора сделана надпись фиолетовыми чернилами: «Дорогой Аничке от Миноги». На книге «Стахановцы требуют научно-популярной литературы» того же автора — надпись: «Моей родной, любимой Маняшке. От Надежды, “рыбы”».

Из чего можно сделать вывод, что плохими отношения точно не были, а партийная кличка саму Крупскую не обижала. То, что отношения между тремя женщинами не были конфликтными, косвенно подтверждается и фактом проживания Анны Ильиничны в последние годы (1931–1935) в кремлёвской квартире. Вряд ли А. Ульянова, имея отдельную квартиру на Моховой улице, стала бы переезжать к сестре, если бы атмосфера там была для неё некомфортной.

Ульяновы жили в Кремле с 1918 по 1939 г., поэтому представляется возможным изучение коллекции с различных точек зрения: общая экономическая и политическая ситуация (Гражданская война, НЭП, эпоха большого стиля), гендерные исследования, влияние на быт политического контекста и индивидуально-психологических характеристик.

В годы Гражданской войны экономическая политика большевиков была реактивной. Вопросы жизнеобеспечения граждан (как рядовых, так и элиты) решались путём перераспределения существующих материальных ценностей — жилья, мебели, утвари и прочего. Особенно остро стоял жилищный вопрос. Первоначально в Кремле Ульяновым выделили квартиру общей площадью 137 м². После присоединения комнаты для медицинского персонала в сентябре 1918 г. площадь квартиры увеличилась до 192 м². Назначение и размер помещений были следующими: канцелярия/докторская — 55 м²; комната М. И. Ульяновой — 34 м²; столовая — 14 м²; комната В. И. Ленина — 19 м²; комната Н. К. Крупской — 23 м²; комната домработницы — 23 м²; кухня — 19 м²; ванная-уборная — 5 м².

Несмотря на то, что квартира Ульяновых была достаточно просторной, академик М. И. Авербах, посещавший её, позднее писал: «Он [Ленин] удовлетворялся квартиркой, в которой было ровно столько комнат, сколько нужно было только для жилья ему и ближайшим членам его семьи <...> всё просто, чисто, опрятно <...> есть всё, что нужно много работающей

семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами» [3, с. 119].

Значительный интерес представляет коллекция мебели. В кабинете находятся: большой письменный стол, английские кутанные кресла, венские стулья, шведские книжные шкафы, кожаный диван-купе. Кабинет обставлен стильно и модно по меркам начала XX в. Но это не заслуга самого Владимира Ильича. При поиске предметов обстановки действовал тот же принцип перераспределения: обстановка досталась Совнаркомом и лично Ленину от прежних хозяев. Раньше в этих помещениях размещались отделение департамента юстиции и квартира прокурора судебной палаты. В воспоминаниях коменданта Кремля П. Д. Малькова мы читаем, что Я. М. Свердлов, отдавая распоряжение подготовить квартиры для членов правительства, просил не ориентироваться на Большой Кремлёвский дворец, а брать мебель попроще, например из гостиницы «Националь» [5, с. 109].

Однако молодым латышским стрелкам было непросто выполнить эту рекомендацию: «Решили постараться изо всех сил — обставили квартиру на славу. Привезли туда позолоченные, обитые шёлком и плюшем стулья и кресла, зеркальные шкафы и массивные столы. Но всё это пришлось вытаскивать. <...> Пожалуй, самая роскошная мебель осталась в первое время на посту возле квартиры Ильича. Там стоял столик и обитый красным бархатом мягкий стул с высокой спинкой, на котором в то время разрешалось сидеть и даже читать» [8, с. 12].

Коллекция мебели подтверждает эти слова — самыми ценными с антикварной точки зрения являются столы эпохи Наполеона III. Один стол с инкрустацией в технике маркетри стоит в комнате Н. К. Крупской. Второй, покрытый чёрным лаком и с богатым декорированием, — в прихожей. Как и писал Э. Смилга, здесь располагался пост № 27, то есть за этим

ценным столом сидели сотрудники охраны. На основании этого факта можно предположить, что и Надежда Константиновна вряд ли обращала внимание на ценность своего рабочего стола.

В 1918 г. трудности с предметами первой необходимости испытывали все, включая семью Ульяновых. В коллекции посуды есть простые столовые тарелки с царским гербом и аббревиатурой «ИВОбД», что означает «Императорское воспитательное общество благородных девиц». Следовательно, переезжая из Петрограда в Москву, Ульяновы не были уверены, что смогут быстро и легко организовать свой быт, поэтому взяли несколько тарелок из Смольного.

О дефиците товаров свидетельствует и алюминиевая кастрюля с заплаткой. По воспоминаниям С. Гиля, однажды в 1918 г. он застал на кухне расстроенную Марию Ильиничну. Как оказалось, «прохудилась одна из немногих кастрюль. И Гиль её заклепал» [6].

Личные вещи Крупской говорят о презрении к бытовой стороне жизни. В коллекции хранится её чёрный шерстяной сарафан, шёлковая блузка и ботинки. У сарафана заштопаны карманы, на ботинках и блузке — заплатки.

Как уже отмечалось, бóльшая часть личных вещей (одежды) была передана в ЦМЛ. Однако кое-что можно понять даже при знакомстве с их описью. Все панталоны описаны как сильно поношенные, с заплатками, а хлопковые рубашки также ещё и разорваны. При этом шёлковый халат, подаренный некоей Верой Кошелевой с Дальнего Севера, Крупская не носила совсем.

Коллекция может рассказать также, чем члены семьи занимались в часы досуга. Докторская — самая большая комната в квартире. После отъезда медицинского персонала для Марии Ильиничны здесь поставили кабинетный рояль “С. Bechstein”. Рядом с ним в фанерном коробе хранилась нотная библиотека, которую собирали несколько поколений. Первые ноты

куплены Марией Александровной Ульяновой ещё в девичестве, о чём свидетельствуют инициалы на обложке — «МБ» (Мария Бланк). Модные в 1930-е гг. пьесы «Кирпичики», фокстрот «Джон Грей», скорее всего, принадлежали молодому поколению — воспитаннику Анны Ильиничны Георгию Лозгачёву или племяннику Виктору.

Мария Александровна привила любовь к музыке всем своим детям. Сыновья рано перестали заниматься музыкой, а дочери играли всю жизнь. В нотной библиотеке произведения русских и зарубежных композиторов разной степени сложности, сборники инструктивных пьес для начинающих заниматься музыкой. Точно так же в наличии и характерные для репертуара любителей музыки виртуозные сочинения немецких, французских и других европейских композиторов. Все они, по-видимому, исполнялись, так как в них встречаются и пометки, и записи на полях, исправления в расстановке педали и пальцев. Много имеется вокальной музыки: найдены ноты известных романсов, арий из опер, народных, а также революционных песен.

На основании анализа нотной библиотеки и воспоминаний можно сделать вывод, что музыка играла важную роль в жизни Ульяновых, особенно женщин. Они покупают и сохраняют ноты, в письмах делятся впечатлениями от прослушанных опер, дарят друг другу билеты на концерты. И Крупская говорит о музыке в связи с воспоминаниями о Ленине.

Очевидно, что изучение историко-бытовой коллекции и библиотек музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» помогает реконструировать повседневность большевистской элиты первых лет советской власти. Это было время социальных трансформаций, когда традиционная повседневность разрушалась: с одной стороны, целенаправленно, ради создания нового коммунистического быта, с другой стороны,

старые нормы повседневности невозможно было поддерживать по причине хаоса и разрухи в стране.

Мемориальность и целостность коллекции помогают исследователю лучше понять человека и его поступки, применить приёмы вживания и эмпатии. Даже при кратком обзоре можно сделать вывод, что Ульяновы придерживались традиционных представлений о бытовой стороне жизни.

Список источников и литературы

1. Музей // Большая Российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/education/text/2236403> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Большая Советская энциклопедия / Государственное научное издание «Большая советская энциклопедия». — 2 изд. — Москва, 1954.
3. *Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.* В Кремле жил и работал Ленин : путеводитель. — Москва : Московский рабочий, 1986.
4. *Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.* Встреча с Лениным. — Москва : Советская Россия, 1987.
5. *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. — Москва : Молодая гвардия, 1967.
6. Картоотека музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле», карточка № 1111.
7. Научный архив Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Ед. хр. 31.
8. *Смилга Э. Э.* Из Смольного в Кремль. Пост 27 : сборник воспоминаний. — Москва : Воениздат, 1970.

С. В. Мерзлякова,
ст. науч. сотр. Государственного
исторического музея-заповедника
«Горки Ленинские»,
Московская обл.

Концепция иммерсивного музея и советская реальность на примере экспозиции Музея В. И. Ленина в Горках

Аннотация. Автор статьи обращается к одному из дискуссионных понятий, активно формирующихся в современном музейном сообществе, — «иммерсивность». Рассматривая критерии и условия, определяющие музейный или выставочный продукт как иммерсивный, автор отмечает, что концепция и философия иммерсивного мультимедийного музея были сформулированы и успешно реализованы в СССР в конце 1980-х гг. в Музее В. И. Ленина в Горках. Изучив материалы и документы по истории создания музейного пространства и экспозиции, автор отмечает, что концептуально и технологически Музей В. И. Ленина в Горках является первым иммерсивным музеем в России, отправной точкой в изучении истории становления отечественного иммерсивного мультимедийного музея.

Ключевые слова: иммерсивный музей, мультимедийная экспозиция, музейные технологии, философия музейного пространства, эмпатия, аудиовизуальное шоу, эмоциональный центр.

Svetlana Merzlyakova,
Senior Research Fellow of the State
Historical Museum-Reserve "Gorki
Leninskie", Moscow region

The concept of an immersive museum and soviet reality on the example of the exposition of the Museum of Vladimir Lenin in Gorki

Abstract. *In the article, the author refers to one of the debatable question that are actively being formed in the modern museum community, the concept of immersiveness. Considering the criteria and conditions defining a museum or exhibition product as an immersive one, the author notes that the concept and philosophy of an immersive multimedia museum were formulated and successfully implemented in the USSR in the late 80s of the twentieth century in the Museum of Vladimir Lenin in Gorki. Studying the materials and documents on the history of the creation of the museum space and exposition, the author notes that conceptually and technologically the Museum of Vladimir Lenin in Gorki is the first immersive museum in Russia, the starting point in the study of the history of the national immersive multimedia museum.*

Keywords: *immersive museum, multimedia exposition, museum technologies, philosophy of museum space, empathy, audiovisual show, emotional center.*

Иммерсивность (от англ. *immersive* — погружение) означает способ восприятия, создающий эффект погружения в искусственно созданную среду. Сегодня понятия иммерсивного музея, погружения в историческую эпоху, создания иммерсивной среды — наиболее востребованные тренды в музейном маркетинге. Если ввести в поисковую строку запрос «иммерсивный музей», то мы увидим такие популярные

российские проекты, как Музей в Нефтеюганске [13], «Поезд Победы» [10], Музейный комплекс «Дорога памяти» в парке «Патриот» [11]. И обязательно в первых строках описания этих музеев будут эпитеты «уникальный», «первый», «неповторимый», «невиданный» и т. д. Но так ли это? Действительно ли иммерсивный музей как философия эмоционального соприкосновения с эпохой — это новое слово в проектировании музейной экспозиции в России?

Ответ на этот вопрос можно получить, побывав в Музее В. И. Ленина в Горках, открывшем свои двери для посетителей в 1987 г. Здание Научно-культурного центра, где находится музей, о котором пойдёт речь, — это последний музейный объект, построенный на территории заповедника «Горки Ленинские», и последний идеологический музей, созданный в СССР [5; 1, с. 58]. Он появился тогда, когда понятие «иммерсивность» ещё не вошло в широкий обиход, но необходимость оживления музейной экспозиции, включения чувств и эмоций посетителя в процесс изучения событий далёкого прошлого, была очевидна и для партийных идеологов, и для специалистов по советской музейной лениниане. Понятно, что создание Музея В. И. Ленина в конце 1980-х гг. было невозможно без жёсткого партийного и идеологического контроля. Все музеи, посвящённые тому или иному периоду жизни и деятельности вождя мирового пролетариата, отражали официальную, «каноническую», концепцию жизнеописания Ленина, структурно и содержательно составляя единую систему филиалов Центрального музея В. И. Ленина. Наличие такой серьёзной «господдержки» и определило появление первого иммерсивного проекта, реализованного и сохранившегося почти в аутентичном виде в России. Ведь любой объект, в котором присутствует иммерсивная составляющая, — и 35 лет назад (когда появилась экспозиция горкинского музея), и сейчас — очень дорогостоящее предприятие, финансировать которое

под силу либо крупным компаниям, создающим некий корпоративный музей, либо государству. И в том и в другом случае иммерсивные проекты позиционируются как показатель статуса, демонстрируя и реальные, и потенциальные возможности «заказчика». Таким образом, парадоксальная, на первый взгляд, ситуация появления в СССР иммерсивного мультимедийного проекта в стенах Музея В. И. Ленина оказывается вполне объяснимой и логичной.

Строительство нового экспозиционного здания в Горках разворачивается с 1985 г., а основные подходы к созданию нового объекта обсуждались на заседаниях художественного и научно-методического советов Центрального музея Ленина уже с начала 1980-х гг. [6, л. 111–116]. Научные сотрудники разрабатывали идейно-содержательное наполнение экспозиции, обсуждали тематико-экспозиционные планы [6, л. 70–71]. Параллельно началась работа по созданию фасадов и интерьеров музея. Архитектором Леонидом Павловым создавалась собственно архитектурная концепция, а силами ленинградского Комбината живописно-оформительского искусства (КЖОИ) проектировалась экспозиционная составляющая [4, с. 3]. Творческую группу КЖОИ возглавляли талантливые художники Владимир Ривин и Владимир Коротков. К этому моменту они уже были известными, авторитетными специалистами среди творцов советской музейной ленинианы. На обсуждении художественной концепции будущего музея в 1983 г. было отмечено, что авторы «занимаются тематикой ленинских музеев около 15 лет» [7, л. 147]. Именно их заслугой можно считать появление действительно уникальной экспозиции, позволяющей говорить о практической реализации концепции и философии отечественного иммерсивного музея уже в середине 80-х гг. прошлого века.

Представляя проект архитектурно-художественного решения нового экспозиционного здания в Горках на заседании

художественного совета Центрального музея В. И. Ленина 12 июля 1983 г., авторы говорили, по сути, о механическом перемещении документальной экспозиции Дома-музея в Горках из усадьбы, которая не была приспособлена к огромному потоку посетителей, в новое пространство [8, л. 113]. Но, как это часто бывает, первые подходы к решению творческих задач выглядят весьма скромно на фоне того, как этот проект в конечном счёте реализуется. Именно так выглядит история появления экспозиции Музея В. И. Ленина в Горках. То художественно-эстетическое и идейно-смысловое пространство, которое увидели посетители Музея-заповедника в 1987 г., стало поистине революцией в советском музейном деле.

С первых же шагов посетителя по музейному пространству реализуется идея вовлечения посетителя в процесс познания, погружение в водоворот событий первых лет советской власти. Художники ломают стереотипы даже в мелочах, заставляя зрителя активно включаться в «изучение эпохи». Основа экспозиции Музея В. И. Ленина в Горках — это документы, охватывающие период с 1917 по 1924 г. Они располагаются в перекидных альбомах, которые музейщики называли «турникеты», на комфортной для просмотра и прочтения высоте. Эти металлические страницы листает экскурсовод, ведя группу по музейным залам, но также их может листать и сам посетитель, что для советского музея непривычно. Устойчивое выражение «Экспонаты руками не трогать» не подходит для музея в Горках. Перекидные альбомы, расположенные в каждом из пяти залов, дают возможность в прямом смысле слова прикоснуться к историческим источникам, задержаться на том, что особенно интересно, пропустить то, что сегодня не слишком важно. Более того, можно «рассмотреть» и сам процесс создания документа: увидеть первоначальные формулировки, зачёркивания и исправления, которые вносились в ходе обсуждения;

представить, каким оно было, как жарко спорили и отстаивали свою правоту оппоненты.

Ещё одна новаторская идея, позволяющая посетителю непосредственно взаимодействовать с элементами экспозиции, — ротационные машины. По сути, это шесть металлических стоек, на которых размещены иллюстративные и текстовые материалы, оформленные в газетной стилистике. Это соединённая в кольцо непрерывная газетная лента. Каждая ротационная машина снабжена кнопкой, приводящей ленту в движение. Представляя проект оформления нового экспозиционного здания в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки Ленинские» на заседании худсовета Центрального музея В. И. Ленина, Владимир Коротков так говорит об этом элементе музея: «Газеты могут меняться в каждый нужный момент. Это технически выполнимо. Тема непрерывной газеты расположена на холсте, управление ею автоматическое — её можно остановить на любом месте» [9, л. 8].

Таким образом, посетитель может не только рассмотреть все сюжеты, размещённые на этих «живых» газетах, но и стать в некотором роде соавтором экспозиции, просматривая и останавливая газетную полосу, меняя не только внешний облик, но и смысловую нагрузку этой «ротационной» стены финального зала музея.

Музей В. И. Ленина создавался в период застоя, когда эмоциональный градус восприятия официальной советской идеологии был уже очень низок. Те постулаты, которые звучали с официальных трибун и содержались на передовицах центральных газет и публицистических журналов, уже не вызывали нужного подъёма и энтузиазма среди населения. Поэтому и требовалось оживить эту застывшую риторику, создать нечто необычное, поражающее воображение зрителя, вызывающее его эмоциональный отклик.

Реализация данной задачи была возможна лишь с применением новейших технических средств: аудио-, фото- и кинопроекций. Главное, картинка должна быть «живой», то есть двигаться, вовлекая зрителя в события, разворачивающиеся на его глазах. Решить эту проблему могла только бурно развивающаяся компьютерная техника. Однако отечественные ЭВМ в тот момент были слишком громоздкими и использовались в основном для решения высокотехнологичных научных проблем. Поэтому для реализации технической стороны проекта была привлечена иностранная компания.

“Electrosonic” — английская фирма, на счету которой множество реализованных музейных, выставочных и театральных проектов. Основанная ещё в 1964 г., к началу 1980-х гг. фирма располагала технологиями, позволявшими ей создать полностью автоматизированный алгоритм управления аудиовизуальными эффектами [12]. Надо заметить, что к тому моменту, когда появилась идея пригласить англичан, российские авторы серьёзно переработали свой первоначальный замысел. Изменилась структура музея, появилось понятие «эмоциональный центр» (ЭЦ). И таким ЭЦ становится не просто некий документ или экспонат в каждом зале, а театрализованное действие, вызывающее эмоциональный отклик, разворачивающееся за дымчатым стеклом 4-метрового куба, ставшего главной загадкой каждого зала. Там, в этом тёмном «Зазеркалье», происходило нечто невиданное — удивительное технологическое шоу, вызывавшее именно те эмоции, которые и хотели затронуть создатели «кубов»: советский человек образца 1980-х гг. должен был испытать гордость за свершения своих отцов и дедов и заплакать, провожая в последний путь вождя мирового пролетариата. То, что поражало посетителей в конце 1980-х и привлекало искушённых ценителей в постсоветский период начала XXI в., заключено в массивном металлическом каркасе, за стеклом которого

и разворачивается мини-спектакль, или, говоря современным языком, — иммерсивное шоу, переносящее зрителя в события почти столетней давности.

Разработать и смонтировать технологическую составляющую этих ЭЦ, или АВК (аудиовизуальных комплексов), поручили английским специалистам. Одна из главных задач, которую они успешно решили, заключалась в отсутствии многочисленного персонала, приводящего сложную технику в действие в пространстве музея. Электромеханическое оснащение «куба» активируется нажатием одной кнопки, программирование всей музейной экспозиции происходит с помощью одного лишь персонального компьютера Apple II. Единственный момент, когда требуется вмешательство человека, — это включение с пульта дистанционного управления оборудования «куба», дальше всё происходит автоматически: оживает проектор, поворачиваются или перемещаются проекционные экраны, подсвечиваются элементы инсталляций, опускаются отражающие зеркала или полупрозрачные стёкла, подключаются световые и звуковые эффекты и т. д.

По окончании сюжета все элементы так же автоматически возвращаются в исходное положение. В самом пространстве музея зритель видит только сюжет, оживший внутри «куба». Вся система управления эмоциональными центрами находится в двух помещениях, расположенных на техническом этаже над экспозицией музея: в первом смонтирована система электропитания, во втором — собственно аудио- и видеооборудование, необходимое для воспроизведения иммерсивного шоу. Характерно, что для Музея В. И. Ленина даже эти технические помещения выкрашены в цвета экспозиции — красный, чёрный и золотистый. Сегодня сама организация технического пространства Музея В. И. Ленина в Горках и его оснащение — готовый экспонат для будущего музея по истории развития технологий в отечественном музейном деле.

В разработке аудиовизуального шоу принимали участие и художники, и сценарист, и режиссёр, и композитор, а также технические специалисты, инженеры, проектировщики и т. д. [4, с. 3]. Таким образом, работала огромная команда, без которой и сегодня невозможно создание иммерсивного проекта.

По сути, в каждом из пяти тематических залов музея существуют два пласта, два уровня восприятия материала посетителем. С одной стороны — документальный, на его основе строится повествование о событиях первых лет советской власти (в рассказе экскурсовода или при самостоятельном осмотре посетителем). С другой — разворачивающееся внутри куба аудиовизуальное шоу позволяет оказаться в непосредственной близости от происходящих событий или даже внутри них [3, с. 48].

Так, к примеру, сюжет второго зала, посвящённого событиям Гражданской войны, последовательно демонстрирует зрителю три сцены: заседание партийной ячейки, митинг на вокзале и окоп с сидящими вокруг импровизированного стола солдатами. При этом первая сцена возникает в отдалении и мы (зрители) смотрим на неё отвлечённо, как бы со стороны, понимая, что нас разделяет не только стеклянная грань куба, но и временная, почти 100-летняя, разница. Вторая сцена, на вокзале, построена так, что у зрителя создаётся ощущение, будто он затерялся в толпе красноармейцев, затаив дыхание слушающих слова командира, окутанного клубами паровозного дыма. А сцена в окопе, возникающая внезапно из темноты, почти у самого стекла, позволяет зрителю оказаться внутри события, среди тех солдат, которые, несмотря на артобстрел, пишут письма домой и мечтают о мирной жизни.

В пятом зале, заключительном, рассказывающем о последних годах пребывания Ленина в Горках и периоде его болезни, эффект присутствия переносит зрителя непосредственно в усадьбу, в зимний сад на первом этаже Большого

дома. Создатели Музея В. И. Ленина неоднократно говорили о том, что новое экспозиционное здание должно не только разгрузить историческую усадьбу от огромного количества туристов, но и, взяв на себя документальную составляющую, стать при этом неотъемлемой частью общего ансамбля территории Музея-заповедника «Горки Ленинские». Декорация, возникающая в пространстве пятого куба, образно объединяет два музейных комплекса — усадьбу и Музей В. И. Ленина. Она словно превращает экскурсанта из посетителя последнего идеологического музея в гостя семьи Ульяновых, приглашённого в зимний сад, где устанавливался кинопроектор и В. И. Ленин в окружении своих домашних смотрел кадры кинохроники.

Таким образом, изучая материалы по созданию экспозиции, а главное, саму сохранившуюся экспозицию Музея В. И. Ленина в Горках, можно утверждать, что она вполне соответствует критериям, определяющим понятие «иммерсивный музей» сегодня. Это и создание эффекта вовлечённости в исторические события, и непосредственное наблюдение за происходящим, и использование новейших технологий, и взаимодействие специалистов различных профилей (научного, художественного, инженерного и технического) в процессе создания экспозиционного пространства.

Особо хочется отметить, что наличие в экспозиции иммерсивной составляющей обусловлено концептуально, а не просто желанием развлечь и удивить. Это не театрализация ради театрализации. Создание эффекта присутствия диктовалось необходимостью пробудить у народа остывшие чувства, вызвать эмпатию, живой отклик на противоречивые события первых лет советской власти, «очеловечить» образ руководителя Советского государства и наполнить жизнью ставшие уже хрестоматийными события истории и факты биографии вождя.

Очень часто при обсуждении вопросов бытования постоянной экспозиции музея звучит фраза о том, что она актуальна в течение 10–15 лет. Но тут возникает другой вопрос: можно ли рассматривать экспозицию как отдельный элемент культурно-исторического пространства [2, с. 9]? Ведь в случае с Музеем В. И. Ленина в Горках перед нами не просто набор музейного оборудования, пусть даже уникального, существующего в единственном экземпляре, выполненного по авторским эскизам. Это продуманная и воплощённая в жизнь художественная и философская концепция, объединившая идеологическую модель советского общества конца 1980-х гг. и технические возможности, которыми это общество в то время располагало. И с точки зрения истории процесса возникновения и развития иммерсивного музея в нашей стране перед нами готовый музейный продукт, позволяющий увидеть конкретные формы и способы реализации идеи погружения в эпоху, такой популярной и востребованной сегодня. Ведь возможность увидеть истоки и предпосылки того или иного процесса, знания об опыте предшественников и коллег, — это основа непрерывности исторического познания, целостности исторической памяти.

Список источников и литературы:

1. *Калякина А. В.* Формирование системы ленинских музеев. 1920–1990 гг. / ГИЗ «Горки Ленинские»: музейный сб. Вып. 7. — Москва, 2002.
2. *Музейная экспозиция: теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции: сб. науч. тр. / отв. ред. М. Т. Майстровская.* — (Музееведение: На пути к музею XXI века). — Москва, 1997.
3. *Мушиц Н. В.* Проблемы и перспективы экспозиционной работы в музее политической истории (1917–1924) / ГИЗ «Горки Ленинские»: музейный сб. Вып. 7. — Москва, 2002.

4. Наглядная агитация : сб. статей и материалов. Вып. 26. — Москва : Плакат, 1989.

5. Розанов Е. Г., Ревякин В. И. Архитектура музеев В. И. Ленина / Центр. н.-и и проект. ин-т типового и эксперим. проектирования комплексов и зданий культуры, спорта и упр. им. Б. С. Мезенцева. — Москва : Стройиздат, 1986.

6. РГАСПИ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 866.

7. РГАСПИ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 865.

8. РГАСПИ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 864.

9. РГАСПИ. Ф. 624. Оп. 1 Д. 917.

10. Поезд Победы — 2022. — URL: <https://kidsmiles.ru/poezd-pobedy> (дата обращения: 25.01.2022).

11. Музейный комплекс «Дорога памяти». — URL: <https://1418museum.ru/halls/> (дата обращения: 11.01.2022).

12. Electrosonic. — URL: <https://www.electrosonic.com/about-us> (дата обращения: 26.01.2022).

13. В Нефтеюганске создан уникальный иммерсивный музей // Электронное периодическое издание «МК. ru». — МК Югра. 2019, 2 сентября. — URL: <https://ugra.mk.ru/social/2019/09/02/v-nefteyuganske-sozdan-unikalnyu-immersivnyu-muzeu.html> (дата обращения: 26.01.2022).

В. Н. Самоходкин,

канд. ист. наук, эксперт
по сохранению и популяризации
объектов культурного наследия
СПб ГБУК «Историко-
культурный музейный комплекс
в Разливе», Санкт-Петербург

История «главного шалаша» Страны Советов в контексте политики памяти: 1922–1991

***Аннотация.** Статья посвящена изучению влияния проводимой в СССР в 1922–1991 гг. политики памяти на судьбу музея «Шалаш В. И. Ленина». В центре внимания автора находится процесс введения сюжета о последнем подполье В. И. Ленина (июль — август 1917) в исторический и идеологический контекст 1920-х гг., а также его дальнейшая трансформация в условиях постоянно меняющейся политической конъюнктуры, оказывающая прямое влияние на судьбу музея, призванного транслировать публике этот сюжет.*

***Ключевые слова:** В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Н. А. Емельянов, советский музей, агитационный музей, шалаш, политика памяти, внутривластная борьба, РКП(б).*

Vyacheslav Samokhodkin,
Candidate of History, expert
on the preservation and promotion
of cultural heritage sites St. Petersburg
GBUK “Historical and Cultural
Museum Complex in Razliv”,
St. Petersburg

The history of the “main hut” of the Country of Soviets in the context of the policy of memory: 1922–1991

Abstract. *The article is devoted to the study of the impact of the politics of memory (happend in the USSR in 1922–1991) on the museum “Lenin’s Hut in Razliv”. The author focuses on the process of introducing the story about Lenin’s last underground actions/period (July — August 1917) into the historical and ideological context of the 1920s, as well as its further transformation in a constantly changing political environment, which has a direct impact on the fate of the museum, designed to broadcast this story to the public.*

Keywords: *Vladimir Lenin, Gregory Zinoviev, Joseph Stalin, Nikolay Yemelyanov, Soviet museum, propaganda museum, hut, politics of memory, inner-party struggle, RCP(b).*

В последнее время изучение отечественной политики памяти в XX в. приобретает особую актуальность. Вместе с тем в фокусе внимания исследователей первоочередным остаётся категория «советский праздник» [см., напр.: 11, 15]. Тем не менее важным аспектом политики памяти является мемориализация и музеефикация мест, имеющих культурную и историческую ценность. Однако если понятие «культурная ценность» остаётся в той или иной мере константой, то «историческая ценность» в значительной степени зависит

от политики памяти, проводимой в государстве. Целью настоящей статьи является изучение влияния изменения политики памяти в СССР на судьбу конкретного музея — «Шалаш В. И. Ленина».

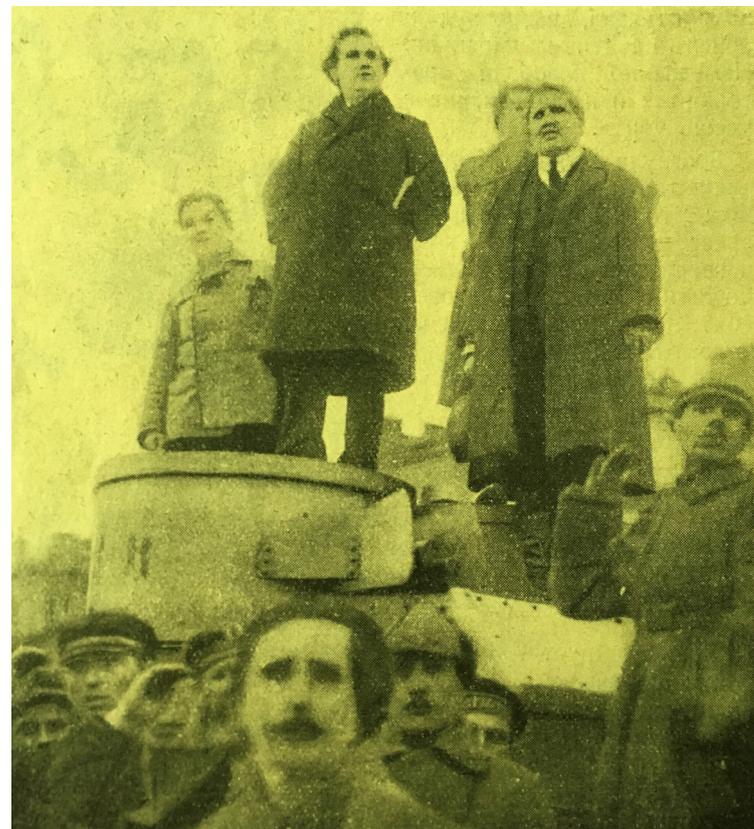
Как известно, политика памяти как государственное явление преследует определённые цели, важнейшая из которых — легитимизация власти, демонстрация её преимущества [21, с. 200]. В результате революции 1917 г. в России, кроме всего прочего, произошли смена прежних культурно-исторических ценностей и формирование новых [20, с. 134]. Октябрьская революция при этом многое заимствовала от революции февральской, и большевики на первых порах своего правления, подобно своим «демократическим» предшественникам, создавали символику власти, ориентируясь, с одной стороны, на сложившийся к тому времени комплекс ценностей, связанных с европейским революционным движением и его традициями, а с другой, — на деятели и события из истории русского революционного движения [12, с. 307–309].

Пятилетие революционных событий — не только октябрьских (к тому времени уже традиционно отмечаемых парадами и шествиями на центральных площадях Москвы и Петрограда), но и февральских и июльских, — стало поводом акцентировать внимание большевистской партии на связанных с ними местах. Именно в этом контексте произошло введение «Шалаша» в историко-революционный оборот как некоего памятного места, крайне важного для понимания сущности июльских событий 1917 г. В летнем номере за 1922 г. петроградского историко-партийного журнала «Красная летопись» вышла статья Николая Александровича Емельянова «Таинственный шалаш». В ней, кроме обстоятельного рассказа некогда скрывавшего Ленина и Зиновьева рабочего Сестрорецкого оружейного завода, была впервые опубликована фотография шалаша близ озера Разлив [6, с. 136–137].

Оригинальный шалаш 1917 г., стоявший на сенокосе, к тому времени, конечно же, не сохранился, однако его фотографии, сделанные в 1918–1919 гг., отложились в фондах Российского государственного архива социально-политической истории в виде негативов и позволяют составить впечатление о том, как выглядел подлинный прототип одного из главных советских символов революции 1917 г. Правда, к 1919 г. местное население ликвидировало возвышавшийся за шалашом стог сена, который Ленин и Зиновьев использовали в качестве хранилища для газет, регулярно доставляемых им из Петрограда, а также для конспиративного хранения рукописей [1, л. 1]. Для публикации в «Красной летописи» исторический шалаш фактически был реконструирован [2, л. 1]. С этого времени он стал неким символом июльских событий 1917 г., о котором вспоминали каждую годовщину: получалось, что эта нехитрая конструкция уберегла для рабочих и крестьян Советской России тех людей, без которых не состоялись бы пролетарская революция и установление диктатуры пролетариата.

21 января 1924 г. умер В. И. Ленин. С этого времени в обстановке обострившейся внутрипартийной борьбы в РКП(б) Владимир Ильич превратился и в персонифицированный символ власти, и в важнейшее средство её легитимизации. В этих условиях председатель Петроградского совета и руководитель Петрогубисполкома Григорий Евсеевич Зиновьев, бывший одним из главных претендентов на «ленинское наследие», предпринял масштабную попытку мемориализации имени вождя на берегах Невы. В её рамках уже через 5 дней после смерти вождя Петроград был переименован в Ленинград, а перед руководством города встала задача увековечения памяти Ленина в бывшей российской столице. Не обошлось и без курьёзов: когда перед Смольным была поставлена задача «возведения в городе Ленина крупнейшего в СССР памятника вождю», по указанию Зиновьева был предложен весьма

спорный проект замены фигуры ангела на Александровской колонне статуей вождя мирового пролетариата [8, с. 21–24]. Но если эта, так и не воплощённая в жизнь, сторона вопроса достаточно хорошо изучена [см., напр., 5], то комплексным исследованием проекта мемориализации ленинских мест в Ленинграде в 1920-е гг., в том числе её реализованной части, историография не располагает до сих пор.

Выступление Г. Е. Зиновьева на закладке памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала. Стоят слева направо: П. А. Залуцкий, Г. Е. Зиновьев, Г. Е. Евдокимов. Ленинград, 16 апреля 1924 г. «Ленинград», иллюстрированное приложение к газете «Ленинградская правда», 1924. № 8 (24). Из фондов Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

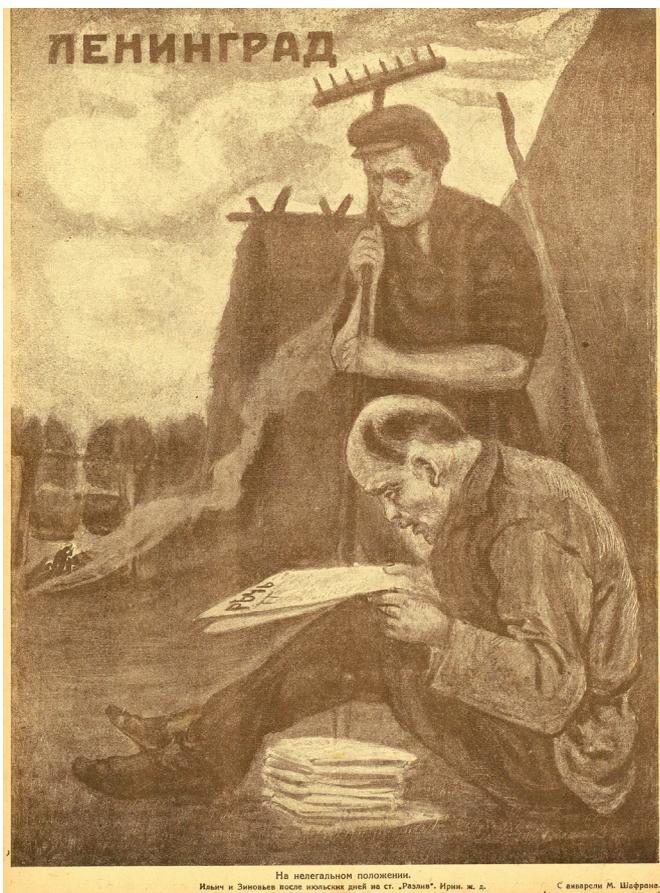
Необходимо подчеркнуть, что к тому времени в Ленинграде уже оформился мемориальный пласт, связанный с революцией: достаточно вспомнить создание Музея революции в Зимнем дворце [4, с. 11] и мемориального комплекса на площади Жертв Революции (Марсовом поле) [8, с. 96–99]. При этом Зиновьев принял личное участие в создании Музея революции, а его первая супруга, Злата Ионовна Лилина, вошла в состав президиума музея [14]. С ленинскими памятными местами дело тогда обстояло хуже. По большому счёту к 1925 г. в Ленинграде существовало лишь одно мемориальное и охраняемое властью место, связанное с В. И. Лениным, — его квартира в Смольном. Но организовать там не ведомственный заповедный уголок, а полноценный общедоступный музей ввиду особого статуса Смольного не представлялось возможным. Практики же создания музеев-квартир тогда ещё не было, да и квартира на улице Широкой, где Владимир Ильич жил с апреля по июль 1917 г., состояла в ведении жилотдела и была коммунальной [18].

Концепция мемориализации, избранная Зиновьевым как руководителем Коминтерна и председателем Ленинградского Совета рабочих и солдатских депутатов, была вполне понятной. Нужно было взять две уже вполне сформированные в советском социокультурном ландшафте ценностные категории — «Ленин» и «Революция 1917 года» — и связать их в единую мемориальную концепцию, в которой руководитель города на Неве был бы прямо связан с вождём мирового пролетариата. И в 1925 г. в рамках реализации этой концепции руководством Ленинградского Совета было заложено два памятника — памятник В. И. Ленину на площади перед Финляндским вокзалом (где только что прибывший в Петроград вождь предстаёт как революционный оратор) и мемориал «Шалаш» В. И. Ленина.

Необходимость легитимизации Зиновьева как ближайшего соратника В. И. Ленина объясняет весьма неочевидный,

на первый взгляд, выбор в качестве памятного места шалаша близ железнодорожной станции Тарховка, где в июле — августе 1917 г. Ленин скрывался вместе с Зиновьевым. Особенно с учётом того, что при большом желании в Ленинграде можно было изыскать массу локаций, связанных с деятельностью вождя. Однако ни одно из них не могло представить Г. Е. Зиновьева в столь выгодном свете, как шалаш на берегу Сестрорецкого Разлива. В свою очередь, редакция «Красной летописи», публикуя воспоминания Н. А. Емельянова в 1922 г., лишь вводила эти события в научный оборот. Тираж историко-партийного журнала был сравнительно небольшим — всего 6 тыс. экземпляров. Следовательно, сам сюжет о последнем подполье вождя в 1924–1925 гг. требовалось поднять на новый уровень публичности. Так, в томах «Сочинений» Г. Е. Зиновьева, выпускаемых тогда «Ленгизом», содержались на отдельных вклейках фотографии Н. А. Емельянова [7, т. 15, с. 36–37] и членов его семьи [7, т. 7, ч. 1, с. 256–257], снимок сарая [7, т. 7, ч. 1, с. 230–231; т. 15, с. 44–45] и чердака сарая [7, т. 15, с. 8–9], где скрывались Ленин с Зиновьевым, а также дома Емельяновых [7, т. 7, ч. 1, с. 256–257]. В июле 1924 г. на обложке одного из номеров иллюстрированного приложения к официальной газете «Ленинградская правда», выходявшего под названием «Ленинград», появилась картина Марка Шафрана, изображавшая Ленина вместе с Зиновьевым на фоне шалаша в Разливе [13]. Наконец, в 1925 г. в московском журнале «Огонёк», выходявшем тиражом в 150 тыс. экземпляров, были опубликованы воспоминания Н. А. Емельянова, в которых автор постоянно подчёркивает, что Владимир Ильич был в Разливе не один, а вместе с Григорием Евсеевичем [16]. Таким образом, подлежащий мемориализации исторический сюжет вошёл не только в информационное поле, но и в кругозор советского читателя.

Достоинством шалаша как памятного места в глазах ленинградского руководства было то, что он подчёркивал вес

На нелегальном положении. Ильич и Зиновьев после июльских дней на ст. [анци] «Разлив» Ирин. [овской] ж. [елезной] д. [ороги]. Обложка приложения «Ленинград» к газете «Ленинградская правда» с воспроизведением акварели М. Л. Шафрана. 1924. № 8 (24)

Г. Е. Зиновьева в РКП(б), ведь партия сочла нужным спрятать в Разливе не одного Ильича, а вместе с Зиновьевым. В свою очередь, существенным недостатком избранной локации была её очевидная «дикость»: полное отсутствие какой-либо инфраструктуры, которую предполагалось создавать заново.

Несмотря на эту трудность, президиум Ленгубисполкома под председательством Зиновьева 27 июня 1925 г. принял постановление «О постройке памятника В. И. Ленину за Сестрорецком, на месте шалаша, где скрывался в 1917 г. Ленин» [10, с. 24].

В качестве основного проекта была принята на реализацию работа архитектора Сестрорецкого инструментального завода Н. Б. Борисова. Этот проект начал реализовываться уже в 1925 г. [10, с. 25]. Журналист М. И. Правдин в «Огоньке» писал: «Идея памятника — воспроизвести ту обстановку, в которой тов. Ленин находился в те героические дни. Авторы памятника выполняют своё задание в рамках окружающей местности, совершенно отвергнув обычный тип надгробного памятника. <...> Чтобы иметь доступ к сооружаемому памятнику, для широких масс на берегу озера уже строится на бетонном основании большая гранитная пристань с высоким маяком в виде железной фермы, который будет снабжён мощной электрической лампой. От пристани к площадке шалаша прокладывается прямая шоссированная пешеходная дорожка с дерновыми обочинами и сточными канавами по обеим сторонам, задекорированными в виде живой изгороди. В конце дорожки, у входа на площадку памятника, будут выситься два сконструированных гранитных камня с бронзовыми барельефами: на одном — изображение Владимира Ильича за чтением, на другой — товарищи Ленин и Зиновьев у шалаша. В центре площадки памятника стоит шалаш Ильича, оставленный в своём естественном виде» [17].

Работа велась весьма активно: монумент предполагалось открыть в июле 1926 г., к девятой годовщине июльских событий [17]. Однако уже в марте 1926 г. в рамках борьбы с «новой оппозицией», руководителем которой был Г. Е. Зиновьев, работы были резко свёрнуты, а разработка нового проекта перепоручена известному архитектору А. И. Гегелло [10, с. 25]. Идея

создания памятника в Разливе не была полностью отвергнута только благодаря тому, что приближался юбилейный 1927 г.: мемориализация ленинского места вполне вписалась в общую политику памяти, сформировавшуюся тогда в СССР. Намеченное в первом проекте облагораживание территории было частично воплощено: так, уже построили пристань и провели шоссированную дорожку, ведущую к монументу. Разумеется,

*Участники строительства памятника «Шалаш» в Разливе в день открытия.
Слева направо: Б. А. Блэк, десятник З. М. Стамблер, автор проекта
памятника А. И. Гегелло, инженер А. А. Блэк. 15 июля 1928 г.
Из фондов Историко-культурного музейного комплекса в Разливе*

окончательный макет памятника, утверждённый в феврале 1927 г., уже не содержал никаких сведений о Г. Е. Зиновьеве и был гораздо скромнее. 15 июля 1928 г., в 11-ю годовщину июльских событий, состоялось торжественное открытие монумента, представлявшего собой авангардистскую трибуну из гранитных кубов с выдающимся вперёд скульптурно-рельефным изображением шалаша. С северной стороны на памятнике была высечена краткая надпись «ЛЕНИНУ», с восточной — следующий текст: «На месте, где в июле и августе

1917 года в шалаше из ветвей скрывался от преследования буржуазии вождь мирового пролетариата и писал свою книгу «Государство и революция», на память об этом поставили мы шалаш из гранита. Рабочие города Ленина. 1927 г.».

Поскольку монумент работы Гегелло воплощал шалаш в граните, от задуманного первоначальным проектом шалаша из ветвей отказались. Хотя, если верить известному советскому публицисту Илье Вардину, исторической шалаш сохранялся и поддерживался по меньшей мере до 1926 г. [17] и хорошо виден на кадрах кинохроники, запечатлевших в 1927 г. закладку памятника [10, с. 35–36]. Тем не менее анализ фотографий 1919, 1922 и 1927 гг. показывает существенные изменения во внешнем облике шалаша: от руинированного строения (1919) до внушительного, выше человеческого роста, сооружения с высоким стогом сена (1927).

В середине 1930-х гг. шалаш стал музеем. Это произошло в условиях бурных дискуссий начала 1930-х гг. о задачах, которые стоят перед советскими музеями «нового типа». Так, в соответствии с идеями марксистской социологии, музей был признан местом, главной целью которого стала наглядная демонстрация проявлений классовой борьбы как двигателя исторического процесса. Посему и шалаш не мог уже оставаться просто мемориалом — он трансформировался в агитационный музей. В 1930-е гг. в советской музейной практике доминировал «принцип концентрации... вокруг... наиболее значимого экспоната» [19, с. 168–170], которым и стал, в сущности, гранитный шалаш работы Гегелло. Вспомогательную роль при нём выполняла небольшая экспозиция, расположенная в специально отстроенном компактном деревянном павильоне.

После Великой Отечественной войны, в 1947 г., рядом с павильоном и памятником возвели макет шалаша, который отныне стал возобновляться на регулярной основе [10, с. 32–34].

Этот макет стал своеобразным дополнением к размещившейся в павильоне экспозиции. Кроме того, был воссоздан и знаменитый «зелёный кабинет» В. И. Ленина, представлявший собой импровизированное рабочее место из пней и брёвен разной высоты, пользуясь которым вождь мирового пролетариата писал свои труды в период последнего подполья. Стоит подчеркнуть, что в экспозиции в тот период не осталось практически никаких подлинных экспонатов, связанных с Лениным: большинство из них были отправлены либо в Центральный музей В. И. Ленина в Москву, либо в его Ленинградский филиал. Это представляется весьма обоснованным решением, поскольку в сооружённых павильонах отсутствовала возможность обеспечить правильные условия хранения ленинских реликвий. По сути, с 1947 г. вокруг гранитного шалаша формируется насыщенное муляжами пространство, смысл которого состоит в погружении посетителя в те же условия, в которых как исторически, так и физически находился В. И. Ленин в период своего последнего подполья.

Сам монумент с прилегающей местностью был передан Ленсоветом в ведение Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, как и сарай возле дома Емельяновых, до той поры не музеефицированный [3, л. 11–12]. Поскольку концепция агитационного музея требовала обеспечения постоянного потока посетителей, по берегу озера от станции Тарховка была проложена улучшенная грунтовая дорога. Сам же комплекс был передан в ведение Ленинградского филиала Государственного музея революции. Так, с 1939 г. экспозиция, размещённая в павильоне, погружала посетителей в историю революционных событий с точки зрения знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)» [10, с. 52].

В 1939–1940 гг., во время Советско-финляндской войны, шалаш оказался в зоне Карельского укрепрайона, части так называемой линии Сталина. Это обстоятельство существенно

затруднило доступ посетителей, которым разрешили посещать музей только организованными группами. В 1940 г. как раз построили новый павильон, который неофициально работал в период Великой Отечественной войны. Посещался он в ту пору прежде всего бойцами Красной армии, поскольку совсем недалеко от музея располагалась линия фронта. Именно здесь проходило награждение солдат и офицеров Ленинградского фронта, а войсковым частям вручались гвардейские знамёна. Пожалуй, именно в годы Великой Отечественной войны ленинский шалаш стал местом проведения торжественных ритуалов.

Инфраструктура музея пострадала во время войны. В 1944 г. памятник и два павильона были отремонтированы, а затем и реконструированы. «Апогей сталинизма» также отразился на экспозиции музея: не бывавший в 1917 г. в Разливе Сталин стал одним из его главных посетителей, а лейтмотивом самой экспозиции стало плодотворное для дела революции сотрудничество и сотрудничество Ленина и Сталина в 1917 г. Впрочем, внимание посетителей акцентировалось и на реальных исторических фактах. Так, на стене одного из павильонов была установлена бронзовая надпись: «Сталин спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь Ленина, решительно высказавшись против явки Ленина на суд контрреволюционеров <...>» [10, с. 53].

В конце 1950-х гг. в рамках проводимой Н. С. Хрущёвым политики десталинизации имя И. В. Сталина было убрано из экспозиции. В газетных статьях того времени указывалось, что Ленин скрывался в Разливе вместе с Зиновьевым, а известный советский писатель Э. Г. Казакевич даже сделал Зиновьева одним из главных героев своей повести «Синяя тетрадь». Впрочем, до полноценной реабилитации Зиновьева в период хрущёвской оттепели дело так и не дошло: благодаря стараниям М. А. Сулова, фильм, снятый по книге Казакевича,

сняли с проката, а имя Зиновьева вновь перестало упоминаться в музее [9, с. 487–488].

В 1960-е гг. наконец сложилась современная инфраструктура музея: был построен новый выставочный павильон из стекла и бетона, вход в заповедную зону предваряла полукруглая ротонда с включенным в неё рестораном. Именно в это время шалаш стал одним из самых посещаемых мест Ленинграда и окрестностей, местом приёма советских и иностранных делегаций, проведения различных комсомольских и партийных мероприятий. С 1964 г. и вплоть до 1991 г. экспозиция музея оставалась практически неизменной [10, с. 58]. Дальнейшие события, связанные с распадом Советского Союза, отразились на музее «Шалаш В. И. Ленина» самым печальным образом: основная экспозиция была утрачена, а перед музеем встала задача адаптации к новым общественным условиям и настроениям, подчас прямо враждебным.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 401. Оп. 1. Д. 789.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 401. Оп. 1. Д. 788.
3. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 3605. Оп. 1. Д. 44.
4. *Артёмов Е. Г., Кулегин А. М.* Рождённый трижды. Государственному музею политической истории России 90 лет (1919–2009). — СПб., ГМП ИР, 2009. — 56 с.
5. *Дзенискевич А. Р.* История с «ампирным» ангелом // Искусство Ленинграда. — 1989. — № 2. — С. 59–63.
6. *Емельянов Н. А.* Таинственный шалаш // Красная летопись. — 1922. — № 4. — С. 133–139.

7. *Зиновьев Г. Е.* Сочинения. — М.; Пг.; Л., 1923–1929: Т. 7. Ч. 1. Год революции. Февраль 1917 г. — февраль 1918 г. — Л., 1925; Т. 15. Владимир Ильич Ленин. — Л., 1924.

8. *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве, 1920–1930-е годы (социально-архитектурное микроисторическое исследование). — СПб., 2016.

9. *Казакевич Э. Г.* Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма. — М., 1990.

10. *Кибинь А. С. и др.* Музей «Шалаш» в Разливе — 90 лет. — СПб., 2020.

11. *Кислицына А. Н.* Массовые праздники в Петрограде в 1917–1922 гг.: история организации и проведения. — СПб., 2013.

12. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. — СПб., 2012.

13. Ленинград. — 1924. — 30 июля.

14. Ленинград. — 1924. — 31 декабря.

15. *Малышева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). — Казань, 2005. — 399 с.

16. Огонёк. — 1925. — № 38 (129).

17. Огонёк. — 1926. — № 8 (152).

18. Огонёк. — 1926. — № 41 (185).

19. *Силина М. М.* «Эмоциональное мышление» и «самоговорящие вещи»: к истории аффекта в советских музеях в 1920–1930-х годах // Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории. — М., 2019. — С. 151–173.

20. *Clark K.* Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. — Cambridge (Mass.), 1995. — P. 134

21. *Geldern von J.* Bolshevik Festivals. — Berkeley; Los Angeles; London, 1993. — P. 200.

М. Е. Шушкова,
канд. ист. наук, доц. Учебно-
научного центра «Новая Россия.
История постсоветской России»
исторического факультета РГГУ

Опыт национально-государственного строительства в СССР (на примере республик Средней Азии в 1924–1925)

Аннотация. В статье говорится об опыте национально-государственного строительства в Средне-Азиатском регионе. Предлагались различные варианты национально-территориального размежевания, которые рассматривались на заседаниях партийных органов власти в 1924 г. Они вызвали дискуссии между советским руководством и местными элитами. В итоге на территории бывшей Российской империи появились новые республики, созданные по этническому признаку. Оценка этих событий крайне неоднозначна, а пограничные споры на национальной почве вспыхивают в Средней Азии и в настоящее время.

Ключевые слова: Средазбюро ЦК ВКП(б), Средняя Азия, Кирреспублика, Среднеазиатская федерация, национально-территориальное размежевание.

Margaret Shushkova,
Candidate of History, docent
Educational and Scientific Center
“New Russia. History of Post-Soviet
Russia» Faculty of History, Russian
State University for the Humanities

Experience of national state construction in the USSR (by the example of the republics of Central Asia in 1924–1925)

Abstract. The article talks about the experience of nation-state building in the Central Asian region. Various options for national-territorial demarcation were proposed, which were considered at meetings of party authorities in 1924. They sparked discussions between the Soviet leadership and local elites. Ultimately, new republics appeared on the territory of the former Russian Empire, created along ethnic lines. The assessment of these events is extremely ambiguous, and border disputes on ethnic grounds are flaring up in Central Asia at the present time.

Keywords: Sredazburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, Central Asia, Kirrepublic, Central Asian Federation, national-territorial delimitation.

Одним из важнейших документов советской власти, принятых в 1917 г., стала Декларация прав народов России, в которой провозглашались основные принципы национальной политики нового государства. Лозунг «О праве наций на самоопределение» должен был привлечь на сторону партии большевиков население национальных окраин бывшей Российской империи и сделать нерусское население лояльным по отношению к новой власти. Вскоре, в соответствии с новой формулой взаимоотношений между национальными

меньшинствами и молодым государством, начался процесс создания национально-территориальных образований, но на условиях, которая диктовала советская власть.

Ярким примером служит Туркестанская (Кокандская) автономия, возникшая как первое, но неудачное практическое воплощение новой политики. Лидерами автономии были представители джадидизма, являющегося идеологией исламского модернизма в Российской империи в начале XX в. Самопровозглашённая автономия просуществовала 72 дня: с 28 ноября 1917 г. по 22 февраля 1918 г. В январе 1918 г. в ответ на предложение советской власти о добровольном включении в состав Советской России лидер Кокандской автономии Мустафа Шокай (Чокай) отказался признавать власть Советов. В итоге с разгромом Кокандской автономии завершился мирный этап национального самоопределения жителей Туркестанского края.

Победа большевиков на территории Средне-Азиатского региона способствовала созданию новых республик. Во-первых, бывшее Туркестанское генерал-губернаторство было преобразовано в апреле 1918 г. в Туркестанскую советскую федеративную республику и охватывало собой Южный Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и частично Таджикистан. Во-вторых, правопреемниками Бухарского эмирата и Хивинского ханства стали Бухарская и Хорезмская народные советские республики, образованные в 1920 г. Особо следует сказать о создании в августе 1920 г. Кирреспублики. До 1925 г. — это Киргизская автономная социалистическая советская республика в составе РСФСР. В 1925 г. республика была переименована в Казахскую АССР, в результате восстановления исторического названия народности, которая там проживала. Следует пояснить, что до революции казахов называли киргизами или киргиз-кайсаками, а собственно киргизов — кара-киргизами. Киргизами казахов продолжали

называть и в первые годы советской власти, поэтому и республика первоначально называлась Киргизской (Кирреспублика).

По мнению И. Б. Бочкарёвой [5, с. 23], в 1918–1920 гг. произошло первое размежевание Средней Азии. Эти преобразования носили стихийный характер, поскольку формирование новых советских республик происходило в условиях развёртывания басмаческого движения, которое стало ответом на действия советской власти в этом регионе.

Следующая попытка практического воплощения национальной политики Советского государства на территории Средней Азии, заключавшаяся в предоставлении собственной национальной территории официально признанному этническому меньшинству, стала возможной с момента подавления основных очагов сопротивления басмачей (1924). Была и вторая причина, побудившая ускорить процесс изменения территориальных границ в этом регионе. Многие исследователи отмечают, что к этому шагу большевиков подтолкнула опасность развития идей панисламизма и пантюркизма в Туркестанском крае, поскольку в регионе проживало несколько миллионов мусульман, готовых к сопротивлению. Пантюркизм стал восприниматься большевиками в качестве серьёзной оппозиционной силы их власти в Туркестане, что «побудило идеологов коммунизма к построению национальных советских республик» [7, с. 135].

Для руководства местными партийными организациями на территории среднеазиатских республик, их идейного и организационного укрепления в условиях Гражданской войны, летом 1920 г. было создано Туркестанское бюро ЦК РКП(б), преобразованное в мае 1922 г. в Среднеазиатское бюро (Средазбюро) ЦК ВКП(б). Этот партийный орган подчинялся Политбюро, а сталинское Оргбюро издавало инструкции и контролировало назначение сотрудников. Будучи многонациональным по составу, оно должно было отражать интересы основных

этносов, проживавших в Средней Азии. Для наблюдения за созданием нового агентства, а также в целях усиления идеологической партийной работы в Ташкент прибыл Григорий (Серго) Орджоникидзе. До конца 1923 г. в бюро входили партийцы, составлявшие ядро Туркбюро, в частности С. Гусев, А. Рахимбаев и Ф. Ходжаев. В дальнейшем в состав Средазбюро на должность заместителя председателя Политбюро вводит О. Я. Карклина (латыш), секретарём становится Ян Рудзук (также латыш). Таким образом, структура Средазбюро в 1924 г. следующая: «европейцев — 9 человек, националов — 11, из коих: узбек — 4, туркмен — 3, киргиз — 2, таджик — 2» [1, Ф. 3. Оп. 61. Д. 677. Л. 91].

Этот партийный орган был наделён полномочиями по руководству всеми сторонами хозяйственной, политической и идеологической работы на местах. Бюро регулярно проводило партийные конференции, совещания, а также инструктировало местные партийные кадры по разным вопросам. В целом Средазбюро ЦК ВКП(б) сыграло большую роль в повышении уровня партийной работы, укреплении хозяйственного и советского аппарата на местах. Его печатными органами были газета «Правда Востока» (1924–1934) и журналы «За партию» (1927–1930) и «Партработник» (1929–1934). После выполнения задач государственного и экономического укрепления среднеазиатских республик и их компартий, развития дружбы между народами, бюро было упразднено (1934).

Одним из аспектов деятельности Средазбюро ЦК ВКП(б) стала подготовка и проведение национально-территориального размежевания республик Средней Азии и реорганизации компартий данных республик.

28 апреля 1924 г. на заседании Средазбюро, посвящённом вопросу национально-территориального размежевания, была создана специальная комиссия в составе: Рахимбаева, Атабаева, Ходжаева, Мухитдинова, Адинаева, Абдурахманова,

Исламова, а также Карклина, Рыкунова и др. Многие из них после национально-территориального размежевания возглавили важные партийные посты в среднеазиатских республиках.

На втором этапе (май — июнь 1924) созданные национальные подкомиссии (бюро) — узбекская, туркменская, киргизская, кара-киргизская, таджикская и каракалпакская — занимались решением комплекса вопросов, связанных с разделом территории и материально-финансовых ценностей. В Москве этот вопрос курировал И. В. Сталин.

Поскольку в основу национально-территориального размежевания региона был положен принцип национального самоопределения, необходимо было определиться, какие национальности составляют большинство в Средней Азии. Со времён вхождения региона в состав Российской империи он многократно подвергался этнографическому изучению, но значительный объём собранных сведений не позволил систематизировать полученные данные. Это подтверждает этнограф В. Кун, который писал: «...достаточно сказать, что сам основной объект изучения — племенной состав населения Туркестана и расположение его в стране — недостаточно изучен» [6, с. 350]. Взаимосвязь между понятиями «сарты», «тюрки» и «узбеки» оставалась неясной, и все три термина, подменяя друг друга, использовались в переписи населения 1897 г. Этнографические комиссии также работали на территории Туркестана в 1921 и 1922 гг. Всё, что им удалось сделать, это подготовить список национальностей, населяющих Туркестан. Он был опубликован только в 1925 г. — после того как было проведено размежевание.

В 1920 г. состоялась перепись населения Туркестана. Я. Рудзук в своём докладе в октябре 1920 г. назвал эту перепись «весьма неточной и приблизительной». Тем не менее основная ставка была сделана на узбеков в качестве титульной национальности будущей республики, считая их «основным

хозяйственным ядром Ферганы и отчасти Самаркандской области». Он представил следующую статистику: общее количество населения составило около 4 млн человек. Соответственно: 2,5 млн населения — в Туркестане, 975,5 тыс. — в Бухаре и 397,8 тыс. — в Хорезме. Таджики — индоевропейская часть населения Туркестана — составили 1,2 млн человек. Жители автономной Киргизской (Казахской) республик — 1 млн 134 тыс. человек. Туркмения считалась самой пустынной территорией, где проживало около 625 тыс. туркмен и около 350 тыс. каракалпаков. Кара-киргизы настояли на образовании отдельной автономии, поскольку считали, что «ни обычай, ни уклад жизни горных киргиз не соответствует укладу жизни и обычаям киргиз степных, населяющих Киргизскую республику» [2, Ф. 17. Оп. 2. Д. 154. Л. 16 об., 17]. Однако уже на этапе подготовки проекта делимитации границ разгорелись территориальные споры между местными национальными элитами. В большинстве случаев размежевание рассматривалось ими как возможность расширить территорию своей национальной республики за счёт соседей.

2 июня 1924 г. Средазбюро подготовило свой проект раздела территорий на утверждение Политбюро ЦК ВКП(б). Итогом стало опубликованное постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 4 июня 1924 г. «О национальном размежевании среднеазиатских республик», которое подводило итог работе комиссий.

Был предложен следующий вариант:

1. Размежевать по национальному признаку республики Средней Азии (Туркестан, Бухара, Хорезм) с образованием:
  - а) Узбекской республики, объединяющей узбеков, населяющих Туркестан, Бухару и Хорезм;
  - б) Туркменской республики, объединяющей туркмен Бухары, Туркестана и Хорезма.
2. Киргизские районы Туркестана объединить с Кир-республикой.

3. Выделить автономную область кара-киргизов в составе РСФСР.

4. В составе Узбекской республики выделить автономную область таджиков.

В связи с созданием в Средней Азии новых советских республик и автономных областей Туркестанский, Бухарский и Хорезмский Центральные исполнительные комитеты Советов в ноябре 1924 г. приняли решение о прекращении своей деятельности путём образования новых партийных ячеек при сохранении Среднеазиатского бюро ЦК как координирующего партийного органа.

Необходимо обратить внимание, что вопрос о национальном размежевании не выносился партией большевиков на всеобщее обсуждение. Дебаты по изменению границ республик были внутрипартийным делом при участии местных партийных элит. По мнению Адиба Халида, «в типичной большевистской манере они надеялись достичь своей цели, а затем проинформировать народ о мудрости и необходимости того, что было сделано» [6, с. 411]. Для разъяснения этого мероприятия всем жителям Средней Азии решено было провести обширную политическую кампанию. Были разработаны тезисы о необходимости и важности размежевания. Широкая агитационная кампания развернулась на страницах периодической печати. В июле 1924 г. для оформления принятых решений прошли Всебухарский и Хорезмский курултай и сессия Турцика, на которых официально провозгласили декларацию о размежевании.

На третьем этапе (сентябрь — октябрь 1924) происходило законодательное оформление принятых решений. В период с 25 сентября по 11 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав доклад председателя Средазбюро, утвердило проект национально-территориального деления Средней Азии, внося определенные коррективы. В частности, вместо

предполагавшегося выделения таджиков в автономную область создавалась Таджикская АССР в составе Узбекистана.

14 октября 1924 г. вопрос о национально-территориальном размежевании Средней Азии слушался на заседании высшего органа государственной власти — ЦИК СССР. В ноябре три существующие республики самораспустились, после чего вступили в силу новые договорённости. Тем не менее процесс корректировки границ в регионе продолжался до начала 1930-х гг.

Нужно заметить, что в начале обсуждения не было какого-либо плана того, как будет выглядеть после размежевания Средняя Азия. Было представлено несколько рабочих вариантов. Представители Хорезмской народной советской республики хотели сохранить целостность и войти в состав Союза, сохранив прежние границы. На определённом этапе руководители республики даже отказались от участия в проекте национально-территориального размежевания, но в июле 1924 г. возобновили свою работу, согласившись с необходимостью вхождения в состав Узбекистана. Предложение Файзуллы Ходжаева — это проект создания Узбекистана. Предполагалось, что Бухара станет основой для строительства данной республики. Узбекистан должен был объединить узбеков Бухары (за исключением Амударьинского левобережья), Фергану, Сырдарьинскую область, исключая киргизские (то есть казахские) части, Самаркандскую область и Хорезм, кроме полос, населённых туркменами и казахами.

Иным путём пошла казахская делегация. Её представители хотели превратить Туркестан в Среднеазиатскую федерацию. Делегат Султанбек Ходжанов предлагал «признать целесообразным образование Среднеазиатской федерации и присоединение к Среднеазиатской федерации ныне существующей Киргизской республики (см. киргизский проект)» [1, Ф. 3. Оп. 61. Д. 677. Л. 5]. Обоснование данного решения было

следующим: «Размежевание по национально-племенному признаку с образованием “независимых республик” представляется как расчленение одного живого организма с требованием, чтобы голова, конечности и туловище жили каждое отдельно и “независимо” друг от друга <...> Из проектируемых “независимых республик” жизнеспособной может <...> быть одна Узбекская республика, но зато киргизы и туркмены (особенно киргизы) будут во всех отношениях зависимы от узбеков и лишены официального права протеста и участия в управлении этой единственной жизнеспособной республикой. Поэтому я мыслю размежевание лишь в форме федерации нацреспублик Средней Азии с сохранением единства Средней Азии с самого начала» [1, Ф. 3. Оп. 61. Д. 677. Л. 45].

Идея о создании Среднеазиатской федерации поддерживалась высшими партийными органами. Так, заместитель народного комиссара по делам национальностей РСФСР (1921–1923), занимавший в 1933–1934 гг. пост первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана, Г. И. Бройдо, утверждал, что Среднеазиатская федерация — это историческая необходимость. Он считал, что экономическое единство Средней Азии очевидно — как в соответствии с видом хозяйственной деятельности (хлопок), так и вследствие особых исторических, климатических, ирригационных и прочих условий и, наконец, основано на единстве системы путей сообщения. «Средняя Азия <...> в лице всех национальностей, её составляющих, в особенности в лице таджиков, туркмен, киргиз и кара-киргиз, является форпостом на путях в Персию, Афганистан, Индию, Тибет, Кашгар, Кульджу, и объединение советской Средней Азии является формой и средством расширения Советского Союза в зарубежной Азии в будущем» [3, с. 216–217]. Бройдо настаивал на едином партийном руководстве в лице Среднеазиатского бюро ЦК и едином экономическом регулирующем органе — Среднеазиатском экономическом совете (САЭС), который был

создан ещё в марте 1923 г. по решению 1-й Экономической конференции Туркестана.

Аргументы С. Ходжанова в пользу федерации были решительно оспорены узбекскими делегатами, которые выдвинули собственное предложение и следовали ему на протяжении всего процесса. В частности, Рахимбаев утверждал: «Поскольку <...> киргизская подкомиссия настаивает относительно слияния туркестанских киргиз с Киргизской республикой, мы отвергаем экономическое объединение с ними и стоим на точке зрения объединения Туркменской и Узбекской республик». Его поддерживал Адинаев, считавший, что «создание федерации ничего не даст». В качестве компромисса звучал такой вариант: «Сперва мы должны размежеваться, устроить свои внутренние дела и прочее, а через два-три года республики, возможно, федерируются» [1, Ф. 3. Оп. 61. Д. 677. Л. 9].

В конечном итоге идея Среднеазиатской федерации не прошла. Ответ мы находим в архивных документах РГАНИ: «По некоторым сведениям пантюркистские элементы относятся благосклонно к идее образования Среднеазиатской федерации. Они рассчитывают, что федерация Среднеазиатских советских республик усилит удельный вес мусульманства Средней Азии и даст в дальнейшем возможность новым республикам фигурировать как некоторый противовес по отношению к другим составным частям СССР» [1, Ф. 3. Оп. 61. Д. 677. Л. 50].

Вероятно, поэтому большевики и не стали развивать данный проект. Узбекский проект в значительной степени увенчался успехом: окончательные границы республики охватывали всё оседлое население Средней Азии и почти все её исторические города. Решение по передаче Ташкента Узбекистану, по выделению Казахстана от Средней Азии в отдельную экономическую зону принадлежало Москве.

После создания Советского Союза в 1922 г. по всей территории начался процесс национального строительства, продолжавшийся вплоть до 1936 г., когда была принята так называемая сталинская Конституция СССР. В рамках проекта была предпринята попытка построить нации из многочисленных этнических групп, проживающих в СССР. Одним из вариантов решения этого вопроса стало национально-территориальное размежевание республик Средней Азии, преследовавшее цель предотвращения роста пантюркистских настроений. Оно происходило в условиях массового сопротивления со стороны коренного населения (начальный этап) и противоборства национальных элит. В конечном итоге советская власть способствовала развитию этнического самосознания коренных народов Средней Азии. По мнению Т. В. Котюковой, «это разделение было оправданным, и оно очень оправдало себя уже в 1990-е гг., когда распался Советский Союз и все получили по некоей “национальной квартире”» [8].

К сожалению, последствия этой реформы до сих пор приводят к территориальным конфликтам в Средне-Азиатском регионе, поскольку негативной стороной процесса национального размежевания явилось нарушение естественно-исторического развития народов региона.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
3. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост. : Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. — Москва : РОССПЭН, 2005.

4. Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова) : коллективная монография / сост. и отв. ред. Т. В. Котюкова. — СПб.: Алетейя, 2021.

5. Бочкарёва И. Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г. : причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия АлтГУ. — (Исторические науки и археология). — 2019. — № 2 (106).

6. Кун В. Изучение этнографического состава Туркестана // Новый Восток. — 1924. — № 6.

7. Тальская О. Д. Национальное размежевание республик Средней Азии в деятельности Средазбюро // Власть. — 2015. — Т. 23. — № 9.

8. Соловьёва Е. «Всем по “национальной квартире”». Как СССР «делил» Среднюю Азию. — URL: <https://histrf.ru/read/articles/vsiem-po-natsionalnoi-kvartirie-kak-sssr-dielil-sriedniuiu-aziuu> (дата обращения: 20.02.2022).

А. А. Лукашов,
канд. ист. наук, доц. кафедры
соц.-гум. дисциплин ист. фак-та
Белорусского государственного
педагогического университета
им. Максима Танка,
Республика Беларусь, Минск

Конституции БССР и их роль в формировании политической системы Республики

Аннотация. В истории БССР было четыре конституции. Изменения конституций не совпадали с изменениями политического режима. Не все аргументы, приводимые авторитетными справочными изданиями советского периода, можно считать убедительными объяснениями для каждого изменения конституции БССР. Вероятно, принятие новой советской конституции (например, в случае с Конституцией СССР 1977 г. и Конституцией БССР 1978 г.) можно объяснить необходимостью проведения крупной идеологической кампании в стране и за рубежом.

Ключевые слова: Конституция БССР, политический режим, идеологическая работа, изменения и дополнения в Конституцию, конституционное право, социалистическое государство, политическая система СССР.

Andrey Lukashov,
candidate of historical sciences,
associate professor of the department
of social and humanitarian
disciplines of the faculty of history,
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank,
Republic of Belarus, Minsk

Constitutions of the BSSR and their role in forming the political system of the Republic

Abstract. *There were four constitutions in the history of the BSSR. Changes in constitutions did not coincide with changes in the political regime. Not all arguments cited by authoritative reference publications of the soviet period can be considered convincing explanations for each change in the constitution of the BSSR. Probably, the adoption of a new Soviet constitution, for example, in the case of the Constitutions of the USSR of 1977 and the BSSR of 1978, can be explained by the need to conduct a large ideological campaign in the country and abroad.*

Keywords: *Constitution of the BSSR, political regime, ideological work, amendments and additions to the constitution, constitutional law, socialist state, the political system of the USSR.*

Слово «конституция» в переводе с латинского (constitution) означает «устройство» или «установление» [1–3]. В истории БССР на протяжении 74 лет советской власти действовало 4 конституции: в 1919, 1927, 1937 и 1978 гг. Конституции БССР, как и прочих союзных, а также автономных республик, издавались вслед за соответствующими конституциями СССР (через год или несколько больше) и в основных чертах повторяли их содержание. Конституции БССР 1919 и 1927 гг.

составлялись на основе марксистского подхода, в соответствии с которым общество, предшествовавшее социалистической революции, рассматривалось как разделённое на классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Поэтому в них лишены были избирательных прав те, кого большевики считали эксплуататорами (небольшой процент населения). До 1937 г. выборы были также неравными, непрямыми и проходили при открытом (нетайном) голосовании. Всё это делает конституции БССР 1919 и 1927 гг. по формальному содержанию менее демократичными по сравнению с Конституцией БССР 1937 г., поскольку последняя гарантировала право на всеобщее равное и тайное голосование на выборах. Но, как ни парадоксально, именно 1920-е гг., на которые пришлось время нэпа, рассматриваются как период относительно слабого давления большевистской партии на общество (если не считать периода перестройки). А Конституция БССР 1937 г., хоть и декларировала демократические принципы, аналогичные тем, что имели место и в конституциях западноевропейских стран, была издана как раз накануне сталинских репрессий 1937–1938 гг. — самого масштабного попражнения гражданских прав в истории СССР. Впрочем, нельзя говорить и о прямой связи нэпа с первыми советскими конституциями.

Советские идеологи никогда не стыдились революционного происхождения своего государства, даже наоборот — всячески это подчёркивали. И это естественным образом должно было привести к низкому уважению конституционного права, которое проявилось в отношении большевиков к Всероссийскому учредительному собранию. Даже в Советской Беларуси, население которой во время выборов во Всероссийское учредительное собрание (носившее по своим целям конституционный характер) оказало наибольшую поддержку большевикам, вовсе не акцентировали внимание на этом факте. Так, в Белорусской советской энциклопедии,

в статье «Учредительное собрание (России)», которая занимает 1/3 страницы, не сказано, что наибольшее количество голосов большевики получили на территории белорусских земель (только перечислены избирательные округа, в которых они набрали наибольший процент, в частности Минская губерния — 63 % и Западный фронт — 66,9 %) [4]. В пятитомном фундаментальном издании «История Белорусской ССР» результатам выборов в Учредительное собрание уделено менее половины страницы, а роль этого форума охарактеризована противоречиво: «Установлению советской власти, укреплению её авторитета содействовал роспуск Учредительного собрания, что было важным моментом в сломе старой государственной машины» [5]. Хотя в следующих строках читаем, что большевики получили в избирательном округе Западного фронта 67 % голосов, в Минском избирательном округе — 63,1 %, в Витебском — 51 %, а в Могилёвском, «в котором было засилье контрреволюции», — 15 %. Далее сказано, что трудящиеся Беларуси активно поддержали роспуск Учредительного собрания. Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что коммунисты больше ценили поддержку, оказанную им революционным путём, а не путём голосования.

Конституция БССР 1927 г. была принята только через три года после первой Конституции СССР (1924). Обе эти конституции были приняты после объединения в конце 1922 г. советских республик в единое государство. Однако этот акт объединения был в значительной мере формальностью, так как фактически большевики всех этих республик и до этого действовали совместно, что полностью соответствовало их идеологическим установкам. Конституция БССР 1927 г., как сказано в её первой статье, основывалась на Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (как и Конституция БССР 1919), Манифесте Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии от 1 января

1919 г. и скорее развивала и дополняла Конституцию БССР 1919 г., чем учреждала что-либо новое в политической системе республики.

Зачем принимались новые конституции БССР? В статье «Конституция БССР» Белорусской советской энциклопедии сказано: «[Конституция БССР 1919 г.] закрепила победу Великой Октябрьской социалистической революции, определила основные задачи государства», а Конституция БССР 1927 г. «закрепила достижения белорусского народа в построении социализма, отразила факт объединения БССР и других союзных республик в единое союзное государство, определила суверенные права БССР в составе СССР». Похожие фразы можно встретить и в статье «Конституция СССР» той же энциклопедии: «Конституция СССР [1924 г.] законодательно закрепила суверенитет СССР и союзных республик, определила компетенцию СССР как союзного государства в лице высших органов государственной власти...» [4]. Схожим образом сказано и о необходимости принять Конституцию БССР 1937 г.: «Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, ликвидация эксплуататорских классов, разгром националистической контрреволюции, создание новой (национальной по форме и социалистической по содержанию) культуры, победа социализма вызвали необходимость принять новую конституцию». Необходимость принять Конституцию СССР 1936 г. в Белорусской советской энциклопедии описана более подробно, но всё так же расплывчато: «Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства привели к значительным изменениям в социально-экономической жизни СССР, которые вызвали необходимость принять новую конституцию <...> для дальнейшей демократизации избирательной системы» [4]. Последняя из процитированных фраз, на наш взгляд, звучит не только нелепо, но даже цинично. И если необходимость принятия первой советской

Конституции после того радикального идеологического поворота, который стал следствием социалистической революции 1917 г., не вызывает сомнений, то можно ли считать убедительной приведённую выше аргументацию принятия последующих конституций?

Преобразование Верховного Совета БССР в постоянно действующий парламент в 1990 г. могло бы стать достаточным основанием для принятия нового Основного Закона, но это изменение было оформлено как очередная поправка.

Нам не удалось найти хотя бы одно издание Конституции БССР 1937 г. с обложкой, выполненной в полноцветном виде, тогда как Конституция БССР 1927 г. имела полноцветную обложку с изображением герба.

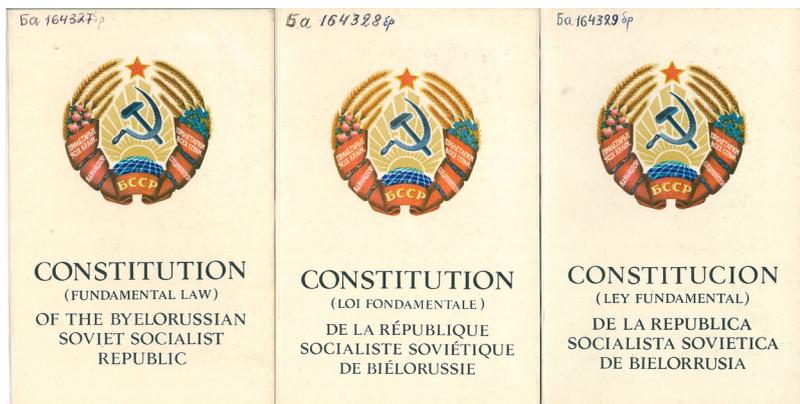

Типичное оформление титульных листов Конституции БССР 1937 и 1978 гг. на белорусском языке (изд-во «Беларусь», 1939, 1978, 1979)

Почти все издания Конституции БССР 1937 г., выпущенные в период её действия, выполнены в мягком переплёте и на простой бумаге (исключение составляет издание 1952 г.

в твёрдом переплёте, но тоже одноцветное). Трудно сказать, с чем связано столь скромное оформление сталинской Конституции, но техническими причинами это объяснить сложно. Может быть, такой простой (почти газетный) способ издания Конституции связан с тем, что в её текст часто вносились изменения и её постоянно приходилось переиздавать? Действительно, с конца 1930-х гг. небольшие правки текста Конституции и её переиздания носили регулярный характер (по 3–6 раз за десятилетие). Если такое объяснение верно, то оно лишь подтверждает мысль о невысокой устойчивости Конституции и, как следствие, её скромной роли в политической системе социалистической республики. Достаточно привести такой пример: на IV сессии Верховного Совета БССР 9-го созыва в ноябре 1976 г. были внесены очередные изменения и дополнения в текст Конституции БССР 1937 г.; на внеочередной IX сессии в апреле 1978 г. была принята Конституция БССР 1978 г., а уже в июне 1979 г. в неё были внесены первые изменения и дополнения!

Конституция БССР 1978 г. исправлялась и дополнялась так же часто, как и предыдущая, но среди множества её изданий имеются и презентационные — в твёрдом переплёте, на мелованной бумаге и полноцветные. Причём такие представительные варианты издания Конституции БССР 1978 г. были созданы и на официальных языках БССР (белорусском и русском), и на тех языках, которые не являются родными ни для одного из коренных народов БССР или СССР, но относятся к основным международным, — английском, французском и испанском. Это позволяет говорить о том, что информационная и агитационно-пропагандистская деятельность с использованием Конституции активизировалась в 1980-е гг. и была направлена не только на собственных граждан, но и на иностранных.

Обложки изданий Конституции БССР 1978 г. на иностранных языках
(изд-во «Беларусь», 1979)

Крупный эксперт в области конституционного права Республики Беларусь Г. А. Василевич, говоря о целях развития конституционного права, отметил: «С принятием новой Конституции главной задачей является формирование конституционной практики, отвечающей букве и духу Основного Закона, обеспечение непосредственного действия Конституции, её единообразного применения. Нужно сделать всё, чтобы юридическая и фактическая Конституции совпадали» [6, с. 14]. Однако советские конституции являются ярким примером расхождения юридической и фактической конституций.

Таким образом, в 1930-е гг. конституции БССР отделились от реально существовавшей в советской республике политической системы (можно сказать и наоборот, что политическая система отделилась от провозглашённых в Основном Законе положений). Конституции БССР, особенно 1937 и 1978 гг., являлись в значительной степени продуктом теоретического конструирования, обусловленным конъюнктурными причинами, тесно связанными с решениями лидера СССР. Иначе

говоря, не политическая система определялась конституцией, а наоборот, конституция регулярно менялась под действием главных субъектов политического процесса. Хотя обстоятельства, влиявшие на принятие нового Основного Закона, в каждом случае были свои, можно говорить, что принятие новой конституции часто мотивировалось желанием коммунистической партии и её лидеров провести масштабную идеологическую кампанию. В целом смена политического режима БССР и СССР была почти не связана со сменой Конституции.

Список источников и литературы

1. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. — 6-е изд. — Москва : Изд. Тихомирова М. Ю., 2008.
2. Российская юридическая энциклопедия под общ. ред. А. Я. Сухарева. — Москва : Инфра-М, 1999.
3. Советская историческая энциклопедия. 1961–1976 : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков [и др.]. — Т. 7. — Москва : Советская энциклопедия, 1965.
4. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. 1969–1975 : у 12 т. / гал. рэд. П. У. Броўка [і інш.]. — Т. 3. — Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1971.
5. Гісторыя Беларускай ССР. 1972–1975 : у 5 т. / гал. рэд. І. М. Ігнаценка [і інш.]. — Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945). — Мінск : Навука і тэхніка, 1975.
6. Василевич Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г. А. Василевич. — Минск : Право и экономика, 2000.

Е. Л. Агафонова,
зам. директора Мемориального
комплекса «Катынь», Смоленск
Я. А. Солдатенков,
зам. зав. научно-просветительским
отделом Мемориального
комплекса «Катынь», Смоленск

Изучение истории политических репрессий 1917–1950-х гг. на территории Смоленской области в музейной деятельности Мемориального комплекса «Катынь»

Аннотация. На примере деятельности Мемориального комплекса «Катынь» исследуется опыт увековечения памяти советских граждан — жертв политических репрессий (1917–1950-е). Представлены результаты последних эксгумационных работ, проведённых на территории мемориального комплекса (2017, 2019, 2020).

Ключевые слова: Мемориал «Катынь», Катынь, расстрел, эксгумация, увековечение памяти, политические репрессии.

Elena Agafonova,
Deputy Director
of the Katyn Memorial complex,
Smolensk
Yaroslav Soldatenkov,
Deputy Head of Scientific and
Educational Department
of the Katyn Memorial complex,
Smolensk

Study of the history of political repressions in 1917–1950s on the territory of the Smolensk region in the museum activities of the Katyn Memorial complex

Abstract. On the example of the scientific activity of the Katyn Memorial complex, the experience of perpetuating the memory of Soviet citizens – victims of political repressions (1917–1950s) is studied. The authors clarify the results of the latest exhumation work carried out on the territory of the Memorial complex (2017, 2019, 2020).

Keywords: Memorial “Katyn”, Katyn, execution, exhumation, perpetuation of memory, political repressions.

Мемориальный комплекс «Катынь» образован во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 19 октября 1996 г. № 1247 «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан — жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)». С 2012 г. он является филиалом Государственного центрального музея современной истории России. Таким образом, деятельность Мемориального комплекса «Катынь» в значительной мере направлена

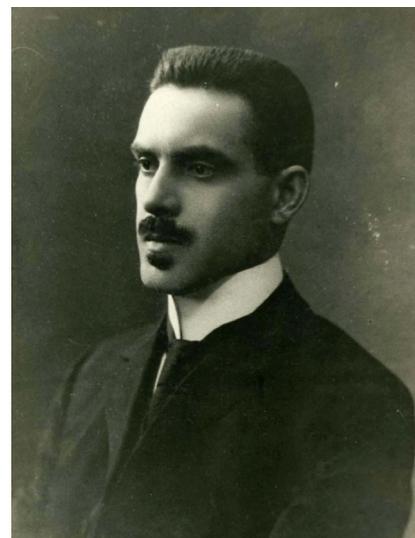
на увековечение памяти советских граждан — жертв политических репрессий. Она включает в себя поиск, публикацию и популяризацию источников, связанных с историей политических репрессий на Смоленщине. Мы остановимся на нескольких направлениях по изучению данной проблемы.

Фондовая работа — основа работы музея, так как она включает в себя комплектование, хранение и изучение музейных предметов, являющихся сущностным признаком музея и составляющих основу музея как социального института. На 2021 г. фонды Мемориального комплекса содержали более 2 тыс. предметов как по истории Смоленской области в целом, так и по истории политических репрессий в частности.

Основу фондового собрания Мемориала «Катынь» составляют источники личного происхождения, отражающие период 1930–1970-х гг. С 2003 г. научными сотрудниками ведётся работа по сбору воспоминаний и других личных материалов, рассказывающих о судьбе репрессированных смолян, а также уроженцев других частей Советского Союза, переехавших на постоянное или временное жительство на Смоленщину. Собрание подлинных документов и предметов, ранее принадлежавших репрессированным гражданам, — достаточно сложный и кропотливый труд. И мы благодарны родственникам репрессированных граждан, передающим в дар Мемориальному комплексу «Катынь» личные и семейные коллекции фотографий, документы и предметы.

Так, например, на протяжении ряда лет при непосредственном участии Артура Викторовича Мадера, переехавшего из Нижнего Тагила в Смоленск, в фонды Мемориала поступило свыше 200 предметов, посвящённых истории семьи Мадер.

Виктор Эмиль Мадер — дед Артура Викторовича — немец по национальности, проживавший в городе Тифлис, где в Академии наук Грузии заведовал кабинетом по реформе шрифтов. Он был арестован органами НКВД 23 марта 1938 г. у себя

*Виктор Эмиль Мадер (1882–1938).
Из фондов Мемориального комплекса «Катынь»*

что Виктор Эмиль Мадер 4 октября 1938 г. был осуждён «тройкой» НКВД Армянской ССР и приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 13 октября 1938 г.

19 октября 1941 г. сын Виктора Эмиля Виктор Викторович Мадер, а также остальные члены его семьи как немцы были высланы из Тбилиси в Казахстан. А в 1942 г. Виктор был мобилизован в трудовую армию и отправлен на Урал, в Нижний Тагил, в Тагиллаг НКВД, отряд 1874. Его братья Генрих и Ульрих также попали в трудовую армию.

В 1950 г. Виктор Викторович Мадер получил разрешение органов НКВД на работу в школе и преподавал математику, сначала в вечерней, а затем и в обычной школе № 70. С 1957 по 1995 г. В. В. Мадер работал на кафедре математического анализа Нижнетагильского педагогического института в должности старшего преподавателя, а потом стал доцентом, заведующим кафедрой, первым профессором физмата

дома и переправлен в Ереван. В октябре того же года сотрудники органов НКВД сообщили его родственникам, что Виктор осуждён на 10 лет принудительных работ в лагере «без права переписки». В 1959 г. его жене выдали справку о помертвной реабилитации и сообщили, что он якобы умер в лагере 26 августа 1942 г. от эмболии сосудов головного мозга. В 1992 г., после неоднократных запросов, было получено официальное сообщение,

вуза. Параллельно с преподаванием он работал над научными статьями и книгами. Всего им было опубликовано 8 книг и около 40 научных работ по математике. Книги и пособия для учителей и учеников — «Математический детектив» (два издания), «Школьнику об алгебре логики», «Тайны ряда N» (натурального ряда), «Математика (взгляд извне)», «Полифония доказательств» — выходили в московских издательствах «Просвещение» и «Мнемозина».

Хотя увековечение памяти советских граждан — жертв политических репрессий первой половины XX в. является одним из основных направлений деятельности Мемориального комплекса «Катынь», но с момента открытия музея 28 июля 2000 г. на протяжении многих лет территория советских захоронений не была до конца благоустроена. В соответствии с Концепцией государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, в 2017–2018 гг. в Мемориальном комплексе «Катынь» было проведено благоустройство части захоронений советских граждан — жертв политических репрессий. Архитектурный проект разработал член Российской академии художеств, народный художник России скульптор А. Н. Ковальчук, вместе с ним работали архитекторы Н. Ковальчук, В. Фролов и С. Шлёнкина.

20 апреля 2018 г. была открыта Стена Памяти, на которой увековечены 8532 фамилии жителей Смоленской области, ставших жертвами политических репрессий. В основу списка положены материалы, опубликованные в «Книге Памяти жертв политических репрессий Смоленской области», изданной при участии Архива Управления ФСБ по Смоленской области, Смоленского государственного университета и Мемориального комплекса «Катынь» [1].

После открытия Стены Памяти родственники репрессированных граждан стали приезжать в «Катынь» или присылать запросы с целью узнать, увековечен ли на Стене Памяти их

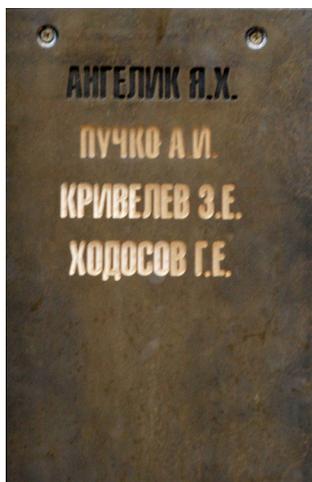

*Яков Христофорович Ангелик (1888–1931).
21 октября 1914 г. Из архива Мемориального
комплекса «Катынь»*

предок. Как правило на такие запросы мы давали положительный ответ, а несколько раз с сожалением отмечали, что интересующая фамилия в списке не значится. Так, благодаря своему неравнодушному отношению к истории собственной семьи, в музей обратился и Олег Марьянович Капуста, потомок расстрелянного крестьянина с хутора Рыжово Якова Христофоровича Ангелика. Посетив Мемориал, он не нашёл на стене фамилии своего прадеда. Тогда он обратился с запросом в региональный Архив УФСБ и получил сведения о том, что Яков Христофорович был расстрелян в 1931 г. и реабилитирован Прокуратурой Смоленской области 17 мая 1989 г., но его фамилия не была включена в «Книгу памяти» [1]. При этом остальные участники дела № 23428 в списках расстрелянных и направленных в ссылку значились. На вопрос, почему так случилось, можем лишь предположить, что составители пофамильного перечня жертв репрессий пропустили Якова, перепутав его с братом Августом.

Яков Ангелик, прадед Олега Марьяновича, вместе с братом Августом и ещё десятью жителями из окрестных деревень был арестован органами ОГПУ в конце 1930 г. Все они считались зажиточными крестьянами и поэтому подверглись раскулачиванию. Некоторые из арестованных, в том числе братья Ангелики, были лишены избирательных прав. Им вменяли

в вину «антисоветскую агитацию среди населения и срыв всех мероприятий правительства, проводимых в деревне...» [2, л. 176]. В обвинительном заключении по делу сказано: «В течение 1929–1930 гг. в связи с ликвидацией кулачества и обострением классовой борьбы в деревне под руководством кулака Явойшь <...> Ангелика и друг. <...> была создана и существовала кулацкая группировка <...>» [2, л. 378], а также, что «обвиняемые в предъявленном им обвинении виновными себя не признали» [2, л. 384]. Решением тройки ПП ОГПУ по Западной области от 3 февраля 1931 г. Яков Ангелик и ещё двое обвиняемых были приговорены к расстрелу. Расстрел приведён в исполнение 23 марта 1931 г. [2, л. 390 об.]. Брат Якова Август тем же решением был приговорён к «заключению в концлагерь сроком на десять лет» [2, л. 391].

Плита с новыми фамилиями, добавленными после открытия Стены Памяти в 2018 г. Мемориальный комплекс «Катынь», октябрь 2021 г.

Стена Памяти. Мемориальный комплекс «Катынь», октябрь 2021 г.

Ошибку, связанную с отсутствием фамилии на Стене Памяти, музей исправил, и 30 октября 2019 г. имя Якова Христофоровича Ангелика было увековечено на ней, а также внесено в электронную версию издания «Книга памяти. Смоленский мартиролог».

В 2020 и 2021 гг. на Стену Памяти были добавлены фамилии ещё трёх человек. Учитывая, что процесс реабилитации жертв политических репрессий в нашей стране продолжается до сих пор [3], с высокой долей вероятности в последующие годы на табличках будут выбиты новые фамилии.

Помимо взаимодействия с родственниками репрессированных граждан и изучения предметов из фондовых собраний, наши сотрудники проводят научные исследования в архивных учреждениях. Основная работа ведётся в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и в ведомственном Архиве Управления ФСБ по Смоленской области (Архив УФСБ СО).

Фонды ГАСО содержат богатый исследовательский материал, позволяющий выявить исторические и биографические сведения по отдельным гражданам — жертвам политических репрессий. Большой интерес для нашей работы представляют фонды как досоветского, так и советского периодов. В случае если репрессиям подвергались представители «бывших» сословий, информацию об их жизни и трудовой деятельности можно получить из документов различных губернских органов конца XIX — начала XX в.

Материалы советского периода проливают свет на судьбу лиц, находившихся в различных местах заключения (тюрьмы, лагеря, трудколони). Среди прочих интерес представляют документы Фонда избирательной комиссии Исполнительного комитета Западного областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [4]. Изучая списки

смолян — жертв политических репрессий, приговорённых к расстрелу, нами был выявлен ряд людей, которые в 1918–1936 гг. были лишены избирательных прав.

Личные дела лишенцев, хранящиеся в этом фонде, содержат богатые сведения о разных сторонах их жизни и деятельности. Большая часть документов — это результат работы избирательных комиссий: выписки из протоколов, переписка, акты проверок и обследований, запросы в различные организации с просьбой о предоставлении необходимых бумаг. Нередко в делах можно найти сведения о семейном и имущественном положении, также встречаются автобиографии, но намного реже. На основе этих материалов и на примере судеб людей можно проследить механизм ограничения избирательных прав и последствия таких ограничений для жителей Смоленской области в 1918–1936 гг.

Ещё один государственный архив, с которым ведётся взаимодействие, это Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Он был создан на базе бывшего партийного архива Смоленского обкома КПСС. Документы этого учреждения содержат информацию по истории партийных и государственных органов нашего региона, а также биографические сведения по многим работникам, репрессированным в 1920–1930-е гг. В ряде хранящихся в нём дел, как и в случае с ГАСО, можно найти фотографии людей.

Основная исследовательская работа проводится сотрудниками Мемориального комплекса «Катынь» в ведомственном архиве — это Архив УФСБ по Смоленской области, в котором хранятся следственные дела репрессированных жителей Смоленской (ранее — Западной) области. В ряде регионов России в конце 1990-х — начале 2000-х гг. некоторые управления ФСБ передали на хранение подобные дела в местные государственные архивы. В Смоленской области такая работа не была проведена, что осложнило доступ исследователей к этим материалам.

В 2012–2016 гг. научные сотрудники Мемориала «Катынь» вели работу по изучению актов о приведении приговоров в исполнение с 1928 по 1938 г. Эти исследования позволили свести воедино статистические данные и создать более полную картину расстрелов в нашей области по сравнению со сведениями из ранее изданных источников [5; 6], включая «Книгу памяти. Смоленский мартиролог».

Помимо актов важную информацию содержат в себе решения «тройки» при ОГПУ (НКВД) Западной (Смоленской) области, однако на настоящий момент эти сведения не рассекречены. Основываясь на подобных материалах из других регионов (где они официально доступны), мы предполагаем, что в них содержится более полная информация об осуждённых внесудебным органом, даже если сами дела на заключённых не находятся в Смоленске. О подобном случае речь пойдёт ниже.

«Долина смерти» — место массовых захоронений советских граждан — жертв политических репрессий на территории Мемориала «Катынь». В ходе зондажно-топографических исследований здесь было выявлено свыше 277 могил. В августе 2017 г., благодаря поддержке Министерства культуры Рос-

Фрагмент документа со ссылкой на главу XIV Уголовно-процессуального кодекса РСФСР «Обыски и выемки» из портмоне. Эксгумация 2019 г. Из фондов Мемориального комплекса «Катынь»

сийской Федерации, в «Долине смерти» начались работы по благоустройству, в том числе по эксгумации останков наших соотечественников, ставших жертвами репрессий. В процессе поисково-эксгумационных мероприятий в 2017, 2019 и 2020 гг. были исследованы 39 захоронений и подняты останки 1433 человек.

Вещи, обнаруженные в захоронениях в ходе поисково-эксгумационных работ 2020 г. Фрагмент экспозиции «Россия и Польша. XX век. Страницы истории». Мемориальный комплекс «Катынь»

Помимо собственно останков был обнаружен ряд вещей: остатки обуви и одежды, различные бытовые предметы — кружки, зубные щётки и расчёски, а также монеты советской чеканки 1920–1930-х гг., кошельки с выданными в НКВД справками, многое др. Среди документов (справок) — из того, что удалось установить, — справки о сдаче в финотдел НКВД ценностей арестованных граждан, справка из отдела мест заключения, копия протокола обыска. В основном на бумаге сохранились слова, отпечатанные на пишущей машинке. Данные, внесённые от руки, из-за нахождения портмоне в агрессивной среде, к сожалению, восстановить не удалось. Обнаруженные в ходе изысканий вещи поступили на хранение в фондовое собрание Мемориального комплекса «Катынь».

Некоторые из казнённых, возможно, для идентификации своих вещей, а может, осознавая неотвратимость скорой гибели и боясь забвения, вырезали свои имена на кружках, зубных

Женский гребешок с надписью «Дина». Внутренняя сторона. Раскоп № 1. Июнь 2019 г. Из фондов Мемориального комплекса «Катынь»

щётках, гребешках. Эти предметы — молчаливые свидетели трагических событий — спустя более 80 лет позволяют нам узнать имена безвинно погибших и ещё раз их произнести.

Так, в 2017 г. по обнаруженной зубной щётке удалось определить предположительное место захоронения директора Вяземской льночесальной фабрики Александра Яковлевича Клявс-Клявина [7, с. 145–155]. А в 2019 г. на женском пластмассовом гребешке были обнаружены две нацарапанные надписи: «Волкова О. И.» и «Дина». Эти имена принадлежат Ольге Ивановне Волковой, расстрелянной 19 января 1938 г. [8], и Эрхардине Павловне Небиок-Генкель, расстрелянной 16 января 1938 г. [9]. Они были посмертно реабилитированы за отсутствием состава

Кружка глиняная с надписью «БА». Раскоп № 8, 2020 г. Из фондов Мемориального комплекса «Катынь»

Мундштук курительный с надписями на четырёх гранях. Раскоп № 10. 2020 г.
Из фондов Мемориального комплекса «Катынь»

преступления. Обе женщины находились в заключении в Смоленской тюрьме в одно время (декабрь 1937 — январь 1938).

В ходе поисково-эксгумационных работ в сентябре 2020 г., как и в предыдущие годы, были обнаружены разные предметы, в том числе с надписями: глиняная кружка с инициалами «БА» на дне; курительный четырёхгранный мундштук с нацарапанными словами на каждой грани: «Вязьма тюрьма; ст. 58 п. 10–11; 2130/VII 38» и изображением решётки. Кому принадлежали данные предметы, пока установить не удалось.

Среди прочих предметов в раскопе № 11 была обнаружена зубная щётка с надписью «З. Е. Кривелёв», однако в «Книге памяти. Смоленский мученик» человека по фамилии Кривелёв найти не удалось. В этом нет ничего странного: при размежевании территорий, ранее входивших в Западную область с центром в Смоленске (1929–1937), архивные дела на жителей вновь образованных областей (Калининской, Брянской, Калужской и др.) передавались в местные органы НКГБ

Зубная щётка с подписью «З. Е. Кривелёв». Раскоп № 11. 2020 г.
Из фондов Мемориального комплекса «Катынь»

и МГБ СССР, а в областном УФСБ остались дела на жителей Смоленской области в границах, оформленных в 1944 г. После принятия 18 октября 1991 г. Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в разных регионах страны началась подготовка по изданию списков репрессированных советских граждан. Такие книги появились в Смоленской, Тверской, Псковской, Калужской и других областях. К сожалению, в Брянской области «Книги памяти» до сих пор нет.

При изучении актов о приведении в исполнение приговоров за 1937 г. был найден документ с именем «Кривелёв Захар Евдокимович». В результате все поименованные в этом акте (от 2 декабря 1937 г. [10, л. 54]), за исключением двух человек, были внесены в «Книгу памяти. Смоленский мученик» и, учитывая территориальную специфику, обозначенную выше, музеем были направлены запросы в архивы УФСБ России по Орловской и Брянской областям.

Согласно справке, полученной из архива Управления ФСБ по Брянской области по прекращённому уголовному делу № 4955-П, Захар Евдокимович Кривелёв 1913 года рождения, происходил из семьи крестьян д. Ширковки Мглинского района Западной области. Образование имел высшее. В 1931 г. был осуждён к трём годам лишения свободы условно, затем в 1933 г. — к пяти годам тюремного заключения. С места заключения бежал. На момент ареста работал преподавателем физики средней школы с. Ермолинка.

Захар был женат на Галине Романовне Голубец, 19 лет, учащейся Бобровского педтехникума Воронежской области. Одна из сестёр, Фаина Кривелёва, жила в Минске, была членом ВКП(б); сёстры Василиса и Татьяна работали в колхозе д. Ширковки, Меланья проживала на ст. Калитня Западной железной дороги. Братья Архип и Иван жили в Сибири, Константин учился в Харьковском институте ЦК ВКП(б), Никифор

заведовал начальной школой в Сафоновском районе Смоленской области. Ещё один брат, Архип Евдокимович Кривелёв, погиб 3 октября 1942 г. при обороне Ленинграда [11].

Захар Евдокимович был арестован Тумановским райотделом НКВД Западной области 24 августа 1937 г. по обвинению в том, что «являлся активным участником контрреволюционной террористической организации, в течение ряда лет занимался подделкой разного рода документов; а также в том, что, будучи осуждённым за мошенничество к 5 годам концлагерей, дважды сбежал». Во время следствия находился в тюрьме г. Смоленска.

20 ноября 1937 г. заседанием тройки УНКВД Смоленской области Кривелёв З. Е. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. 8, 10–11 ст. 58 УК РСФСР и осуждён к высшей мере наказания — расстрелу, приведённому в исполнение в 17:00 2 декабря 1937 г. Посмертно был реабилитирован определением Военного трибунала Воронежского военного округа от 13 октября 1956 г. за отсутствием состава преступления.

Благодаря сотрудникам архивов УФСБ России по Смоленской и Брянской областям, удалось установить, что одновременно с Захаром Кривелёвым был расстрелян Григорий Евграфович Ходосов, имени которого также не оказалось ни в «Книге памяти», ни на Стене Памяти Мемориального комплекса «Катынь».

Ходосов Григорий Евграфович родился 5 ноября 1914 г. в той же деревне Ширковке, что и Захар Кривелёв. До 1917 г. у семьи имелось сто десятин земли, пять лошадей и пять-шесть коров.

В 1930 г., когда ему исполнилось 18 лет, Григорий вступил в ряды ВЛКСМ, а в 1933 г. был осуждён по ст. 169 УК РСФСР на три года с заключением в концлагере.

Григорий был старшим ребёнком в семье. Кроме него в 1937 г. отец с матерью воспитывали сына Михаила 17 лет

и трёх дочерей — Зинаиду 14 лет, Ольгу 11 лет и Елену 8 лет. К 23 годам Григорий окончил рабочий факультет при Московском автотранспортном институте и учился на втором курсе Ленинградского мединститута.

Его арестовали 28 сентября 1937 г. как «активного участника контрреволюционной террористической организации». Заседанием тройки УНКВД Смоленской области 20 ноября 1937 г. Ходосов Г. Е. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. 10–11 ст. 58 УК РСФСР, и осуждён к высшей мере наказания — расстрелу, приведённому в исполнение 2 декабря 1937 г. Реабилитирован определением Военного трибунала Воронежского военного округа от 13 октября 1956 г.

Обе эти фамилии были увековечены 30 октября 2021 г. на Стене Памяти в «Долине смерти» Мемориального комплекса «Катынь».

Научные исследования показывают, что до сих пор множество вопросов о составе, месте погребения и числе репрессированных остаются неизученными. Общий список всех расстрелянных в Смоленске советских граждан, поименованных в актах и захороненных, в том числе предположительно на территории Катинского леса (урочище Козьи горы) [12], на сегодняшний день не опубликован. Работа по увековечению памяти советских граждан — жертв политических репрессий продолжается.

Список литературы

1. Книга памяти жертв политических репрессий: Смоленский мартиролог. Т. 1. Кн. 1. А–К. — Смоленск : СмолГУ, 2006.
2. Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Д. 23428-с.
3. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Утверждена

распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.08.2015 № 1561-р.

4. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. р-1547.

5. Александров С. В. «Расстрельные» акты 1937 г. // Вестник Катынского мемориала. — 2014. — № 14. — С. 46–56

6. Александров С. В., Шмадченко И. С. Количество расстрелянных в годы «Большого террора» 1937–1938 гг. по Смоленской области // Вестник Катынского мемориала. — 2016. — № 16. — С. 25–33.

7. Солдатенков Я. А. История одного предмета и история судьбы человека. По материалам архивно-следственного дела А. Я. Клявс-Клявина / Современная история России в музейной практике. Декабрьские научные чтения. 16–17 дек. 2019 г. : сб. ст. — Москва : ГЦМСИР, 2020.

8. Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Д. 23820-с.

9. Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Д. 24066-с.

10. Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Д. 716 с протоколами с 51 по 75 включительно.

11. Список брянских воинов — уроженцев Мглинского района, погибших при обороне Ленинграда / МОО «Брянское землячество в Санкт-Петербурге и Ленинградской области “Пересвет”». — URL : <https://www.bzperesvet.ru/mgliniskij-rajon-spb> (дата обращения: 14.12.2021).

12. Заключение Прокуратуры Смоленской области по материалам проверки о массовых захоронениях в Смоленской области жертв политических репрессий № 10/1-396 от 31 января 1995 г. / Архив Мемориала «Катынь». Копия.

С. А. Шевырин,

канд. ист. наук, зав. научно-методическим отделом Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», Пермь

П. С. Аликин,

науч. сотр. Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», Пермь

Проблемы мемориализации диссидентского движения в СССР: из опыта работы Музея-заповедника «Пермь-36»

Аннотация. Авторы рассматривают проблемы, возникшие при музейном показе диссидентского и правозащитного движения в СССР. Основной проблемой стало то, что, кроме диссидентов и правозащитников, в заключении находилось большое количество военных преступников и изменников Родины, также в этой же массе были неоднозначно рассматриваемые сейчас лидеры национальных движений. Эти проблемы едва не привели к закрытию музея. Новая выставка «За крупицы правды» рассказывает о тех категориях политических заключённых, которым посвящён музей, то есть о диссидентах и правозащитниках. Выставка пытается снять возникшие проблемы в мемориализации диссидентского движения в СССР.

Ключевые слова: музей, Пермь, выставка, диссиденты, самиздат, «оттепель», исправительно-трудовая колония.

Sergei Shevyrin,
*PhD, Head of the Scientific and
Methodological Department
Memorial Museum-Reserve of the
History of Political Repression
“Perm-36”, Perm*

Pavel Alikin,
*Researcher at the Memorial Museum-
Reserve of the History of Political
Repression “Perm-36”, Perm*

Problems of memorialization of the dissident movement in the USSR: from the experience of the Perm-36 Museum-Reserve

Abstract. *The authors consider the problems that arose during the museum display of the dissident and human rights movement in the USSR. The main problem was that in addition to dissidents and human rights defenders, there were a large number of war criminals and traitors to the Motherland in prison, and the leaders of national movements, who are now ambiguously considered, were also in the same mass. These problems almost led to the closure of the museum. The new exhibition “For Grains of Truth” tells about those categories of political prisoners to whom the museum is dedicated, i.e. dissidents and human rights defenders. The exhibition tries to remove the problems that have arisen in memorializing the dissident movement in the USSR.*

Keywords: *museum, Perm, exhibition, dissidents, samizdat, “thaw”, correctional labor colony.*

Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» был создан на месте закрытой исправительно-трудовой колонии (ИТК) для политических заключённых 1970–1980-х гг.

Эта колония возникла ещё в сталинские времена, а именно в 1946 г. Около 1 тыс. заключённых должны были заготавливать и сплавлять лес. В 1972 г. колония приняла первых политических заключённых. Из мордовских лагерей в Пермскую область были переведены наиболее опасные, по мнению властей, политзаключённые. Именно в это время колония получила название «учреждение ВС 389/36», или «Пермь-36». Рядом находились ещё две подобные колонии — «Пермь-35» и «Пермь-37». Среди узников пермских политлагерей были авторы и распространители антикоммунистической литературы, участники правозащитных групп, религиозных, национальных и других организаций — Владимир Буковский, Сергей Ковалёв, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Василий Стус, Натан Щаранский, Глеб Якунин и др. В 1980 г. при ИТК ВС 389/36 был создан участок особого режима — для «особо опасных государственных преступников». Из трёх политлагерей, существовавших в то время на территории Пермской области, этот участок был самым жёстким: заключённые содержались исключительно в камерах за двойными металлическими дверьми. Лагерь «Пермь-36» был закрыт в 1988 г.

В числе заключённых пермских политлагерей были не только диссиденты и правозащитники, но и военные преступники времён Великой Отечественной, люди, передававшие секретные сведения за рубеж, и т.д. Проведённое в конце 1990-х исследование статей обвинения заключённых этих лагерей показало, что примерно половина из них были осуждены по ст. 70, 72 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик (антисоветская агитация и пропаганда, участие в антисоветских организациях), а другая половина — по ст. 64 УК РСФСР и аналогичным статьям союзных республик (измена Родине) [6, с. 117–119].

Бесспорным является тот факт, что музей посвящён истории политических репрессий, к которым относятся в большинстве

своём реабилитированные диссиденты и правозащитники. Об этом говорят и названия выставок музея: «Советский тоталитаризм и сопротивление», «Хельсинкское движение в СССР», «Власть и народ в России», «За нашу и вашу свободу: сопротивление несвободе в СССР в 1960–1980-е гг.» и т.д. Тем не менее в 2010-х гг. в пермских СМИ появился ряд статей, в которых утверждалось, что музей посвящён только «бандеровцам и военным преступникам» [5]. В результате разгоревшегося скандала вокруг музея было полностью смещено его руководство [8]. Новое руководство, естественно, стремилось избежать конфликтных ситуаций, которые могли возникнуть при продолжении экспонирования тем, связанных с диссидентами и правозащитниками 1970–1980-х гг. Тематика выставок музея сосредоточилась вокруг истории ГУЛАГа, то есть на более ранней истории политических репрессий. Были открыты следующие выставки: «Лагерь ГУЛАГа Молотовской области в военные годы», «Вещдок», «Жизнь вопреки», «Мужество науки» и др.

Уход в историю ГУЛАГа не снял проблему интерпретации миссии музея. Пермские либералы регулярно обвиняли сотрудников музея в том, что он полностью перепрофилировался и посвящён охранникам ГУЛАГа [1]. Коммунисты и сталинисты требовали рассказа обо всех заключённых, в том числе и о военных преступниках и бандеровцах [3]. В итоге решено было вернуться к показу этого сложного исторического периода (1970–1980-х) через судьбы конкретных диссидентов и правозащитников. Для начала были взяты истории пермяков, осуждённых в 1970 г. по политическим статьям «за распространение самиздата». Этот, ставший громким для Перми, процесс затронул многих представителей местной интеллигенции и получил название «Пермское дело».

«Пермское дело» — это уголовное преследование двух молодых людей в Перми за чтение и распространение ими

запрещённой в СССР литературы — самиздата. Под самиздатом имеются в виду правозащитные и диссидентские тексты; художественная литература, авторы которой не были одобрены советской цензурой (например, сочинения А. И. Солженицына, М. А. Булгакова); различные «письма во власть» (Открытое письмо Григоренко о ресталинизации) и др. Из материалов дела видно, что читали самиздат десятки людей, но показательно осудили только двоих. Олег Воробьёв и Рудольф Веденеев не только читали, но и активно распространяли запрещённую литературу, говорили о ней в квартирах друзей и знакомых [7].

Выставка, получившая название «За крупницы правды», состояла из следующих блоков: «линия времени», «топографическая линия», уголок квартиры Р. Веденева, уголок фотолaborатории пермской фотостудии «Графика» и скульптурные работы Р. Веденева. «Линия времени» должна была показать становление мировоззрения двух молодых людей, пришедших на эпоху оттепели. Выставка охватывает период с 1956 г. (от XX съезда КПСС) и до открытия колоний для политических заключённых «Пермь-35» и «Пермь-36» в Пермской области в 1972 г.

Несомненно, что феномен появления и активного распространения запрещённой литературы относится ко времени хрущёвской оттепели, начавшейся после XX съезда партии, осуждения культа личности и массовых политических репрессий, продолжившейся в публикациях журнала «Новый мир» (Дудинцева «Не хлебом единым», Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича» и др.). Многие восприняли это как серьёзные политические изменения и начало новой жизни. Студенты Пермского госуниверситета так описали свои ощущения: «А время было странное. Вскоре после состоявшегося в феврале 1956 г. XX съезда КПСС поползли слухи о каких-то разоблачениях, касающихся самого “вождя

народов”. Самое удивительное было в том, что слухи эти подтвердились. Преподавателей и студентов собрали сразу в двух актовых залах для ознакомления с тезисами доклада нового лидера партии и государства Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина. Подлинник доклада был засекречен и опубликован в полном объёме лишь в перестроечное время. Но и того, что мы слышали, хватило с избытком. Большинство присутствующих пережили настоящий шок. <...> Нечего и говорить, что молодняк, студенчество держали в крепчайшей узде. <...> Но, безусловно, семена некоторой вольности начали проникать в наши души» [4, с. 62].

«Семена вольности» проросли творчеством так называемых шестидесятников, бесконечными разговорами на кухнях и в итоге мыслями: а настолько ли хорош наш строй, наша партия? Появились первые диссиденты, распространители запрещённой в СССР литературы — ещё недавно издававшегося Солженицына, Булгакова и др. Творчество шестидесятников и запрещённые тексты серьёзно расшатывали идеологическую конструкцию государства, от которой власть не была намерена отказываться. Массовые репрессии и культ личности она объявила перегибами и искажениями верного ленинского, социалистического пути и соответственно — идеологии. Свобода, демократия, правовое государство — главные послы шестидесятников и первых диссидентов — явно несли угрозу устоявшемуся общественному строю: монополии КПСС, господству советской идеологии в общественной жизни, советскому чиновничеству.

Власть, почувствовав угрозу в этом движении, инициировала гонения и репрессии в отношении писателей. Например, им подверглись Пастернак (1958), Бродский (1964), Даниэль и Синявский (1965). В это же время события в Венгрии (восстание 1956 г., подавленное войсками), расстрел рабочих в Новочеркасске (1962) очень наглядно давали понять, что

обещанная свобода имеет чёткие и жёстко определённые партий границы.

Исторический период с 1956 по 1968 г. был очень «странным временем», во многом двусмысленным. Выпускник ПГУ 1971 г. И. В. Кондаков так описал своё состояние: «...над нами засияло солнце: тирана нет, слова — многие — произнесены, люди меняются на глазах. <...> Но случилось венгерское событие... Оно внесло двусмыслицу. <...> Мы уже не были просоветскими, не были и аполитичными, думали, рефлексировали. Искали недоступные и потому особенно вождельные книги — Библию и Зигмунда Фрейда. Ловили каждое новое слово о Великой Отечественной войне у В. Быкова, В. Некрасова, В. Кондратьева, Д. Гранина, Г. Бакланова, ревниво следили за двумя оппозиционными журналами — “Новый мир” и “Октябрь”. Именно в литературе мы находили крупницы правды о жизни».

И именно на это «странное время» выпала молодость главных героев нашей выставки — Олега Воробьёва и Рудольфа Веденеева. В 1956 г. (XX съезд партии, начало «оттепели») им было по 17 лет — время становления их мировоззрения. На момент ареста (1970) им было по 31 году.

До ареста оба начали учиться, но не доучились. Веденеев — на вечернем отделении исторического отделения Пермского государственного университета. В эти же годы он занимался в художественной школе, в группе взрослых, готовящихся поступать в художественные вузы. Воробьёв учился в нескольких вузах, в том числе на филфаке МГУ, где и познакомился с диссидентами и участвовал в первой политической демонстрации 1965 г. на Пушкинской площади. Его московские связи затем стали источником запрещённой литературы, которую не только читал, но и привозил в Пермь Олег Иванович. Рудольф Веденеев активно включился в процесс распространения самиздата: передавал его в Библиотеке

им. М. Горького, обсуждал с друзьями, давал почитать и даже делал попытки размножить.

В 1971 г. состоялся суд, привлёкший внимание пермской общественности. Воробьёву дали шесть лет, Веденееву — три года колонии строгого режима. Воробьёв провёл полсрока во Владимирской тюрьме, а вторую половину в колонии ВС 389/36, только что сменившей свой контингент на политических заключённых. Веденеев до 1972 г. пилил лес и грузил вагоны в одном из отделений Кизеллага (Кизеловский исправительно-трудовой лагерь в Пермской области). В 1972 г. был амнистирован в связи с 50-летием образования СССР. О заключении Рудольф Борисович вспоминал так: «Надо прямо сказать, что открытой враждебности в отношении ко мне со стороны других заключённых не было. С тех пор у меня повторяется один и тот же сон с разными подробностями. Я собираюсь и иду в побег. В одном из таких снов мы уходим в побег вдвоём, и когда преодолеваем все заграждения, нас настигают собаки. <...> На этом я просыпаюсь. Сон всё время повторяется, страх догоняет. Я освободился, но не чувствую свободы» [2].

После выхода из заключения Рудольф Веденеев учился в Нижнетагильском государственном педагогическом институте на художественно-графическом факультете. С 1982 г. — член Союза художников Российской Федерации, в 1995–1997 гг. — председатель Пермской организации Союза художников России. Автор персональных выставок в Перми, Москве и других городах.

С конца 1980-х гг. Рудольф Борисович начинает творчески осмысливать время репрессий, работать для сохранения памяти о ГУЛАГе и об известных политических репрессированных — Солженицыне, Шаламове, Мандельштаме и др. Сам он об этой деятельности выразился так: «Я вижу в этом свой долг художника: я знаю эту проблему изнутри и хочу воздать память всем жертвам тоталитаризма».

Олег Воробьёв вскоре после освобождения эмигрировал в Австрию.

«Уголок квартиры» рубежа 1960–1970-х гг. важен тем, что, по имеющимся в Музее-заповеднике «Пермь-36» воспоминаниям Рудольфа Веденеева, для формирования его диссидентского и творческого мировоззрения много значили передачи радио «Свободы»: «Непременным атрибутом моей жизни был радиоприёмник. Без приёмника я никогда не жил, я был радиолюбителем, у меня была куча приёмников. <...> ...Вечерние ночные часы, когда я крутил один из своих приёмников, 6-Н1 (шестилампный настольный, первый выпуск), напоминающий половину буфета. Эти обрывки — контекст, в котором выросло моё поколение. Я на этом рос, безусловно. <...> Я работал на заводе и оказался на больничном, когда по радио передали о чехословацких событиях 1968 года. Представил себе ситуацию, что под окном моим по улице, на которой я живу, пройдут люди в чужой форме. Как бы я на это среагировал? Тогда я слепил свою первую скульптуру».

На выставке представлена скульптура Р. Б. Веденеева «Через человека»: человек как бы распадается на две части и через него идут люди. Несомненно, скульптура относится к той части творчества автора, в которой он осмысливает репрессии, непростое положение человека в обществе, особенно тоталитарном. В одном из своих интервью Р. Веденеев несколько раз возвращался к теме «разделённости мира» и человека в этом мире. Так, ещё в детстве, когда отовсюду звучало, что СССР — самая счастливая и справедливая страна, он познакомился с историей своего дяди — брата отца — спортсменом, который заступился за девушку и оказался по несправедливому обвинению в лагере. Тогда пришло понимание: «Для меня этот мир уже разделился». Вторым разделением мира для него стали знания, полученные на истфаке: «Я учился на историческом, мне это просто — знать

историю своей страны. Уже в то время я читал. Вот это одна история, это официальная история. И есть другая история, которая пока не имеет права на существование. Это та правда, которая находится там, за решёткой, если угодно, за колючей проволокой».

Главной задачей выставки стало исследование свободолюбивого времени «оттепели», в которое сформировались правозащитные мысли двух молодых пермяков, начавших знакомить пермское общество с запрещённой литературой (самиздатом), в которой под отличным от официального углом зрения рассматривались история и советский режим. Итогом этой их деятельности стали суд и осуждение по политическим статьям, в том числе приговор к заключению в только что созданном лагере «Пермь-36».

Эта история, не отражающая вопросы осуждения по статьям за национализм, и тем более не относящаяся к военным преступлениям времён Великой Отечественной войны, даёт представление о категориях заключённых, которым посвящён музей.

Список источников и литературы

1. *Баев А.* «Пермь-36» превращают в музей работников ГУЛАГа // Новое время. — 03.05.2015. — URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/95563> (дата обращения: 13.02.2022).

2. *Веденеев Р. Б.* Пермское дело / беседу вела Г. М. Лебедева. — Пермь: Т-7, 1996. — URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2886> (дата обращения 19.02.2022).

3. Ветераны МВД и «Пермь-36» губернатору: бандеровцев надо было наказывать // ИА «Красная весна». — 04.05.2018. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/e95d7305> (дата обращения: 13.02.2022).

4. Взойди, звезда воспоминанья! Страницы воспоминаний выпускников филологического факультета Пермского университета / Перм. гос. университет : Пермь, 2006. — С. 62.

5. *Лизен А.* Расколота память: отражение конфликта вокруг Мемориального центра «Пермь-36» в российских медиа // ЖИСП. — 2015. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskolotaya-pamyat-otrazhenie-konflikta-vokrug-memorialnogo-tsentra-perm-36-v-rossiyskih-media> (дата обращения: 13.02.2022).

6. *Обухов Л. А., Сизова Л. В.* Социальный портрет заключённых пермских политлагерей // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии / Материалы научно-практических конференций. — Пермь, 1998. — С. 117–119.

7. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 643_2. Оп. 1. Д. 33143. Т. 4. Л. 348–350.

8. *Шевырин С. А.* История Музея-заповедника «Пермь-36»: опыт историографического осмысления и музеефикации // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-muzeya-zapovednika-perm-36-opyt-istoriograficheskogo-osmysleniya-i-muzeefikatsii> (дата обращения: 13.02.2022).

С. В. Орлов,
канд. экон. наук, доц.,
зав. кафедрой истории
общественных движений
и политических партий
исторического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Опыт увековечения памяти о Великой Отечественной войне на примере программы «Памяти Московского народного ополчения»

Аннотация. В статье исследуется опыт реализации патриотической программы «Памяти народного ополчения», дана оценка её эффективности в вопросах восстановления исторической справедливости и увековечения памяти подвига Московского народного ополчения. Особый акцент сделан на мероприятиях программы, посвящённых организации взаимодействия с общественными, ветеранскими, молодёжными патриотическими организациями в вопросах встраивания государственной политики в области патриотического воспитания.

Ключевые слова: Московское народное ополчение 1941 года, Московская городская дума, патриотическая программа, программа памяти, коммеморация, концептуализация исторической памяти, увековечение памяти, Великая Отечественная война.

Stepan Orlov,
PhD in Economics, associate professor,
head of the Department of History
of Social Movements and Political
Parties of the Faculty of History
of Lomonosov Moscow State University

Experience in perpetuating the memory of the Great Patriotic War by the example of the Moscow People's Militia Memorial Program

Abstract. The article explores the experience of implementing patriotic program “Moscow People’s Militia Memorial Program”. Assesses its effectiveness in the restoration of historical justice and perpetuating the memory of the feat of the Moscow People’s Militia. Particular emphasis is placed on the experience of the program in organizing interaction with public, veteran, youth, and patriotic organizations in matters of embedding state policy in the field of patriotic upbringing.

Keywords: Moscow People’s Militia of 1941, Moscow City Duma, patriotic program, memory program, commemoration, conceptualization of historical memory, perpetuation of memory, the Great Patriotic War.

Более пяти лет депутаты Московской городской думы занимаются коммеморацией Московского народного ополчения. Коммеморация — это сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого, подтверждающее чувство единства и общности народа. Долгое время теме Московского народного ополчения, а также той роли, которую сыграли московские ополченцы в битве за Москву, не уделялось должного внимания. Многие исторические факты не

были известны, иным не придавалось должного значения. История Московского народного ополчения — одновременно героическая и трагическая. Именно о трагедии старались не вспоминать, соответственно, забывая и о подвиге.

А ведь именно ополченцы — москвичи самых разных гражданских профессий и возрастов — наряду с кадровыми военными Красной армии, проявив подлинное мужество и героизм, задержали врага на подступах к столице осенью 1941 г., дав возможность подготовить оборону Москвы и перейти в контрнаступление. Цена этого подвига — 80 % погибших, пленённых и пропавших без вести ополченцев.

Концепция патриотической программы «Памяти Московского народного ополчения» родилась в стенах Московской городской думы благодаря обращениям потомков ополченцев и ветеранской общественности. Реализация программы началась при поддержке Правительства Москвы в 2015 г., в год 70-летия Великой Победы. Куратором программы выступил председатель Московской городской думы Алексей Валерьевич Шапошников.

Были определены цели программы — восстановление исторической памяти о подвиге героев Московского народного ополчения, проведение мероприятий по увековечению подвига ополченцев.

Программа охватывает широкий спектр тематических мероприятий, таких как открытие памятников ополченцам, мемориально-патронатные акции, экскурсионные поездки по местам боёв дивизий, работа со школьными музеями памяти подвига Московского народного ополчения, издание книг, организация тематических конференций, открытие выставок.

2021 г. ознаменован двумя датами, ключевыми для всех, кто свято чтит память о Великой Отечественной войне: это 80-летие создания Московского народного ополчения и 80-летие контрнаступления советских войск под Москвой.

В рамках программы в этом году состоялось торжественное открытие двух памятных знаков: 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района города Москвы и 21-й дивизии народного ополчения Киевского района города Москвы. Памятный знак 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы был открыт в прошлом году.

4 сентября 2021 г. состоялась церемония открытия памятника «Плечом к плечу», посвящённого 13-й Московской дивизии народного ополчения Ростокинского района. Выступая на торжественной церемонии, префект Северо-Восточного административного округа города Москвы Алексей Беляев сказал: «Памятник изображает двух ополченцев: молодой боец поддерживает раненного старшего товарища. У них одна винтовка-трёхлинейка на двоих. Гневный взгляд молодого бойца устремлён вперёд, на воображаемого врага. Вся его фигура исполнена решительности и непреклонности, готовности стоять до конца. Авторы памятника, заслуженные художники России и Армении Ваге и Микаэль Согояны, сумели в этих символических образах выразить саму суть жертвенного подвига ополченцев» [1].

Собирательные образы героев получили одобрение общества родственников народных ополченцев 13-й Ростокинской дивизии. Не только факт установки памятников, но и события, выстроенные вокруг их открытия, а также создание монумента являются частью программы коммеморации. Памятник — самостоятельное средство концептуализации исторической памяти. Общая композиция памятника, его художественное воплощение, даёт осмысление истории, значимости исторических событий и исторических личностей.

Церемонии открытия памятных знаков и памятников с участием представителей городской власти, сопровождающиеся ритуалами несения почётного караула и возложения цветов, притягивают к себе не только сопричастных, но и простых

горожан и вызывают интерес к историческим событиям, которым посвящены эти объекты. Они также привлекают средства массовой информации, освещающие как само событие, так и его культурно-историческую подоплёку на более широкую аудиторию, чем только присутствующие на открытии. К тому же произведения монументального искусства украшают наш город.

1 апреля 2021 г. на Большой кольцевой линии Московского метрополитена была открыта для пассажиров новая станция — «Улица Народного Ополчения». Её название выбрали москвичи в ходе голосования на портале «Активный гражданин». Название и оформление новой станции стали данью уважения героям-ополченцам [2].

Работа по увековечению памяти Московского народного ополчения в скором времени отразится и на топонимике города. Планируется, что несколькими из проектируемых проездов будут даны названия в память о московских ополченцах.

Работа с общественными организациями и сообществами потомков московских ополченцев также важная часть патриотической программы «Памяти Московского народного ополчения». Персональные истории участников войны, бережно хранимые в семьях, собираемые и транслируемые прямыми потомками, способствуют формированию у молодёжи гражданско-патриотических ценностей и моделей поведения, укрепляют семейные традиции.

Коммеморативные семейные практики активно используются в наше время и в музейных презентациях. Одной из составляющих программы стали межрегиональные научно-практические конференции «Московское народное ополчение 1941 года: История. Подвиг. Память», проводимые Московской городской думой. Первые две состоялись в 2017 и 2020 г. В настоящее время готовится третья конференция. Эти представительные научные форумы способствовали

консолидации сообщества, занимающегося историей ополчения, позволили обсудить проблемные вопросы и наметить основные пути дальнейшей работы.

В рамках издательской программы Правительства Москвы, осуществляемой с 2016 г., было выпущено семь книг из серии «Они отстояли Москву». Презентации книг проходят в Библиотеке Московской городской думы. Так, 11 мая 2021 г. состоялась презентация книги «В объективе фотоаппарата». Это фотоальбом, в котором читатели могут ознакомиться с редкими архивными фотографиями, рассказывающими о защитниках столицы. Материалы для книги были бережно отобраны её автором Петром Павленко из фондов Музея обороны Москвы и школьных музеев, посвящённых дивизиям Московского народного ополчения, а также из личных коллекций [3]. К презентации присоединились в онлайн-формате школьники — участники музейной смены во Всероссийском детском центре «Орлёнок», организованной Музеем Победы. В этой смене участвовал и московский школьный музей, посвящённый 2-й дивизии Московского народного ополчения Сталинского района города Москвы. Ребята презентовали свою музейную работу для всех активистов школьных музеев страны.

Поддержка школьных музеев памяти подвига Московского народного ополчения — это особая забота нашей программы. Необходимость и важность школьных музеев в деле патриотического воспитания бесспорна. Само по себе наличие музея в учебном заведении является необходимым для целей дополнительного образования, но недостаточным: вокруг музея должна кипеть жизнь. Экспонаты и артефакты должны быть наполнены жизнью, историей конкретных людей. Музей — это отправная точка своеобразного квеста — путешествия во времени и пространстве со своими загадками и открытиями. Именно поэтому мы крайне заинтересованы в совместных

экскурсионных межрегиональных проектах. В таких проектах, где история не ограничена стенами музея и школы.

В 2017 г. совместно с Департаментом образования и науки города Москвы Мосгордума провела конференцию «Школьный музей XXI века. Проблемы. Поиски. Перспективы», на которой обозначила векторы развития данного направления работы с молодёжью. А в 2021 г. был организован конкурс среди школьных музеев — «Памяти подвига Московского народного ополчения в Битве за Москву». Конкурс проводился в три этапа, 21 декабря подведены его итоги. Церемония награждения победителей конкурса торжественно прошла в Зале Славы Музея Победы на Поклонной горе.

В 2021 г. Думой при поддержке Комитета общественных связей и молодёжной политики города Москвы с июня по ноябрь было организовано пять экскурсионных поездок «Дорогами памяти Московского народного ополчения» [4]. Поездки прошли по местам боёв дивизий ополчения с проведением памятных акций у монументов героям Великой Отечественной войны. Участниками поездок стали потомки ополченцев, члены ветеранских организаций, представители предприятий, с которых уходили в ополченцы, руководители школьных военно-патриотических музеев, учащиеся московских школ и вузов.

Эти поездки были уникальными по своему наполнению. Контент каждой из них готовился индивидуально и зависел от мемориального наследия дивизии. Участники поездок узнали не только историю Московского народного ополчения, конкретной дивизии, но и приняли участие в мемориально-патронатных акциях у мемориалов, памятников и памятных знаков, посетили музеи на местах, в том числе и школьные. Именно в школьных музеях на местах боёв бережно сохраняется память о московских ополченцах. Их чтут и помнят в тех местах, которые они защищали. В автобусе работает так называемый

открытый микрофон: все сопричастные истории дивизии могут поделиться своими историями, историями своей семьи. Активисты школьных музеев по итогам поездок сняли ролики-репортажи, которыми поделились в социальных сетях. Материалы из поездки в режиме реального времени выкладывались в чате потомков ополченцев, расширяя аудиторию поездки.

Ежегодно в октябре мы поддерживаем акцию «Время помнить» с участием родственников ополченцев и школьников с поездкой в Вязьму и на Богородицкое поле. 2 сентября 2018 г. во взаимодействии со Смоленской областной думой на Богородицком поле состоялась торжественная закладка аллеи «Парк Памяти Защитников Москвы» [5].

Мы никогда не забываем, что каждый город России имеет свою героическую историю. 10–11 октября 2021 г. мы пригласили присоединиться к традиционной ежегодной акции «Время помнить», проходящей в Вязьме, наших коллег из Ленинградской области. У них также есть своё священное место — Невский пяточок и своё событие, которое необходимо помнить, — прорыв блокады Ленинграда. 23–24 октября 2021 г. состоялась ответная поездка делегации из Москвы в Ленинградскую область для ознакомления с подвигом советских воинов во время обороны Ленинграда и посещения Невского пяточка, а также обмена опытом.

Этот год отмечен важнейшим историческим этапом реализации программы «Памяти Московского народного ополчения». В сентябре 2021 г. на заседании Московской городской думы по инициативе фракции партии «Единая Россия» совместно с депутатами — членами постоянного депутатского объединения «Моя Москва» был принят закон города Москвы об установлении 11 октября памятной даты столицы — Дня Московского народного ополчения. Осенью 1941 г. дивизии ополчения героически сражались в Битве за Москву и обеспечили прорыв советских войск из Вяземского

окружения у села Богородицкое. День этого прорыва — 11 октября 1941 г. — стал символом подвига московских ополченцев. «11 октября мы с особым чувством вспоминаем подвиг московских ополченцев в битве за столицу. В этот день в 1941 г. произошёл прорыв из Вяземского окружения у села Богородицкое. Во главе этой операции командованием Красной армии были поставлены дивизии народного ополчения Москвы. В День Московского народного ополчения отдаём дань памяти погибшим. Это десятки тысяч добровольцев», — сказал в своём выступлении на митинге, посвящённом памятной дате, председатель Московской городской думы Алексей Валерьевич Шапошников [6].

Синергетический эффект от проделанной работы был столь значимым, что сегодня, подводя промежуточные итоги, мы можем говорить о состоявшемся крупномасштабном социально значимом проекте, ставшем объединяющим центром в Москве по сохранению и увековечению памяти героев-ополченцев.

Впереди у нас много планов. Это и архивная деятельность, и работа с поисковым движением и школьными музеями, выпуск новых тематических изданий, проведение научных конференций и памятных акций. Достигнута договорённость с Российским историческим обществом о самом тесном взаимодействии.

За годы реализации программы выполнена её главная задача — восстановлена историческая справедливость: история подвига Московского народного ополчения увековечена в памятниках, книгах, музейных экспозициях. Она широко освещается в средствах массовой информации и изучается в научных учреждениях.

Отдельная колонна Московского народного ополчения, вступившая в «Бессмертный полк», — живое свидетельство и результат реализации патриотической программы «Памяти Московского народного ополчения».

Наша стратегическая перспектива — дальнейшая интеграция программы по увековечению памяти дивизий Московского народного ополчения в образовательный и воспитательный процессы, в общую патриотическую повестку Москвы и России в целом.

Список источников и литературы

1. В Москве открыли памятник героям 13-й Ростокинской дивизии Московского народного ополчения / Официальный сайт Мосгордумы. — URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/v-moskve-otkryili-pamyatnik-geroyam-13-y-rostokinskoj-divizii-moskovskogo-narodnogo-opolcheniya> (дата обращения: 05.03.2022).
2. Открытие станции метро «Улица Народного Ополчения» — дань памяти героям / Официальный сайт Мосгордумы. — URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/otkryitie-stantsii-metro-narodnoe-opolchenie-dan-pamyati-geroyam> (дата обращения: 05.03.2022).
3. В рамках патриотической программы «Памяти Московского народного ополчения» в Парламентской библиотеке Мосгордумы представили книгу «Они отстояли Москву. В объективе фотоаппарата» / Официальный сайт Мосгордумы. — URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/v-ramkah-patrioticheskoy-programmyi-pamyati-moskovskogo-narodnogo-opolcheniya-v-parlamentskoj-biblioteke-mosgordumyi-predstavili-knigu-oni-otstoyali-moskvu-v-obyektive-fotoapparata> (дата обращения 05.03.2022).
4. Официальный сайт Мосгордумы. — URL: <https://duma.mos.ru> (дата обращения: 09.03.2022).
5. Столичные парламентарии приняли участие в памятных мероприятиях, посвящённых Дню Неизвестного Солдата и 80-летию начала контрнаступления советских войск в Битве за Москву / Официальный сайт партии «Единая Россия». — URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/>

stolichnye-parlamentarii-prinyali-uchastie-v-pamyatnyh-meropriyatiyah-posvyashennyh-dnyu-neizvestnogo-soldata-i-80-letiyu-nachala-kontrnastupleniya-sovetskih-vojsk-v-bitve-za-moskvu (дата обращения: 05.03.2022).

6. День Московского народного ополчения — дань памяти бессмертному подвигу героев в Битве за Москву / Официальный сайт Мосгордумы. — URL: <https://duma.mos.ru/ru/34/news/novosti/den-moskovskogo-narodnogo-opolcheniya-dan-pamyati-bessmertnomu-podvigu-geroev-v-bitve-za-moskvu> (дата обращения: 05.03.2022).

В. С. Христофоров,

чл.-корр. Российской академии наук, д-р юрид. наук, проф.,
зав. кафедрой международной безопасности РГГУ

Война в Афганистане (1979–1989): историческая память и проблемы мемориализации

***Аннотация.** В статье исследуются вопросы исторической памяти о войне в Афганистане (1979–1989) и её мемориализации. Актуальность статьи вызвана геополитическими изменениями, приходом к власти в Кабуле в августе 2021 г. запрещённого в России движения «Талибан», необходимостью выработки новых подходов межгосударственного взаимодействия. Для этого изучается исторический опыт периода советского военно-политического присутствия в Афганистане, репрезентация данного опыта в учреждениях культуры России, специфика возникновения музеев, сохраняющих память о войне, их роль в сохранении исторической памяти.*

***Ключевые слова:** война в Афганистане, историческая память, мемориализация, памятники, музеи, архивы.*

Vasiliy Khristoforov,
*Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of International Security
of the Russian State University
for the Humanities*

The War in Afghanistan (1979–1989): historical memory and problems of memorialization

Abstract. *The article examines the issues of historical memory of the War in Afghanistan (1979–1989) and its memorialization. The relevance of the article is caused by geopolitical changes, the coming to power in Kabul in August 2021 of the Taliban movement banned in Russia, the need to develop new approaches to interstate interaction. For this purpose, the historical experience of the period of the Soviet military-political presence in Afghanistan, the representation of this experience in Russian cultural institutions, the specifics of the emergence of museums that preserve the memory of the war, their role in preserving historical memory are studied.*

Keywords: *the War in Afghanistan, historical memory, memorialization, monuments, museums, archives.*

Память — это символическая борьба по поводу восприятия социального мира [2, с. 192–194, 199–200], во многом определяющая национальное самосознание. Сила увековечения памяти широко признана государствами и обществами как форма символического возмещения ущерба, направленного на преодоление глубоких социальных разногласий после массового насилия. По мнению ряда экспертов, мемориализация как юридический инструмент сглаживания разногласий часто не имеет систематической концептуальной проработки, что

приводит к неэффективным, даже «вредным» памятникам, а также к неспособности интегрировать мемориальную практику в многослойные стратегии обеспечения социального примирения [11, с. 14, 165–192].

В этой связи советско-афганская война представляет собой один из наименее проработанных и должным образом осмысленных в общественном сознании сюжетов отечественной истории, который также демонстрирует сложность и неоднозначность процессов сохранения исторической памяти в российском социуме.

Предметом нашего исследования является опыт работы музеев по сохранению и презентации исторической памяти о событиях советско-афганской войны 1979–1989 гг. Для этого рассмотрим ход научной дискуссии в отношении этих событий, а также ответим на ряд вопросов: какими средствами в России сохраняется память о войне в Афганистане? Какие учреждения хранят память об этой трагической странице в истории российско-афганских отношений? Какие сложности испытывают музеи, работающие в данном направлении?

Особое место в историографии Афганистана XX в. занимает исследование одной из сложных и противоречивых страниц истории — периода советского военного присутствия в 1979–1989 гг. Научная дискуссия влияет на осмысление этих событий и преломление оценок в фокусе общественного восприятия, на процесс мемориализации.

Для советского руководства решение о вводе войск в Афганистан было непростым. В публичном поле оно обосновывалось стратегическими интересами СССР, такими как: защита южных границ, сохранение дружественных отношений с Афганистаном, перекрытие каналов поступления наркотиков, предотвращение распространения исламского радикализма. Советское политическое руководство достаточно долго сомневалось в целесообразности направления

советских войск в эту страну. Решение о вводе в Афганистан советских войск приняли 12 декабря 1979 г. несколько членов Политбюро ЦК КПСС (Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко и Д. Ф. Устинов). Официально были заявлены цели защиты южных границ СССР и обеспечения стратегических интересов Советского Союза, в действительности советские войска вводились для того, чтобы обеспечить сохранение власти в руках просоветского режима — Народно-демократической партии Афганистана.

Высокопоставленный сотрудник советской разведки В. А. Кирпиченко сообщает, что советские политики ссылались на важные стратегические интересы Советского Союза, но не объясняли, в чём именно те состояли. Самое понятное и приемлемое объяснение заключалось в том, что СССР был заинтересован в сохранении дружественного Афганистана и спокойной советско-афганской границы. Кроме того, за этим стояло желание продемонстрировать всему миру, и прежде всего США, решимость СССР отстаивать государственные интересы не только посредством дипломатических акций, но и путём применения военной силы [4, с. 360].

По мнению многих российских и иностранных исследователей (с которыми согласен и автор), решение советского руководства о вводе войск в Афганистан имело роковые последствия и для Афганистана, и для СССР: «Экспедиция в Афганистан стала последним крупным предприятием Советского Союза, которое стало одной из причин его последующего падения» [1, с. 122].

Предполагалось, что советские войска будут находиться на афганской земле непродолжительный срок, при этом само их присутствие окажет положительное влияние на афганскую оппозицию и гражданская война в стране прекратится [7, с. 71–96]. Однако всё оказалось гораздо сложнее. Советские войска встретили ожесточённое сопротивление афганской вооружённой

оппозиции и оказались втянутыми в гражданскую войну. Афганскую вооружённую оппозицию активно поддерживали противники Советского Союза по холодной войне — США, Англия, Франция и Пакистан, а также ряд арабских стран и КНР, поставлявшие боевикам оружие (в том числе самое современное — ПЗРК «Стингер»), мины, снаряды, боеприпасы и оказывавшие материально-финансовую помощь. Боевые действия продолжались более 9 лет, за это время официальные общие безвозвратные потери Советского Союза составили 15 051 человек.

Такие значительные потери советских военнослужащих связаны с тем, что они вынуждены были набираться опыта, учась на собственных ошибках и потерях. Пробыв в Афганистане 1,5 года и получив боевой опыт, военнослужащие срочной службы уезжали домой. Им на смену им приходило молодое пополнение, которое также училось методом проб и ошибок. Бойцам же вооружённых отрядов оппозиции уходить было некуда: они защищали свои дома и свою землю. К тому же они верили в правоту джихада и были привычны к военному ремеслу. Вырастало поколение афганцев, которое не умело ничего, кроме как воевать.

Во второй половине 1980-х гг. советскому политическому и военному руководству стало ясно, что афганскую проблему невозможно решить военным путём. Дальнейшая активизация боевых действий против вооружённых отрядов афганской оппозиции была признана нецелесообразной, и начались поиски политического урегулирования ситуации в Афганистане и вокруг него. Итогом их стало подписание в 1988 г. Женевских соглашений [10, с. 23–47] между Афганистаном и Пакистаном, гарантами которых выступили СССР и США. В соответствии с соглашениями советские войска были выведены из Афганистана в период с 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г.

С 1990 г. создавшие ряд общественных организаций ветераны войны в Афганистане в день окончания вывода советских

войск из него (15 февраля) стали ежегодно встречаться и отмечать день памяти. Общественная инициатива была подержана лишь в 2011 г. когда 15 февраля официально стал Днём памяти воинов-интернационалистов, участвовавших в урегулировании военных конфликтов и мужественно исполнявших служебный долг за пределами Отечества в ближнем и дальнем зарубежье.

В этот день во многих российских городах и населённых пунктах, а также в странах Центральной Азии проходят торжественные церемонии, посвящённые памятной дате и организованные общественными (а именно ветеранов Афганской войны) и политическими организациями, представителями государственной власти. Проходят митинги, возложения венков к памятникам и военным мемориалам, беседы в музеях, образовательных учреждениях и школах, а также в воинских частях и подразделениях.

Необходимо отметить, что первые памятники участникам боёв были установлены на территории Афганистана ещё в период нахождения там советских войск. Как правило, их ставили в советских воинских частях или в местах гибели советских военнослужащих. Часть таких памятников в 1992–2001 гг. была разрушена, часть сохранилась. 28 марта 2010 г. на территории посольства России в Кабуле был освящён памятник бывшим воинам-интернационалистам [13], а 9 мая 2017 г. на территории Российского центра науки и культуры в Кабуле открыт памятник советским военнослужащим и афганцам, отдавшим свои жизни за процветание Афганистана.

В России возведено несколько десятков памятников и мемориалов воинам-афганцам. Это монумент в Москве на Поклонной горе, памятники в Екатеринбурге, Казани, Костроме, Кременчуге, Нижнем Новгороде, Орле, Самаре, Симферополе, Смоленске, Сыктывкаре и других городах. Несмотря на то, что многие из них были сооружены в 1990-е гг., в издании 2001 г.,

посвящённом монументам и памятникам воинской доблести и славы России, упоминается лишь один памятник воинам, погибшим в Афганистане [5, с. 315]. Необходимо отметить, что большинство памятников были сооружены на добровольные пожертвования и средства общественных организаций. Всё это свидетельствует об отношении государства и части общества к воинам-афганцам, сложившемся в 1990-е гг.: эти события воспринимались как мрачная страница «тёмного советского прошлого», рудимент холодной войны, о котором следовало забыть.

Важная роль в сохранении памяти об этом непростом периоде российской (советской) истории принадлежит музеям. История войны в Афганистане отражена в целом ряде специализированных музеев, а также в музеях боевой славы ветеранов локальных войн и военных конфликтов, созданных в Москве [14], Екатеринбурге [24], Омске [21], Оренбурге [18], Пензе [19], Самаре [20], Симферополе [26], Твери [23], Челябинске [22], Кирове [17] и других городах.

Музеи, как правило, первоначально создавались по инициативе военнослужащих, проходивших службу в Афганистане в 1979–1989 гг., ветеранов боевых действий, а также родителей и родственников военнослужащих, погибших на Афганской войне. Энтузиасты активно собирали подлинные предметы: личные вещи солдат и офицеров, их письма, дневники, предметы одежды, военное обмундирование и снаряжение, награды, личные документы, образцы оружия, фотографии, газеты, плакаты, предметы наглядной агитации, альбомы зарисовок военных будней. Постепенно инициативу ветеранов Афганской войны начали поддерживать муниципальные органы власти, впоследствии некоторые музеи приобрели статус муниципальных бюджетных учреждений культуры, подразделений центров историко-культурного наследия. Важно отметить, что часть из них до сих пор остаются общественными.

В экспозициях музеев рассказывается о вводе советских войск в Афганистан 25 декабря 1979 г., об основных этапах войны и военных потерях, приводятся документальные свидетельства в виде дневниковых записей и фотографий с мест боевых действий; похоронок, комсомольских билетов, посечённых осколками; писем военнослужащих и газетных публикаций. Широко представлена форма советских военнослужащих (солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров и генералов) различных родов войск, отдельные виды оружия, предметы военного быта, магнитофонные записи рассказов воинов-интернационалистов о военных событиях, их мемуары. В музеях мы видим предметы — одежду, документы, фотографии, плакаты, листовки, брошюры, рассказывающие о составе и тактике действий вооружённых отрядов афганской оппозиции. В каждом музее оформлены стенды памяти, посвящённые погибшим советским военнослужащим из данного региона, района, города.

Следует отметить, что тема войны в Афганистане неизменно присутствует в экспозициях музеев истории воздушно-десантных войск (Рязань, Екатеринбург), посвящённых боевой деятельности десантников в составе подразделений и частей в Афганистане [25]. В экспозициях краеведческих музеев ряда городов [16] и музеев боевой славы [12] также мы видим тему Афганской войны.

Ещё одной формой сохранения памяти о войне в Афганистане стали выставки, которые, как правило, связаны с датой вывода советских войск из Афганистана, то есть с 15 февраля 1989 г. Например, в 2014 г. проводились выставки, приуроченные к 25-летию вывода советских войск из Афганистана в Музее Великой Отечественной войны в Москве на Поклонной горе, Культурном центре ФСБ России, Музее политической истории России в Санкт-Петербурге.

В Афганской войне принимали участие представители советской разведки, контрразведки, военной контрразведки,

сотрудники подразделений специального назначения и пограничных войск КГБ СССР. В Центральном пограничном музее ФСБ России (Санкт-Петербург), Музее военных контрразведчиков ФСБ России (Москва), комнатах истории и музеях управлений ФСБ России по республикам, краям и областям, рассказывающих об истории создания и о деятельности российских спецслужб, неизменно присутствуют экспозиции, в которых содержится разносторонняя информация о наиболее закрытой странице истории войны в Афганистане, а именно об участии в ней сотрудников КГБ СССР. В экспозициях на эту тему представлены уникальные документы и фотографии, личные вещи, дневники и письма сотрудников КГБ СССР — участников войны в Афганистане [3, 9].

Главная цель музеев заключается не только в том, чтобы увековечить память об Афганской войне и о погибших военнослужащих, но также сохранить и приумножить воинские традиции по защите Отечества, сформировать у детей и молодёжи чувство патриотизма. Руководят музеями Афганской войны, как правило, ветераны боевых действий, которые не понаслышке знают историю этой войны и пользуются авторитетом среди воинов-афганцев. Благодаря энтузиазму руководителей и сотрудников, эти музеи превратились в своеобразные центры притяжения воинов-афганцев и места проведения массовых мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодёжи.

Личное посещение многих музеев Афганской войны в различных регионах оставляет весьма позитивное впечатление об экспозициях, а также об отношении сотрудников к своему делу, в том числе их огромной заинтересованности и инициативности. Однако нередко приходится сталкиваться с тем, что сотрудники и экскурсоводы музеев затрудняются назвать истинные причины ввода советских войск в Афганистан, повторяя заученные фразы об «укреплении южных границ

СССР» и «интернациональном долге», а также советскую пропагандистскую установку о потенциальном размещении на территории Афганистана американских военных баз (например, что «СССР обогнал Америку всего на несколько дней»). В экспозициях музеев не всегда отражена информация о Женевских соглашениях по Афганистану (1988), ставших основанием для вывода из страны советских войск. Кроме того, многим сотрудникам музеев требуется научно-методическая помощь со стороны профессионалов-лингвистов — учёных, знающих языки народов Афганистана, чтобы квалифицированно интерпретировать и использовать отдельные экспонаты.

Ещё одним уникальным хранилищем памяти о войне в Афганистане стали российские и зарубежные государственные и ведомственные архивы: разнообразная информация хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и аналогичных государственных архивах в регионах, Центральном архиве Минобороны России (ЦА МО РФ), архивах отечественных спецслужб, а также в личных архивах участников войны в Афганистане.

Важным местом хранения ценных архивных документов по истории войны в Афганистане является город Ташкент (Республика Узбекистан). Находившаяся в Афганистане 40-я общевойсковая армия была сформирована на территории Туркестанского военного округа (ТуркВО, штаб округа в г. Ташкенте) и подчинялась штабу названного военного округа. Соответственно, документы 40-й армии направлялись для хранения в Архив ТуркВО. Округ был расформирован 30 июня 1992 г., все части и соединения ТуркВО, дислоцировавшиеся на территории Узбекистана, в том числе и архив, были переданы в ведение Республики Узбекистан. По утверждению независимых исследователей, часть архивных документов 40-й армии

удалось вывезти в Россию [15], однако делопроизводственные документы штаба ТуркВО и переписка со штабом 40-й армии остались на хранении в Ташкенте.

Большинство документов о войне в Афганистане всё ещё находится на закрытом хранении, и их введение в научный оборот и изучение для сохранения памяти зависит от отношения государственных органов к вопросам рассекречивания документальных источников [8, с. 395–399]. В этих условиях важную роль играют документы личного происхождения: дневниковые записи, письма, воспоминания ветеранов, интервью с участниками боевых действий. Положительным примером сохранения исторической памяти такого рода может служить работа международной группы исследователей из США, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана над проектом «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев (Oral History)». Руководителями названного проекта выступили Марлен Ларюэль, PhD (США — Франция) и Ботагоз Ракишева, кандидат социологических наук (Казахстан). Проект включал сбор интервью методом «устная история» у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане, с последующим обобщением материалов и изданием их в 2016–2021 гг. в четырёх книгах [6].

***

В заключение отметим, что этот сюжет российской истории тесно связан с двумя установками, противоречивыми с точки зрения государственных интересов: с одной стороны, это необходимость героизации страниц советско-афганской войны, включения её в текущий пропагандистско-патриотический нарратив, с другой — этому явно не способствуют неоднозначные трактовки причин и результатов советского военного присутствия в Афганистане в 1979–1989 гг. Всё это накладывает отпечаток на характер процессов мемориализации и объясняет характер возникновения музеев, посвящённых

воинам-афганцам, существующих до сегодняшнего дня, как правило, благодаря инициативе «снизу» и не имеющих достаточной государственной поддержки.

Сохранение исторической памяти о войне в Афганистане и её мемориализация требуют более системной научной работы с кадрами музеев, внимания общественных и государственных структур, так как ветераны этой войны уходят из жизни, а самым молодым её участникам уже более 50 лет.

Список источников и литературы

1. Акимбеков С. М. История Афганистана. — Астана–Алматы, 2015. — С. 312.
2. Бурдые П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. — Москва, 1994.
3. Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане: воспоминания сотрудников Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу, 1979–1991 гг.: к 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. — СПб., 2010.
4. Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. — 2-е изд., доп. — Москва : Международные отношения, 2001.
5. Монументы и памятники воинской доблести и славы России. — СПб. : Логос, 2001.
6. Память из пламени Афганистана: интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов / под ред. М. Ларюэль, Б. Ракишевой, Г. Ашкеновой. Кн. 1. Казахстан. — Астана, 2016; Кн. 2. — Узбекистан. — Астана, 2016; Кн. 3. Таджикистан. — Астана, 2016; Кн. 4. Кыргызстан. — Бишкек, 2021.
7. Христофоров В. С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. — Москва : ИРИ РАН, 2016.
8. Христофоров В. С. Историческая память о войне в Афганистане (1979–1989): новые подходы, новые источники /

Архив в социуме — социум в архиве. Материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции. — Челябинск, 2021.

9. Христофоров В. С. КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг. К 25-летию вывода советских войск из Афганистана. — Москва, 2014.

10. Христофоров В. С. Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану // Новая и новейшая история. — 2008. — № 5.

11. Greeley R. A. et al. Repairing Symbolic Reparations: Assessing the Effectiveness of Memorialization in the Inter-American System of Human Rights / R. A. Greeley, M. R. Orwicz, J. L. Falconi, A. M. Reyes, F. J. Rosenbergend, L. J. Laplant // International Journal of Transitional Justice, 2020.

12. В Башкирском Республиканском музее боевой славы открылась выставка портретов ветеранов войны в Афганистане / Газета ветеранского и патриотического движения Башкортостана «Боевая высота». — URL : <https://vysotarb.ru/news/2234/> (дата обращения: 15.01.2022).

13. В Российском посольстве в Кабуле состоялось заупокойное богослужение в память о погибших на чужбине и умерших от ран российских воинах / Седмица.RU. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». — URL : <https://sedmitza.ru/text/1074334.html#:~:text=В%20Российском%20посольстве%20в%20Кабуле,погибшим%20на%20земле%20Афганистана.%20КАБУЛ> (дата обращения: 15.01.2022).

14. Государственный выставочный зал истории войны в Афганистане (Музей истории войны в Афганистане). — URL : <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/moscow/museum/12488/responses/4891> (дата обращения: 15.01.2022).

15. Десять тонн секретов про Афганистан. — URL : <https://7dogs.livejournal.com/312640.html> (дата обращения: 15.01.2022).

16. Новосибирский государственный краеведческий музей представляет выставку «Дорогами Афганистана» / Новосибирский краеведческий портал. — URL : <http://kraeved.ngonb.ru/node/10865> (дата обращения: 15.01.2022).

17. Музей / Кировский музей ветеранов войны в Афганистане. — URL : <http://afgankirov.ru/museum.html> (дата обращения: 15.01.2022).

18. Музей «Афганская война и воинская слава» / Официальный портал города Оренбург. — URL : http://www.orenburg.ru/activities/culture/museums/museum_of_military_glory_and_the_afghan_war/?special=Y (дата обращения: 15.01.2022).

19. *Нетёсанов А.* Музей Афганской войны в г. Пензе / Alexey Netesanov. VK. — URL : https://vk.com/wall499284859_6297 (дата обращения: 15.01.2022).

20. Музей боевой славы ветеранов локальных войн и военных конфликтов / г. Самара. — URL : <https://bagra.ru/?city=samara&razdel=kultura--iskusstvo--religiya&cat=muzei&organizaciya=muzey-boevoy-slavy-veteranov-lokalnyh-voyn-i-voennyh-konfliktov-5341884> (дата обращения: 15.01.2022).

21. Музей ветеранов Афганистана и локальных конфликтов / г. Омск. Культурные места. – Омск. – Zoon.ru. — URL : https://omsk.zoon.ru/cultural_places/muzej_veteranov_afganistana_i_lokalnyh_konfliktov/ (дата обращения: 15.01.2022).

22. Музей памяти воинов-интернационалистов / Челябинск. — URL : <https://www.culture.ru/institutes/34432/muzei-ramyati-voinov-internationalistov> (дата обращения: 15.01.2022).

23. Музей «Три войны — такие разные»: Великая Отечественная, Афганская и Чеченская. — URL : <https://tverigrad.ru/publication/tri-vojny-takie-raznye/> (дата обращения: 14.12.2022).

24. Музей «Шурави» / МБУК «Муниципальный музей памяти воинов-интернационалистов “Шурави”», г. Екатеринбург. — URL : <https://шурави.екатеринбург.рф> (дата обращения: 15.01.2022).

25. Музей истории ВДВ в Рязани. — URL : <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/ryazan/museum/22122>; Екатеринбург. — URL : <http://museumvdv.ru/> (дата обращения: 15.01.2022).

26. Музейный комплекс локальных войн / Крымская региональная организация Общероссийской общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана», г. Симферополь — URL : <https://rsva-crimea.ru/muzei/12-muzeynyy-kompleks-lokalnyh-voyn-g-simferopol.html> (дата обращения: 15.01.2022).

И. Г. Шевелёв,
науч. сотр. Отдела письменных
источников Государственного
исторического музея

Документальные материалы по истории ВЛКСМ в собрании Отдела письменных источников ГИМ. История комплектования, актуальность и перспективы

Аннотация. В статье даётся обзор поступлений документальных экспонатов, связанных со Всесоюзным ленинским коммунистическим союзом молодёжи (ВЛКСМ), хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ). Рассказывается об истории и особенностях комплектования в советские годы и постсоветский период. Раскрывается современный подход и тенденция комплектования ОПИ ГИМ материалами по истории ВЛКСМ.

Ключевые слова: ВЛКСМ, комсомол, музейное комплектование, новые поступления.

Ivan Shevelyov,
researcher, Written Sources
Department, State Historical
Museum

Historical documents of the Komsomol in the collection of the Written Sources Department of State Historical Museum. Acquisition history, relevance and perspectives

Abstract. The article provides an overview of the receipt of documentary exhibits related to the All-Union Leninist Communist Youth Union (Komsomol), stored in the Department of Written Sources of the State Historical Museum. It tells about the history and features of museum acquisition in the Soviet and post-Soviet periods, on the modern approach and the trend of completing the Department of Written Sources of the State Historical Museum with materials on the history of the Komsomol.

Keywords: Komsomol, museum acquisition, new acquisitions, soviet written sources.

Сохранение памяти о Всесоюзном коммунистическом молодёжном движении необходимо с точки зрения многих аспектов. Во-первых, комсомол — часть советской истории, того времени, когда идеология проникала во все сферы жизни и особенно важным считалось коммунистическое воспитание молодёжи. Во-вторых, ВЛКСМ нужно рассматривать в рамках мировой истории молодёжных организаций, в ряду многих существующих и исчезнувших движений. В-третьих, следует учитывать использование трудовых ресурсов комсомола на всевозможных стройках и сельскохозяйственных работах в виде дополнительной, а иногда и основной рабочей и интеллектуальной силы.

Экспонаты по истории комсомольского и пионерского движений являлись неотъемлемой частью комплектования Исторического музея в советское время. Поступали предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства, фотоматериалы и мемориальные вещи. В данной статье акцентируется внимание на документальном наследии. Стоит отметить, что поступлений в ГИМ по данной теме в чистом виде практически не было, в основном документы были включены во множественные сборы по советской истории.

Что касается личных документальных собраний и коллекций, то, хотя многие советские граждане состояли в комсомоле, здесь мы рассмотрим комплексы персоналий, принимавших участие в становлении РКСМ–РЛКСМ, или активных работников ВЛКСМ на местах и в центральных республиканских или союзных комитетах.

Афиша митинга Интернационального праздника молодёжи. Петроград, 1921 г. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 1. Ед. хр. 258. Л. 13

Документы по первым годам существования РКСМ–РЛКСМ находятся в фонде «Собрание документальных материалов периода Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства». В нём представлены в основном аттрактивные предметы: всевозможные бланки, листовки, плакаты и афиши с 1918 по 1924 г. [1]. В 1968 г. из библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде в данный фонд были переданы

разные документы партийных органов и РКСМ Алтайской, Нижегородской, Орловской и Псковской губерний за период 1922–1924 гг. [2].

В период с 1930-х по начало 2000-х гг. большой массив экспонатов поступал в собрание музея по результатам научных историко-бытовых экспедиций.

Комсомольский талон на автомашину для перевозки зерна. Акмолинск, 1950-е гг. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 99443. Арх. 5005/20

материалы Целиноградской области) [3]; строительный студенческий отряд МГУ в 1980-е гг. [4]; ударные стройки пятилеток, представленные документами агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Молодогвардеец», работавшего в Сибири в 1970-х гг. [5].

В этом же фонде содержатся несколько личных комплексов комсомольцев 1920-х и 1930-х гг.: А. С. Черкасского, работника первой кинофабрики «Межрабпомфильм» [6]; Александра

Самый крупный фонд в Отделе письменных источников (ОПИ) ГИМ среди материалов научных историко-бытовых экспедиций — «Экспедиции по Москве». Они осуществлялись с 1950-х по 2000-е гг. Комсомол как организация в данном фонде представлен рядом поступлений по темам: комсомол на фронте; документы и фотографии пионервожатых периода Великой Отечественной войны; участие комсомола и молодёжи столицы в строительстве коммунизма (в основном — ма-

Сергеевича Фуникова, ответственного секретаря коллектива ВЛКСМ Московской военно-инженерной школы с июня 1926 г. по июль 1932 г. [7]; Петра Владимировича Тетерина, комсомольского и партийного работника северных областей [8].

По республикам СССР и регионам РСФСР также проводились экспедиции и сборы экспонатов. ВЛКСМ в дан-

ных фондах отражён через участие в ударных всесоюзных стройках. В 1964–1965 гг. в рамках Восточно-Сибирской экспедиции были собраны документы, показывающие работу комсомольцев на строительстве железной дороги Абакан — Тайшет [9], Красноярского алюминиевого завода [10], Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС [11], такие как: комсомольские путёвки, дипломы, письма, периодика, фотографии, ответственные телеграммы, протоколы общих собраний бригад строительства.

Брошюра «Специальная одежда, обувь и меховые изделия для ударных комсомольских строительных отрядов Байкало-Амурской магистрали». Москва, 1976. ОПИ ГИМ. Ф. 502. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16

В 1965 г. историко-бытовая экспедиция ГИМ в Башкирскую АССР пополнила фонды документальным комплексом Уфимского химического завода, в том числе материалами по общественной работе комсомольцев и молодёжи завода и их участия в 1963 г. в слёте молодых нефтяников Башкирии [12].

Ключевым событием в данном контексте считается строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

В фонде «Коллекция документов к истории социалистической промышленности» находятся документы по истории организации строительства БАМа за период 1960–1970-х гг. В 1976 г. спецлаборатория ВИА Лёгкой промышленности передала в музей экспонаты об обеспечении строителей БАМа специальной одеждой, в том числе эскизы эмблем-нашивок для строителей БАМа и малотиражные брошюры с фотографиями образцов спецодежды [13]. В этом же году поступили материалы, связанные с проведением на строительстве БАМа фестиваля «Огни магистрали» и организацией агитпоезда «Комсомольская правда» [14].

Также сотрудники музея старались показать разные стороны участия комсомола в научной, общественной и политической жизни страны. В 1964 г. Западно-Сибирская экспедиция ГИМ пополнила фонды музея документами о работе комитета

Дневник оперативного комсомольского отряда при Ташкентском обкоме ЛКСМ Узбекистана. Ташкент, 1964. ОПИ ГИМ. Ф. 432. Оп. 2. Ед. хр. 72. Л. 54 об, 55

ВЛКСМ Сибирского отделения Академии наук СССР [15]. А в 1979 г. экспедиция «Тбилиси — Баку — Ростов» собрала документы Клуба молодых учёных при ЛКСМ Грузинской ССР [16].

В 1965 г. экспедиция по Узбекской ССР осуществила комплектование документами ЛКСМ Узбекистана начала 1960-х гг., в состав которых вошёл комплекс оперативного комсомольского отряда при Ташкентском обкоме ЛКСМ Узбекистана [17]. Особо стоит выделить дневник за 1964 г. этого комсомольского отряда с записями об участии в контроле общественного порядка со множеством фотографий [18].

Важно отметить историческую преемственность ГИМ в работе по комплектованию материалами по истории комсомола. С 1942 по 1953 г. в Историческом музее проходила выставка «Комсомол в Отечественной войне», в дальнейшем менявшая предметный ряд и переименованная в «Ленинско-сталинский комсомол». Как известно, после её закрытия

Комсомольский билет № 14534359 Федулкина Григория Тимофеевича. Прострелен пулей. Действующая армия, 1942. ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 2. Ед. хр. 312. Л. 15–16

все документы-экспонаты и документы делопроизводства выставки были переданы Архиву ЦК ВЛКСМ. Но за указанный период имеются поступления печатных материалов из ЦК ВЛКСМ (листочки, фронтовая периодика, простреленный пулей комсомольский билет) в фонд ОПИ ГИМ «Документы Великой Отечественной войны Советского Союза» [19], так что можно предположить, что малая часть экспонатов выставки всё-таки сохранилась в Отделе письменных источников.

Позже, в 1957 г., данный фонд пополнился большим комплексом по истории комсомольской организации 53-й гвардейской стрелковой дивизии в период Великой Отечественной войны [20]. В нём содержатся документы, которые информативно повествуют о положении комсомольских ячеек на фронте, о том, какое внимание уделялось комсомольской работе: анкета о составе комсомольской организации в декабре 1942 г.; запрос о количестве неграмотных комсомольцев; политдонесения и рапорты начальнику политотдела 130-й стрелковой дивизии Бирюкову и заместителю начальника Силохину о количестве комсомольцев и комсомольской работе, а также о числе выбывших комсомольцев в дивизии с июля 1942 по январь 1943 г.; отчёты о работе комсомольской организации подразделений 130-й стрелковой дивизии; протокол закрытого комсомольского собрания заградотряда 130-й стрелковой дивизии; рукопись об опыте работы батареинной комсомольской организации в 363-й батарее.

В 1978 г. к 60-летию образования ВЛКСМ в стенах музея открылась выставка «Славный путь Ленинского комсомола». Со сменяемой экспозицией она простояла до 1983 г. Как и в случае с выставкой 1942–1953 гг., почти все экспонаты были предоставлены и возвращены ЦК ВЛКСМ, а Исторический музей служил только выставочной площадкой.

После 1991 г. материалы по истории комсомола поступали в составах личных фондов и коллекций и в основном

продолжили комплектование фонда «Коллекция документов периода строительства социализма 1918–1987 гг.». В 1993 г. поступила часть личного архива Нины Владимировны Алексеевой — одной из первых пионервожатых и организаторов пионерского движения в СССР [21].

За последние годы фонд пополнился небольшим личным комплексом секретаря ЦК ВЛКСМ, председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина в 1960–1964 гг. Любови Кузьминичны Балясной, переданным в музей ею лично [22].

Продолжая традицию ГИМ по сохранению памяти и наследия работников музея, в 2008 г. были приняты неизданные статьи сотрудников ГИМ, написанные в 1958 г. к 40-летию ВЛКСМ: о Союзе молодёжи «III Интернационал» в Замоскворечье в 1917 г. и о комсомольской организации Замоскворечья в 1918–1923 гг. [23].

В 2010 г. из семейного архива И. М. Саликовой были переданы два наградных документа периода активного освоения целинных земель, выданных участникам студенческого отряда МАИ им. Серго Орджоникидзе, — почётная грамота и похвальный лист Акмолинского обкома комсомола [24]. Осенью 2020 г. поступил архив Ивана Станиславовича Боровского, участника Гражданской войны, члена Мелитопольского уездного революционного комитета — красного партизана и организатора комсомола в 1917–1919 гг. [25].

В конце 2020 г. с предложением о сотрудничестве и помощи в пополнении фондов Исторического музея выступил бывший заведующий информационно-аналитическим сектором ЦК ВЛКСМ Виктор Алексеевич Зимин. Проект получил название «Наследие комсомола — в дар Государственному историческому музею». Имея разветвлённую сеть деловых и личных контактов, Виктор Алексеевич способствует поиску и выявлению персоналий, работавших в системе ВЛКСМ

Коллектив редакции газеты «Молодой целинник» [на книжной ярмарке]. Казахская ССР, 1961. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116117/111

в последние двадцать лет существования организации. За первый год сотрудничества удалось получить контакты комсомольских работников или их потомков, начать первичный отбор и приём будущих экспонатов. В этом же году под данный проект в ОПИ ГИМ сформирован отдельный фонд под названием «Материалы по истории ВЛКСМ» (Ф. 613).

Концепция комплектования фонда в целом находится в рамках общемузейной концепции комплектования ГИМ, но есть и определённые

особенности. В процессе сбора материалов мы отталкиваемся от исторической роли комсомола. Необходимо как показать работу системы в целом, так и раскрыть персональный вклад членов организации, начиная с рядовых комсомольцев и заканчивая первыми секретарями ЦК ВЛКСМ. Говоря о материальном наследии комсомола, акцентируем внимание на ударных всесоюзных комсомольских стройках, студенческих строительных отрядах, а также на роли комсомола в освоении целины. Нижняя хронологическая рамка большей части поступлений — середина 1950-х гг., что обусловлено возрастом дарителей. Также через данные документальные коллекции прослеживается роль работы в системе комсомола

как стартовой площадки для дальнейшей политической, общественной или научной карьеры, в особенности в перестроечный и постперестроечный периоды.

На данный момент в рамках проекта в музей уже поступил ряд документальных собраний как из личных фондов, так и из частных коллекций.

Первое поступление — это собрание Виктора Петровича Мяукина [26], почётного председателя Карельского землячества в Москве, почётного гражданина Республики Карелия, генерал-майора милиции, заслуженного работника МВД СССР, заслуженного юриста Карелии. В 1958–1963 гг. он занимал должность первого секретаря Карельского обкома ВЛКСМ, в 1972–1986 гг. — министра внутренних дел Карельской АССР, в 1986–1995 гг. — начальника Управления внутренних дел в ракетных и космических войсках Министерства обороны. Документальный комплекс представляет собой часть его личного архива, в который входят документы, связанные с работой в ВЛКСМ, на Всемирном форуме молодёжи в Москве в 1961 г., на XIV, XV и XIX съездах ВЛКСМ, Фестивале молодёжи и студентов в Хельсинки, а также с его работой в поздние годы жизни в качестве советника руководителя аппарата Государственной Думы и в Ассоциации ветеранов подразделений специального назначения и спецслужб «Вымпел–Союз».

Краснодарский коллекционер-фалерист Дмитрий Александрович Решмет передал в фонд из личной коллекции разноплановые документы по истории ВЛКСМ: комсомольские билеты, пригласительные билеты, бланки удостоверений к знакам добровольных народных дружин и комсомольских ударных дружинных отрядов (удостоверения). Также присутствуют материалы, касающиеся XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1985 г. в Москве (карточки радиообмена) [27].

В сентябре 2021 г. бывший секретарь Жуковского горкома ВЛКСМ, научный сотрудник Центрального архива ВЛКСМ Мария Фёдоровна Леонова передала документы из своего личного архива [28]. Мария Фёдоровна родилась 5 ноября 1938 г. Окончила Московский техникум железнодорожного транспорта (1958) и Московский государственный историко-архивный институт (1976). В 1965–1969 гг. — секретарь комитета ВЛКСМ предприятия п/я 747 в городе Жуковском; в 1969–1975 гг. — научный сотрудник Центрального архива ЦК ВЛКСМ; в 1976–1987 гг. — ответственный секретарь Жуковской городской организации общества «Знание». Далее она работала на технических и инженерных должностях в Центральном аэрогидродинамическом институте им. профессора Н. Е. Жуковского. Активный участник XVI и XVII съездов ВЛКСМ. Документальный комплекс представляет собой подборку документов комсомольского и общественного активиста: комсомольский, партийный и членские билеты, служебные удостоверения и пропуска. Имеется ряд фотографий, в том числе посещений в 1970-х гг. воинской части подводников в Североморске, которую курировали комсомольцы города Жуковского. Ряд документов имеет памятные автографы известных личностей. Особо стоит отметить автограф Ю. А. Гагарина на мандате делегата Московской XVIII областной конференции ВЛКСМ, которую он лично посещал в качестве гостя. Также в комплекс вошли материалы о проведении мероприятий, посвящённых юбилеям ВЛКСМ уже в постсоветское время.

В начале 2022 г. были приняты материалы Виктора Владимировича Стручкова [29], который в 1983–1985 гг. являлся руководителем группы советников ЦК ВЛКСМ при Демократической организации молодёжи Афганистана (ДОМА), дважды был в командировках в Кабуле. Виктор Владимирович родился в городе Ряжске 4 апреля 1945 г. С 1969 г. работал

Советники и руководство ЦК НДПА, ЦК ДОМА. Сидят: пятый слева — Генеральный секретарь ЦК НДПА, глава Демократической Республики Афганистан Б. Кармаль, четвёртый слева — посол СССР в ДРА Ф. А. Табеев, второй слева — руководитель группы советников ЦК КПСС при НДПА В. Г. Ломоносов, второй справа — секретарь ЦК НДПА М. Наджибулла, третий справа — руководитель группы комсомольских советников В. В. Стручков, четвёртый справа — первый секретарь ЦК ДОМА Ф. Маздак. Кабул, 1984. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116026. Арх. 7113/29

на Рязанском станкостроительном заводе мастером и начальником участка сборки станков с программным управлением. Избирался членом комитета комсомола завода и начальником штаба «Комсомольского прожектора». В 1971 г. он начал работать в Рязанском обкоме ВЛКСМ, через год был избран первым секретарём Рязанского горкома ВЛКСМ. В 1975 г. назначен ответственным организатором ЦК ВЛКСМ, затем заведующим сектором отдела комсомольских органов, заместителем заведующего и заведующим отделом научной молодёжи Центрального комитета комсомола. Был делегатом нескольких съездов ВЛКСМ, X Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Берлине, XII Всемирного фестиваля в Москве, организовывал работу молодёжного лагеря на Олимпиаде-80 в Москве. В 1983 г. направлен как руководитель группы советников и переводчиков в Афганистан. В октябре 1985 г. избран

секретарём парткома аппарата ЦК ВЛКСМ. С 1987 по 1991 г. работал инструктором и заведующим сектором отдела партстроительства и кадровой работы ЦК КПСС. В 1989 г. окончил Академию общественных наук по специальности «политолог».

В состав комплекса включены его личные документы периода работы в Рязани и далее в системе ЦК ВЛКСМ — удостоверения, пропуска, членские билеты. Особый интерес представляет подборка фотографий Виктора Владимировича во время его работы руководителем группы советников и переводчиков в Афганистане, на которых запечатлены мероприятия, проведённые организацией ДОМА, руководители ДОМА и Демократической Республики Афганистан (ДРА). Имеются также документы на награды ДРА.

Печатный орган ЦК ВЛКСМ — издательство «Молодая гвардия» — представлен небольшим личным архивом его главного редактора Валентина Осиповича Осипова [30]. Большую часть своей жизни Валентин Осипович посвятил комсомолу. Начал трудовой путь в 1955 г. преподавателем истории в Лениногорском лесном техникуме в Восточном Казахстане. В 1957–1958 гг. работал в печатном органе ЦК ЛКСМ Казахстана — газете «Ленинская смена». Затем был переведён на работу в Москву инструктором сектора печати ЦК ВЛКСМ. В 1961 г. Валентин Осипович вернулся в Казахстан, где в Целинограде создал редакцию и организовал выпуск краевой газеты «Молодой целинник», которая за короткое время стала одним из самых известных комсомольско-молодёжных изданий в СССР. Заметив большие успехи в издательском деле, ЦК ВЛКСМ назначил его в 1962 г. главным редактором издательства «Молодая гвардия», в котором Валентин Осипович проработал 12 лет.

Поступивший комплекс Осипова состоит из нескольких блоков. Это личные документы, относящиеся к работе в системе ВЛКСМ: комсомольские билеты и удостоверения, мандаты,

пригласительные билеты и пропуска на различные мероприятия. Фотографии, запечатлевшие рабочие и общественные эпизоды его биографии, в том числе посещение Валентином Осиповичем Михаила Александровича Шолохова в станице Вёшенской в 1962 г. Материалы, относящиеся к работе в Целинном крае и редакции газеты «Молодой целинник». А также тиражные печатные брошюры компартии Казахстана, комсомола Целинного края, ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ.

Тема музеев комсомольской славы представлена Тверским музеем им. Героя Советского Союза Лизы Чайкиной [31]. Комплекс был передан Антониной Ивановной Сидоровой, заведующей сектором историко-патриотической работы Музейно-выставочного центра им. Лизы Чайкиной Тверского областного дома народного творчества. Состоит из коллекции печатных материалов музея 1975–1991 гг. (буклеты, сувенирные открытки и стенгазеты), ряда фотографий по истории комсомола Тверского региона 1920-х гг. и фотографий слётов и встреч бывших комсомольцев-партизан.

На данный момент ключевым поступлением в фонд является архив первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1982–1986) Виктора Максимовича Мишина [32]. Более 1,5 тыс. документов и фотографий крупного политического и общественного деятеля положили начало проработке плана комплектования фонда по линии первых секретарей ЦК комсомола.

Архив можно разбить на несколько тематических групп. Личные и биографические документы Виктора Максимовича: характеристики, автобиографии, дипломы, удостоверения, пропуска, пригласительные билеты. Кроме того, рукописи выступлений, речей и публикаций в журналах и газетах. Важными письменными источниками по истории СССР 1980-х гг. в составе данного поступления являются конспекты участника съездов и пленумов ЦК КПСС, ВЛКСМ и ВЦСПС, собраний и лекций, в том числе во время его командировок

Удостоверение кандидата в народные депутаты СССР № 2530 по Степанакертскому национально-территориальному избирательному округу № 218 В. М. Мишина. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116073. Арх. 7123/3

по Советскому Союзу и за рубеж. В фонде В. М. Мишина имеются отдельные документы по истории подготовки и проведения XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, так как он был председателем Советского подготовительного комитета. Более поздний период его работы отражён в документах по коммерческой деятельности объектов ЦК ВЦСПС и ЦК КПСС (1989–1991). Постсоветский этап трудовой биографии показан через документы, связанные с общественным объединением «Моё Отечество» — движением «Отечество». Переписка представлена в основном поздравительными открытками, содержащими автографы известных персоналий и руководителей государства. Также имеются рукописи воспоминаний Виктора Максимовича, опубликованных в 2013 г. [33].

В процессе подготовки к передаче в данный фонд находятся материалы Евгения Михайловича Тяжельникова — члена ЦК КПСС (1971–1990), первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1968–1977), заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (1977–1982) и посла СССР в Румынии (1982–1990). После оформления архив Тяжельникова станет беспрецедентно

самой крупной документальной коллекцией высокопоставленного советского чиновника в собрании ОПИ ГИМ. Помимо личных, наградных, рабочих и служебных документов и переписки, комплекс содержит несколько сотен официальных фотографий, связанных с его государственной и общественной деятельностью.

На очереди к передаче в ОПИ ГИМ находятся небольшие личные комплексы, в том числе архив Бориса Фатыховича Усманова (род. 1939), первого секретаря Балашихинского городского комитета ВЛКСМ (1968–1971), доктора социологических наук, профессора Московского гуманитарного университета. Долгие годы он занимался вопросом научной организации труда в комитетах комсомола. Документы Бориса Фатыховича должны будут представлять в фонде Высшую комсомольскую школу (ВКШ) при ЦК ВЛКСМ. Материалы Александра Егоровича Жерихова (род. 1950) — организатора Сектора Закавказских республик (1981–1984), заведующего Сектором областей Уральского района отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ (1984–1987), руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации (2004–2006), отражают деятельность территориальных секторов отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ.

Таким образом, имеется долгосрочная перспектива комплектования фонда. Идёт проработка по линиям отделов и секторов ЦК ВЛКСМ, бывших Московского и Московского городского комитетов, по бывшим региональным комитетам. Как уже сказано выше, в числе приоритетных задач — пополнение фонда документами первых секретарей комсомола: Александра Николаевича Шелепина, Владимира Ефимовича Семичастного, Сергея Павловича Павлова и Бориса Николаевича Пастухова. Есть теоретическая возможность выхода на печатные органы ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина, в том числе журналы «Смена»,

«Молодой коммунист» и «Мурзилка», газету «Пионерская правда». Возможно сотрудничество с комсомольскими работниками бывших союзных республик. В идеале — налаживание связей с представителями прекративших существование молодёжных организаций стран бывшего социалистического лагеря.

Описанное выше является лишь частью документального массива по истории комсомола и требует более комплексного подхода к изучению с привлечением других музеев и архивов. Однако уже имеющиеся документы являются ценными источниками для исследований по молодёжному движению и отечественной истории XX в. Вкупе с прикладными, вещественными и мемориальными экспонатами комсомольские документы расширяют возможности для реализации будущих выставочных проектов.

Список источников и литературы

1. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 1. Ед. хр. 150, 258.
2. ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 2. Ед. хр. 433.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 99443. Арх. 5005.
4. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 106873. Арх. 5681.
5. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 108345. Арх. 5875.
6. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 104360. Арх. 5267.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 108797. Арх. 5909 / 321–331.
8. ОПИ ГИМ. Ф. 426. ГИМ 108797. Арх. 5909 / 579–678.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 476. Оп. 2. Ед. хр. 1–3.
10. ОПИ ГИМ. Ф. 476. Оп. 2. Ед. хр. 4.
11. ОПИ ГИМ. Ф. 476. Оп. 2. Ед. хр. 5.
12. ОПИ ГИМ. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 8, 10.
13. ОПИ ГИМ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 2.
14. ОПИ ГИМ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 3.
15. ОПИ ГИМ. Ф. 475. Оп. 2. Ед. хр. 17.

16. ОПИ ГИМ. Ф. 522. ГИМ 104908. Арх. 5400.
17. ОПИ ГИМ. Ф. 432. Оп. 2. Ед. хр. 71–73.
18. ОПИ ГИМ. Ф. 432. Оп. 2. Ед. хр. 72. Л. 1–88.
19. ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 312.
20. ОПИ ГИМ. Ф. 452. Оп. 2. Ед. хр. 19.
21. ОПИ ГИМ. Ф. 459. ГИМ 108438. Арх. 5844.
22. ОПИ ГИМ. Ф. 459. ГИМ 111293. Арх. 6302; ГИМ 114380.
Арх. 6932; ГИМ 115721. Арх. 7082.
23. ОПИ ГИМ. Ф. 459. ГИМ 112401. Арх. 6458.
24. ОПИ ГИМ. Ф. 459. ГИМ 113295. Арх. 6772.
25. ОПИ ГИМ. Ф. 454. ГИМ 115828. Арх. 7093.
26. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 115846. Арх. 7094.
27. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 115883. Арх. 7098.
28. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 115967. Арх. 7108.
29. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116026. Арх. 7113.
30. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116117.
31. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116118.
32. ОПИ ГИМ. Ф. 613. ГИМ 116073. Арх. 7123.
33. Мишин В. М. С чего начинается Родина. — Москва : Молодая гвардия, 2013.

О. В. Кириченко,
д-р ист. наук, гл. науч. сотр.
Института этнологии
и антропологии РАН

Несоветская идейность в советской общественной и научной среде: постановка вопроса⁴

***Аннотация.** Статья посвящена путям формирования несветской идейности внутри советского общества. Речь идёт о взглядах неопозиционных советской точке зрения и при этом отличных от неё. Они существовали как в научной, так и в общественной среде. Первую следует соотносить со славянофильством, вторую — с софьянским мировоззрением или же светской формой идеализма. Зная о существовании таких оппозиционных групп, власть не стремилась к их «классовому уничтожению», но не раз использовала этот ресурс для своих целей. Наличие несветской идейности в советское время указывает на традиционалистский ресурс, благодаря которому и существовали указанные феномены.*

***Ключевые слова:** несветская идейность, советские славянофилы, софьянское мировоззрение, научная и общественная среда.*

---

⁴ Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИЭА РАН по теме «Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования».

Oleg Kirichenko,
Doctor of Historical Sciences,
Chief Researcher Institute
of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences

Non-soviet ideology in the soviet social and scientific environment: statement of the question

Abstract. *The article is devoted to the ways of formation of non-Soviet ideology within the Soviet society. We are talking about views that are not in opposition to the Soviet point of view and, at the same time, are different from it. They existed both in the scientific and in the public environment. The first should be correlated with Slavophilism, the second with the Sophinian worldview, or a secular form of idealism. Knowing about the existence of such opposition groups, the authorities did not seek their “class destruction”, but more than once used this resource for their own purposes. The presence of non-Soviet ideology in Soviet times indicates a traditionalist resource, thanks to which these phenomena existed.*

Keywords: *non-Soviet ideology, Soviet Slavophiles, Sophinian worldview, scientific and social environment.*

Идейность как возможность и способность человека (члена общества, а не власти) претендовать на идеологический дискурс, стала возможной только с эпохи Возрождения: в Европе с XIV–XV вв., в России с конца XVII в. В это время устанавливается новый порядок взаимоотношений власти и общества, которое добивается права на автономное существование идейности. Идейность перестаёт быть монополией государственных идеологов; каждый человек, каждая личность получает право на идейность самого разного толка — политическую,

художественную и даже религиозную (чего добились протестанты). Таким образом, идейность можно считать неотъемлемым признаком личности, свободной от авторитетов государства, церкви и даже самого общества, — светского человека.

Проблема идейности была поднята впервые в пореформенной России в художественной сфере в произведениях Ф. М. Достоевского. Как показал М. М. Бахтин в своих работах о художественном творчестве Ф. М. Достоевского, понимание идеи писатель впервые связывает с её творцом — *человеком-идеологом*. Идеологичность человека (конечно же, человека модерна, а не вообще человека) порождается способностью его сказать «слово о себе самом, своём ближайшем окружении и слово о мире» [1, с. 68]. Иными словами, идея для Достоевского — это не просто какая-то важная мысль, она несёт в себе зерно идеологии, потому что каждый человек в определённой обстановке (господстве модерна) способен нести эту функцию — быть идеологом. Писатель увидел в человеке такую же силу, на которую прежде было способно только государство.

Со своей стороны, философ В. С. Соловьёв в 1880–1890-е выделил идейность как важнейшую характеристику личности [2, с. 326]. По мысли Соловьёва, идейность является одной из трёх сил, с помощью которой Бог противостоит хаосу. Синонимами идейности выступают истина и справедливость.

Для о. Павла Флоренского идеологизм был связан с господством просвещения в XVIII в. На практике это «схематизм», «теоретизм» реформаторов, которые сначала выдумывают идеи, а потом воплощают их в жизнь [3, с. 63]. Он считал, что вместе с Великой французской революцией закончилось господство идеологизма и пришла другая реальность — «экономического материализма». Возможно, для Европы это и было так, но вот Россия к началу XIX в. только начала свой путь

к революции, и в ней идеологизм был не просто не изжит, а только начинал приобретать силу.

Почему произошла катастрофа Февраля, а русская буржуазия не удержалась у власти? Именно по той причине, что вслед за приходом к власти русской буржуазии не произошло обычного в таких случаях установления консенсуса между обществом и новой властью, поскольку итоги революции не привели к торжеству «экономического материализма». Общество хотя и с восторгом встретило революцию, но не отдало своих идейных полномочий новой власти. В результате не наступила «эпоха благоденствия», не произошло чаемого улучшения хозяйственной жизни («экономический материализм»). Пауза затянулась, и буржуазия испугалась, что так и не будет достигнут консенсус. Началась паника и, как результат, — паралич власти, которым воспользовались большевики. Много уже было сказано о том, что власть к последним пришла почти случайно, в результате ряда благоприятных обстоятельств. Это видели прежде всего современники. На это указывает и другой важный факт, о нём мы и поговорим подробнее.

Вторая революция — Октябрьская — вообще сняла с повестки дня вопрос о переходе к новой стадии так называемого экономического материализма, потому что большевики сразу же после прихода к власти оказали полное недоверие народу. Они не стали ждать того же, чего ожидало Временное правительство, — консенсуса с обществом, но поставили вопрос ребром — о классовом, сегрегационном подходе к обществу и народу в целом. Фактически с самого начала они заявили, что консенсус в классовом обществе невозможен, а экономический материализм (хозяйственная жизнь общества, народа для себя самого) их вообще не интересует, а интересует лишь созданное ими государство в его управленческой части.

А дальше начинается (если исключить насильственные действия новой власти: Гражданскую войну, развязанную

большевиками, красный террор, антицерковную и антибуржуазную политику только на первом этапе революции, ещё при Ленине) весьма специфическая деятельность по слиянию единичной, личностной идейности в некую коллективную идейность. А ведь личностная идейность была главным достоянием Российской империи, как бы историки ни относились к уровню развития гражданского общества в ту эпоху. Ради личностной идейности и была затеяна революция, благодаря ей она и победила. Однако большевики сразу же стали делать всё, чтобы уничтожить её, точнее превратить в коллективную идейность.

Главное достижение европейского (в том числе русского, послепетровского) модерна дезавуировалось, а народу вместо экономического материализма навязывалась *политическая* деятельность как приоритет государственного развития. Страна словно возвращалась в одночасье в допетровское время, в средневековую Русь, поскольку там существовало коллективистское сознание, хотя и с одним принципиальным отличием: оно имело религиозный положительный характер, здесь же — атеистический. Поэтому похожесть имела лишь внешний характер; большевики формировали такую коллективистскую идейность, какой ещё не существовало в нашей истории. Это была военно-мобилизационная идейность, поскольку её политический характер определялся задачей защиты государства независимо от международной и внутренней обстановки. Только этим и можно объяснить высокие темпы экономического развития в 1930–1940-е гг.; вся экономика работала на утверждение власти государства. И даже не самого государства, а лишь его управляющей части. Нечто похожее в истории существовало в ветхозаветном обществе, где действовал аналогичный военно-мобилизационный механизм коллективистской идейности. Сравнение это помогает понять общие характеристики подобной идейности, хотя разница, безусловно,

налицо, поскольку ветхозаветным обществом двигала религиозная идея выживания в мире тотального язычества и имела высокая духовная миссия, важная для всего дохристианского человечества. У советского же общества-государства была иная цель выживания, а также утопическая антихристианская и антирелигиозная — коммунистическая миссия.

И всё же созданием коллективистской идейности жизнь Советского государства не исчерпывалась. Поскольку эта власть сама с самого начала поставила себя в состояние жёсткой оппозиции к обществу, объявив о классовом, сегрегационном отношении к тем, кто не захочет ей подчиниться, общество неминуемо разделилось. Часть его приняла участие в эксперименте, другая воспротивилась. Это сопротивление осуществлялось в самых разных формах, кратко обозначим их.

Часть несогласных выступила на платформе так называемой личностной идейности. И вот здесь-то наблюдалась наибольшая пестрота форм. В советском обществе личностная идейность не могла уже опираться (как в дореволюционном, имперском государстве) на единое интеллигентское сознание, поскольку новая власть быстро и успешно создала собственную, советскую интеллигенцию с коллективистским атеистическим сознанием. Поэтому интеллигенция с дореволюционным личностным сознанием — несоветским (но не антисоветским!) не представляла собой единой силы, ей пришлось действовать по-отдельности, в рамках своей профессиональной группы. Соответственно, в СССР появились такие категории, как научная, творческая, педагогическая, военная, медицинская и прочая интеллигенция. Наверное, нельзя говорить, что эта интеллигенция целиком была воспитана в православной вере, среда эта была неоднородной, но однозначно можно утверждать, что религиозная вера (в разной степени церковности) имела в её сознании большое значение. Однако мы считаем, что не вера и церковность определяли

идентичность несоветской интеллигенции, а личностное сознание. Оно было главной ценностью, маркером, своего рода совестью, потерять которую можно было только вместе с жизнью. Впрочем, само по себе личностное сознание сформировано христианством, поэтому дореволюционный интеллигент-атеист, по сути, отказывался от той духовности, которая его породила как личность.

Теперь ещё об одной оппозиционной группе. Эта группа по имени «народ», в традиционном этнорелигиозном его понимании, опиралась на коллективистское, религиозное сознание. Казалось бы, что ещё советской власти нужно: огромная масса простого народа, большей частью из крестьянства, уже имеет коллективистское сознание; многие из них поверили в большевиков и позволили тем прийти к власти. Однако вождь революции Ленин с самого начала назвал крестьянство мелкобуржуазной стихией, то есть потенциальным врагом советской власти, а значит, не признал его коллективистскую идейность полезной для Советов.

И действительно, с крестьянством большевики начали борьбу гораздо более длительную и масштабную, чем с несоветской интеллигенцией. Крестьянство нельзя было перевоспитать, уничтожить, выслать или одновременно переделать под советский стандарт. Его можно было лишь раздробить на отдельные части, уничтожить самых умных, талантливых и духовных, привлечь обольщённых революцией на руководящие посты, пользуясь их слабостями; одних переманить на «коммунистические стройки», других запереть в деревне — оставить без паспортов и лишить твёрдой денежной оплаты. Крестьяне — самая многочисленная группа среди погибших на фронтах Великой Отечественной войны, как наиболее многочисленная категория населения. А массовость была на мировой войне важнейшим горючим материалом. Многие современники признают этот факт: власть свободно

распоряжалась человеческим ресурсом на войне. Солдат меряли не единицами, а тысячами, десятками тысяч и миллионами. Это не исключало, конечно, ни подвигов, ни сознательного характера войны с нашей стороны, ни патриотизма, то есть всего положительного, что нормальный человек не может не признавать.

Народная коллективистская идейность (мы — русские, православные) и являлась, на наш взгляд, важнейшим фактором, который соединял в эту эпоху несоединимое: массовость и героизм, массовость и подвиги, массовость и патриотизм. Это на войне. А в мирное время — коллективизации, индустриализации и прочего — народная коллективистская идейность соединяла советские формы штурмовщины с трудовой доблестью, с честностью и самоотверженностью в труде. Ничем иным, никакими анатолиями стахановыми и пашами ангелиными (тем более что их была капля в море!), нельзя объяснить, откуда у бесчеловечного, лишённого смысла труда появлялись радость, оптимизм и смысл. И это в то время, когда крестьянство буквально уничтожалось как сословие, когда искоренялась его вера, растаптывались его святыни, когда оно было заперто, как в гетто, в колхозы!

Итак, в статье речь пойдёт о *несоветской* идейности в советское время, которая, благодаря своей мягкой оппозиционности по отношению к советской власти, не просто работала на государство, но работала не за страх, а за совесть, видя за фасадом СССР «великую Россию». Нам представляется, что эта группа до сих пор не получила достойного внимания исследователей, не выделялась как нечто целое, не рассматривалась в научных трудах как особая сила, целенаправленно действовавшая внутри советского общества и оказавшая на все процессы в СССР (экономические, политические, культурные) значительное влияние. И если взять для сравнения все мягкие оппозиционные силы (речь о русском народе), к которым

мы отнесём: диссидентов-антисоветчиков, живущих внутри страны, православно-церковные силы, поставленные самой властью в положение изгоев, и упомянутую уже нами несоветскую идейную силу, то именно последняя может рассматриваться как наиболее конструктивная для решения всех сложнейших задач советской эпохи. Без этой силы, опираясь исключительно на «советских людей», выхолощенных в своей духовной сути (идеологов, парторганизаторов, обработанную идеологией часть простого народа), нельзя было эффективно решать задачи коллективизации и индустриализации, развивать культуру, науку и образование, создавать боеспособную армию. Везде, кроме советского безыдейного — «коллективного атеистического ума», — строго подчинённого идеологии, а не конкретной высокопрофессиональной задаче, необходим был человек с гибким и глубоким умом, личностным самосознанием, свободным от идеологических шор, хотя и не без условной маски «советского человека». И только в такой связке коллективного и личного можно было решать большие задачи. Там, где «идейных людей» не доставало, происходило обычное для советской действительности, но страшное явление: цели достигались любой ценой («мы за ценой не постоим»), не считаясь с жертвами, в то время как их вполне можно было бы избежать.

Факты говорят о том, что не всегда, а лишь в определённые периоды «идейных людей» начинали ценить. И тогда их разыскивали: по лагерям, местам, где они трудились часто не по специальности, — быстро встраивали в «большую программу» и дело начинало двигаться. И эти, любящие свою страну, люди словно забывали о перенесённых страданиях и унижениях, включаясь в работу со всей ответственностью и самоотверженностью.

Попытаемся обозначить границы группы таких идейных людей, исповедовавших несоветскость как нежелание

сливаться с коллективной советской идентичностью и лишиться личностной идентичности, но при этом честно трудившихся на благо своей Родины. Заметим, что бóльшая часть русской интеллигенции, по словам современников, после Гражданской войны была лояльна к новой власти, но та хотела получить гарантии не только внешней, но и внутренней покорности себе [4, с. 14].

Группу мыслителей с несоветской идейностью можно разделить на две части — славянофильскую и софинианскую. Первая большей частью была представлена в научной среде, вторая — в общественной и культурной. Последние — это наследники светского философского идеализма, корни которого лежали в идеях Ф. М. Достоевского и воззрениях Вл. С. Соловьёва. Советское славянофильство характеризуется несколькими аспектами: любовью к русской культуре, почвенностью (любовью к стране) и народностью (любовь к русскому народу, этносу).

Для классических славянофилов были характерны несколько идейных установок: на «почвенность», «народность», «народную цивилизацию». Почвенность означала страну, территорию, землю, Россию. Народность — конкретный русский народ, корни которого надо искать в славянстве. И почвенность, и народность относятся к этническим характеристикам. Получается, для классических славянофилов главным была защита отдельных этнических характеристик — территориальных и социальных (коллективности этноса). Патриотизм славянофилов имел не гражданский характер, а этнический. Речь у них шла о стране, о типе цивилизации, а не о государстве как политическом организме.

И позже *советские* славянофилы, когда это стало возможным (в соответствии с некоторыми изменениями в идеологических установках со стороны власти), начали писать не только государственную историю, но параллельно и народную. Это

был народный взгляд на государственную историю России, разумеется, с учётом идеологического фактора, роль которого в этой ситуации была скрепляющей, объединяющей несоединимые прежде фактуры. Славянофилы были сосредоточены на этнической идентичности (русской, славянской), не включая в славянофильство религиозную составляющую — православие. Во всяком случае большинство из них не включали эту характеристику в смысловое ядро славянофильства. У классических славянофилов никогда религия не выделялась в качестве отдельного компонента, принципиально важного для них, что не исключало учёта веры (как одного из признаков) при характеристике русской народности. Советские славянофилы, в силу господства атеистической духовности, старались не выделять этот признак в народности.

Славянофилами (без называния себя таковыми) в советское время были большей частью учёные-гуманитарии — историки, этнографы, литературоведы. В отличие от дореволюционного времени, советские славянофилы стали участниками государственного идеологического проекта: «история народов СССР», написанная Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым и многими другими советскими историками, освещала не только политическую историю, но и народную, куда входила аграрная и социальная история.

В отличие от научной среды, общественная среда ориентировалась не на исследовательские цели, а на мировоззренческие задачи. Софиниане стремились выработать несоветское сознание и вернуть русскому человеку подлинное идеалистическое сознание в светском его понимании. Задача, как видим, более масштабная, с конкретикой практических целей. Да и идейная платформа софиниан была куда более широкой, чем у советских славянофилов: во-первых, мировоззренческое поле от традиционности до модерна и несоветского (но не западного) постмодернизма; во-вторых, точкой отсчёта для

софиниан стал Серебряный век русской культуры (расцвет русского философского идеализма); в-третьих, тяготение к практическим формам деятельности. Это была не философия для философии, а философия действия, возвращение Истины в русский мир.

Если сравнивать славянофилов Серебряного века и софиниан того же периода, то можно отметить большую активность последних. Причём не только в литературно-художественной сфере, где они первенствовали, но и в других областях. Безусловное преобладание софинианства не давало возможности славянофильству быть отдельным самостоятельным направлением, оно как бы пряталось за господствующим софинианством, словно дополняя его. Быть последователем философа Вл. Соловьёва — светским идеалистом — помогало наличие почвенности (этнокультурной определённости). Поэтому, конечно же, деление на две группы для этого периода условно. Хотя были и некоторые представители славянофилов, не принадлежавшие софинианству, в том числе среди аристократии, научной интеллигенции и купечества.

Революция 1917 г. привела к трансформации прежде всего софинианской группы: здесь начались процессы сосредоточения на собственно софинианской сущности и довольно вольное обращение со славянофильством. В ряде случаев последнее стало заменяться архаичной дославянской этничностью (литературная группа «Скифы» Иванова-Разумника, куда входили А. А. Блок, С. А. Есенин, Н. А. Клюев и др.), что поменяло и сам портрет софинианства. В других случаях софинианство полностью освобождается от близкого соседства со славянофильством, создаются новые богословские и философские системы — о. Павлом Флоренским, о. Сергием Булгаковым, А. Ф. Лосевым и др. В целом же мы наблюдаем очевидный дрейф в сторону разделения, приведший за десятилетие 1920-х гг. к двум отдельным группам — софинианской и славянофильской.

Советская власть нанесла первый сокрушительный удар, конечно же, по софинианству, потому что оно было более заметным и отличалось творческой активностью. «Скифов» разгромили первыми в 1918 г., поскольку те были связаны с левыми эсерами. За 1922–1923 гг. в Европу было выслано, по одним данным, 272 представителя творческой интеллигенции, по другим — 228 человек [4, с. 802; 16, с. 41]. Кроме того, группа (около 170 человек) технической интеллигенции взамен высылки из страны была отправлена в ссылку в Оренбуржье, Киркрай (Киргизский край. — *Прим. ред.*) и Туркестан [5, с. 41]. Однако число научной интеллигенции в России к 1913 г. составляло около 11,6 тыс. человек, соответственно, бóльшая её часть осталась на Родине [6, с. 107]. Репрессии коснулись в основном софинианской интеллигенции, хотя частично затронули и славянофилов.

Однозначно гуманитарии в этот период находились под особым присмотром. Считается, что 1937 г. был пиком репрессивной деятельности Сталина, однако следует подчеркнуть, что все 1920-е гг., как и в первой половине 1930-х гг. (при Ленине и при Сталине соответственно), шло методичное выдавливание старой интеллигенции за пределы страны либо в лагеря и ссылки. И главным его объектом стала софинианская интеллигенция — люди с идеалистическим мировоззрением и установками на практическую деятельность, то есть конкуренты большевикам и советскому мировоззрению. В довоенный период эта группа была практически рассеяна. Например, писателю М. М. Пришвину пришлось уехать в ближнее Подмосковье, переключиться на природную тематику и вести себя тише воды и ниже травы. Свой идеализм ему оставалось поверять лишь дневнику.

В новых условиях славянофильствующей интеллигенции легче было затеряться в советском обществе, потому что за годы революции она не успела (в отличие от громких

и заметных софраниан) создать свой зримый социальный портрет, скорее ей приходилось скрывать свое лицо, не выпячивать его характерные черты. Но всю эту группу объединяло одно: трогательное и даже умильное отношение к тому прошлому, которое было потеряно. Об этом писал советский славянофил академик Д. С. Лихачёв в воспоминаниях: «Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на “Гороховой, два”, в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и т. д., тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, её победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен,— мы плакали и молились» [7, с. 133].

Религиозность, заметим мы со своей стороны, вернулась в это время к славянофилам как утерянная идентичность, но, подчеркнём,— только в период церковных гонений 1920-х гг. Скоро, судя по всему, она опять перестала быть непременной частью славянофильской идентичности. Тот же академик Лихачёв в начале 1990-х гг., когда начался неудержимый разрыв с советским прошлым, выступил против того, чтобы Русская православная церковь заняла в новой системе своё традиционно господствующее положение. Он расценивал это как наступление клерикализма. Современник тех событий композитор Г. В. Свиридов возмущался этим, что нашло отражение в его дневнике: «Постоянно торчит в TV-ящике академик Лихачёв, выступающий против государства с преобладающим религиозным сознанием» [8, с. 609].

У славянофильствующей идейной группы интеллигенции было ещё одно качество, которое позволяло ей действовать сообща даже при отсутствии видимых знаков славянофильства. Это качество — близость славянофилов к народному мировоззрению, религиозно-коллективистскому по своей

природе. И хотя у них это был лишь отблеск народного религиозного коллективизма, тем не менее его было достаточно, чтобы узнавать собрата в толпе, что подчас было недоступно для советского цепкого идеологического взгляда. Более разобщённые идейно софранианцы не так легко узнавали «своих». И ещё одна важная характеристика советского славянофильства, позволившая именно этой группе несоветской интеллигенции стать носителем и передатчиком в советском мире прошлого российского опыта — имперского и допетровского, это некая связка, совпадение советского коллективизма, атеистического по своей природе и построенного на следовании постулатам партийной идеологии, с условным славянофильским коллективизмом (общинностью).

Великая Отечественная война в определённой мере помогла советским славянофилам утвердиться в стране в качестве востребованной силы. Именно после войны советское славянофильство заняло в гуманитарной области, прежде всего в науке, ведущее положение. Точнее сказать, оно стало делить это положение с партийными идеологами, работавшими в науке, образовании и культуре. В приоритетах славянофильства стал подчёркиваться не только народный (этнический) фактор, но и религиозная (православная) его составляющая. Например, Д. С. Лихачёв после войны идейно движется от хомяковского славянофильства — этнографического в сочетании с ярким богословским, миссионерским подтекстом, полемичного, музейного, архаичного, тёплого, родного, русского, — к славянофильству Достоевского, с его сугубой сосредоточенностью на почвенности как идее (совсем уже край славянофильства!), на «всемирной отзывчивости» русского народа (правда, без упоминания имени этого народа).

Богословия, конечно, в советских условиях вернуть в славянофильство было нельзя, но стал возможен опосредованный — положительный — взгляд на православие. И проводником

этого становится русская классика, в данном случае труды Достоевского и в целом, как писал академик Лихачёв, «тысячелетняя русская литература», насыщенная православной энергетикой. Во многих своих послевоенных трудах академик проводит идею о неразрывной связи общей русской литературной традиции, подталкивая читателя к мысли о живом участии православия во всём тысячелетнем литературном процессе. То же самое происходило и в области исторической науки. Если в середине 1930-х здесь только обозначился приоритет русской классической истории (русская история перестала иметь выхолощенный партийно-идеологический характер, как это было в трудах историка-марксиста М. Н. Покровского), то после войны в эту область науки стало активно проникать русское Средневековье в его неискажённом толковании. Важную роль играл принцип непрерывности истории, опора на её незыблемые константы, такие как государство, церковь, социум, культура. Историки-славянофилы пишут труды с любовью к стране и народу, а не с чувством долга перед партией и партийной идеологией. Этот подход «с любовью» и позволял им, хоть и не прямо, но всё же говорить о церковной духовности, о скрепляющем влиянии православия на все области бытия.

Конечно, историки были в меньшей степени свободны в своих текстах, чем литературоведы. Поэтому в области литературоведения созданы более свободные от идеологии тексты. И труды Д. С. Лихачёва — яркий тому пример. Он долгие годы возглавлял сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме, работая бок о бок с близкими ему по духу людьми, и создал особую научную школу. В ряде очерков, посвящённых выдающимся учёным и тем, с кем Лихачёв долгое время работал вместе, он обращает внимание на духовную красоту этих людей как важный показатель их научной состоятельности. И здесь он следует за Достоевским. «Это был очень красивый

человек, — красивый не только чертами лица, внешним обликом, но и полным соответствием этой прекрасной внешности своему внутреннему душевному содержанию. Он был красив своим отношением к людям, своей манерой поведения, но он был красив и своими научными взглядами, своим научным мировоззрением» [9, с. 431]. Это об академике Н. И. Конраде. Внешнюю и внутреннюю красоту Лихачёв подчёркивает и в академике С. И. Вавилове, президенте АН СССР: «...постоянная внутренняя заинтересованность во всём, что касалось нашей культуры» [10, с. 442]. Отсюда Дмитрий Сергеевич выводит и организаторский талант этого выдающегося человека, и плодотворность его трудов. А вот важный штрих к образу исследовательницы фольклора Русского Севера А. М. Астаховой: «Анна Михайловна всегда представлялась мне статной, красивой и рачительной хозяйкой большой русской северной избы, большого крестьянского хозяйства, на которой всё в доме держится, которая и детей воспитывает, и хозяйство ведёт, выполняет и тяжёлую и лёгкую работу, не считаясь со временем и усталостью, для которой интересы дома полностью слиты со своими собственными, но которая всё же не является главой этого дома — она только помощница хозяина» [11, с. 467–468]. В Пушкинском Доме, и особенно в секторе древнерусской литературы, в целом была благоприятная среда для славянофильской деятельности даже в такой, близкой к религиозной, форме (в рамках мировоззрения Достоевского), которую принял для себя Д. С. Лихачёв.

Академик Лихачёв был глубоким знатоком творчества Ф. М. Достоевского. И он, безусловно, не только опирался на художественные и философские идеи писателя, но сознательно выстраивал свою славянофильскую линию в соответствии с его мировоззрением, конечно, не афишируя этого. Вот, например, как определяет Лихачёв свою позицию по вопросу о национальном идеале и национальной (то есть

русской) деятельности: «Для Достоевского русский человек прежде всего “всеевропеец” — человек, которому близко и родственно всё лучшее, передовое в европейской культуре. Следовательно, русский для Достоевского — человек высокого интеллекта (Лихачёв много пишет на эту тему, говоря о русских крестьянах. — О. К.), высоких духовных запросов, объемлющий в своём сознании все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе не внутренне противоречивый и не такой уж “загадочный”» [12, с. 77].

В очерках Д. С. Лихачёва отмечен также историк Древней Руси Б. А. Романов, человек, к которому Дмитрий Сергеевич относился с большой симпатией, хотя тот явно был из другой славянофильской когорты. Лихачёв осторожно, в одном предложении, касается этих отличий, когда хочет защитить своего коллегу от обвинений славянофилов-патриотов, «которые примитивно понимали патриотизм историка как один лишь долг восхваления прошлого своей родины» [13, с. 478].

Другой историограф более развёрнуто описывает мировоззрение этого историка, из чего мы можем судить, что оно имело народнический характер, в котором понятие «народ» не несло ни этнического, ни религиозного смысла, а имело только гражданско-социальный маркер [14, с. 228–247]. Такой народ в книге Романова «Люди и нравы Древней Руси» противопоставлен господствующей аристократии. Романов был последователем В. О. Ключевского, разделял его точку зрения на исторический процесс о том, что главное действующее лицо в нём — народ (как гражданский социум), а не государство или церковь. Народнический взгляд был близок к классовому, хотя и не сливался с официальным марксистским. Если сравнить указанные варианты славянофильства (Лихачёва и Романова), то их можно обозначить как две крайние точки в советском славянофильстве: одна форма (Лихачёва) тяготела к софинианскому идеализму, другая (Романова) — к официальному советскому

марксизму. Но при этом из-за своей народнической позиции Романову пришлось много претерпеть, научная карьера его выстраивалась драматично, в то время как Д. С. Лихачёв, отбыв наказание в молодые годы на Соловках за религиозность, потом уже не привлекался к ответственности.

Интересным образом с середины 1930-х гг. стало меняться содержание того славянофильства, которое исповедовал молодой Д. С. Лихачёв и которое мы обозначили как связанное с именем А. С. Хомякова. После выдавливания православия из советского славянофильства здесь сохранился только этнический русский компонент, что и стало определять суть этой группы славянофильства. Этнографический мир русскости без православия во многом устраивает официальную власть, и советское славянофильское направление становится ведущим среди учёных гуманитариев.

Академик Б. Д. Греков, по словам Д. С. Лихачёва, создатель первой советской концепции истории СССР и советской исторической науки, принадлежал именно к этой группе славянофильствующих. А вот советский историк-марксист М. Н. Покровский, написавший первый советский учебник истории «Русская история в самом сжатом очерке» (выдержавший десять прижизненных изданий), имел противоположную славянофилам научную и политическую цель. Он по-ленински считал, что «история — это политика, повернутая в прошлое», однако его нарочитый схематизм удовлетворял власть лишь до той поры, пока не поменялась концепция идеологического воспитания общества. Вместо «партийного патриотизма» в 1930-е гг. начинает утверждаться гражданский, советский патриотизм, опирающийся на историческое сознание, где труд народа рассматривается как созидательная сила. Славянофильская история России Б. Д. Грекова, хотя и с необходимыми экивоками в сторону марксизма, оказалась всё же более нужной обществу, чем большевистские исторические схемы,

в которых история — это непрерывный процесс классовой борьбы, Россия — тюрьма народов, а русские — угнетатели национальных меньшинств. Д. С. Лихачёв называет Б. Д. Грекова, а не М. Н. Покровского, «первым советским историком», ведь в лице Грекова советская историческая наука заработала, собственно, как наука, полезная обществу, а не пропагандистская сила. Труды славянофила академика Грекова явились подлинным научным прорывом в самых разных сферах российской медиевистики: изучении феодализма, истории крестьянства, русской средневековой культуры, истории Золотой Орды [15, с. 222–228]. И эти содержательные идеологические особенности советской историографии необходимо учитывать сегодня, говоря о советском как об успехах советской идеологической системы.

Что касается софинианства, то следует отметить, что данная мировоззренческая группа была самой малочисленной в силу её физического уничтожения или вытеснения за пределы России в 1920-е гг. И тем не менее через этот тонкий ручеёк осуществлялась связь с ушедшим Серебряным веком, а значит, с огромным культурным багажом, накопленным, но почти не освоенным в советский период.

Софинианство, основоположником которого считается Вл. Соловьёв, в СССР было представлено (если говорить о наиболее выдающихся именах) такими фигурами, как философ и филолог А. Ф. Лосев (и его обширная школа) и литературовед М. М. Бахтин. Таким образом, эта мировоззренческая ветвь, истоки которой лежат в Серебряном веке, всё же сохранилась до 1990-х гг. Уникальность данного направления в советский период состояла в том, православный идеализм разрабатывался здесь не как философия или богословие, а как идейность, мировоззрение, имеющее исихастские корни.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на содержательной стороне советского софинианства, ему посвящена

отдельная статья [5, с. 6–12], но отметим, что работы в этом направлении носили более опасный для советской власти характер. Славянофильство, в его советском изводе, решало важную для власти задачу представления темы народности, народа в достаточно объективном виде, в том числе в науке. А народ в СССР входил в число главных приоритетов! Советское славянофильство имело официальный характер, и это, по понятным причинам, связывало его, ограничивало в возможностях быть общеевропейским, общемировым явлением. Но всё же его научность и фундаментальность были неоспоримы, и достижения советских славянофилов в разных гуманитарных областях — науке, культуре, образованию — стали визитной карточкой подлинных советских достижений. Другое дело — неофициальное софинианство. За ним изначально стояли общемировые проблемы существования личности в условиях господства модерна и постмодерна. Оно претендовало на ту нишу, которую занимало марксистско-ленинское мировоззрение и, конечно, не могло обозначить себя в трудах указанных учёных как целостное мировоззрение, метод и особый универсальный ключ в объяснении явлений. Вот почему А. Ф. Лосев рассматривал в своих трудах по эстетике и филологии лишь отдельные аспекты существования духовной энергии в социальной действительности. Он писал о символе, мифе и имени как об основных формах, в которых духовная энергия действует в человеческом обществе, соединяет и организует жизнь людей, создаёт коллективные структуры — от семьи до государства. Со своей стороны М. М. Бахтин, опираясь на художественное наследие Ф. М. Достоевского, раскрыл идейную природу личности, диалоговые пути её формирования и показал, что духовная энергетика является необходимым условием для этого. И Бахтин, и Лосев сегодня — мировые авторитеты в области исследований социальной природы человека.

В заключение подведём итоги сказанному. Несоветские идейности в советской стране не были случайным явлением, проявлением слабости вождей партии, отступлением от партийных норм. Напротив, это явление закономерное для СССР, поскольку благодаря им советская власть имела возможность опереться на национальную традицию, создать подлинно научные формы организации труда и хозяйства, заложить основы культуры, близкой и привычной людям. Словом, иметь тот подлинный, а не эфемерный фундамент, на котором можно было совершать великие подвиги мирного и военного времени. И это касается не только официального, но и неофициального софинианства. В последнем допускалась даже альтернатива марксистско-ленинскому мировоззрению. Многие подобные софинианству вещи вслух не проговаривались, однако существовали в русле советской стратегии *создания границ лояльности* [термин наш, см: 16, с. 6–12] к чуждым, но жизненно необходимым для советской власти идеям и идейным практикам.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — Москва : Эксмо, 2017.
2. Соловьёв В. С. Россия и Вселенская церковь / пер. с фр. Г. А. Рачинского. — Москва : Фабула, 1991 (репринт).
3. Флоренский П. А. Философия культа (опыт православной антропологии) : [сочинения]. — Москва : Мысль, 2004.
4. «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г. [сб-к] / сост. А. Н. Артизов и др. — Москва, 2008.
5. Кириченко О. В. Софинианская методология в свете механизма функционирования традиции // Традиции и современность. Научный православный журнал. — 2022. — № 28. — С. 3–33.

6. Вдовин А. И. СССР. История великой державы. 1922–1991. — Москва : РФ-Пресс, 2019.

7. Лихачёв Д. С. О жизни (воспоминания). — Москва : АСТ, 2019.

8. Свиридов Г. В. Музыка как судьба. — Москва : Молодая гвардия, 2002.

9. Лихачёв Д. С. Слово об академике Николае Иосифовиче Конраде // Лихачёв Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Ленинград : Наука, 1985.

10. Лихачёв Д. С. Академик Сергей Иванович Вавилов — инициатор серии «Литературные памятники» // Лихачёв Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Ленинград : Наука, 1985.

11. Лихачёв Д. С. Слово об Анне Михайловне Астаховой // Лихачёв Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Ленинград : Наука, 1985.

12. Лихачёв Д. С. Национальный идеал и национальная действительность // Лихачёв Д. С. Земля родная. — Москва : Просвещение, 1983.

13. Лихачёв Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // Лихачёв Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. — Ленинград : Наука, 1985.

14. Борис Александрович Романов // Портреты историков. Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. Отечественная история / отв. ред.: Г. Н. Севостьянов и Л. Т. Мильская. — Москва–Иерусалим, 2000.

15. М. Н. Тихомиров о Б. Д. Грекове // Портреты историков. Время и судьбы. В 2 т. Т. 1. Отечественная история / отв. ред. Г. Н. Севостьянов и Л. Т. Мильская. — Москва–Иерусалим, 2000.

16. Кириченко О. В. и др. Границы советского традиционализма (из опыта русского народа в XX в.) / О. В. Кириченко, Т. А. Листова, С. С. Крюкова, Т. А. Воронина, Н. В. Шляхтина. — СПб. : Алетей, 2021.

Н. В. Шляхтина,
мл. науч. сотр. отдела русского
народа Института этнологии
и антропологии РАН

Старики на советских плакатах

Аннотация. Советский плакат представлен как поле столкновения двух цивилизаций — традиционной русской и советской. В традиционной культуре роль пожилых людей была велика, и прежде всего в области общественного мнения, контроля за нравственностью и стабильностью жизни семьи. Постепенно старики потеряли свои традиционные функции, но на каком-то этапе советская власть предложила им почётную должность — быть нравственными наставниками молодёжи и воспитателями их в советском духе. Советский плакат чутко реагировал на общественное мнение, состояние традиции и, как зеркало, отражал постепенное её изменение.

Ключевые слова: традиционная русская культура, общественное сознание, старики, иерархическая структура общества, трансформация, Советское государство, политика, пропаганда, плакат.

Natalya Shlyakhtina,
Junior Research Fellow,
Department of the Russian People,
Institute of Ethnology and
Anthropology, Russian Academy
of Sciences

OLD PEOPLE ON SOVIET POSTERS

Abstract. The Soviet poster is presented as a clash of two civilizations — traditional Russian and Soviet. In traditional culture, the role of older people was great, primarily in the field of public opinion, control over morality and the stability of family life. Gradually, the old people lost their traditional functions, but at some stage the Soviet government offered them an honorary position to be the moral mentors of the youth and their educators in the Soviet spirit. The Soviet poster sensitively reacted to public opinion, the state of tradition and, like a mirror, reflected its gradual change.

Keywords: traditional Russian culture, public consciousness, old people, hierarchical structure of society, transformation, Soviet state, politics, propaganda, poster.

В этой статье хотелось бы представить советский плакат как поле столкновения двух цивилизаций — традиционной русской и советской. Исследование вдохновлено идеями и научными разработками доктора исторических наук О. В. Кириченко, который в своей книге «Общие вопросы этнографии русского народа» [1] показал, что русская православная цивилизация существовала не только в смыслах и идеях, но жила и воспроизводилась в повседневном существовании всех её носителей.

Рассмотренный О. В. Кириченко феномен российского цивилизационного пограничья представляет крестьян и другие

сословия как людей, которые воспроизводят свою культуру и её ценности ежедневно, через все виды деятельности: от строительства церквей до развития садоводства, от научных идей до народного творчества и т. д. Таким образом, народ воспроизводит не предложенные сверху идеи, но сам порождает и развивает русскую православную традицию [1]. Это можно считать современным научным открытием, которое (как и любая открытая закономерность) помогает осмыслить многие явления советской эпохи, в частности объясняет те трудности, с которыми пришлось столкнуться большевикам и коммунистам в XX в. Они ликвидировали прежний политический строй, казнили монарха, уничтожили сословную структуру, державшую общество, имперское чиновничество. А традиционная культура между тем жила — в трудовых, религиозных, семейных и бытовых традициях, обычном праве, мировоззрении. В коллективной монографии «Границы советского традиционализма. Из опыта русского народа в XX веке» этот феномен рассматривается с разных сторон [2].

В статье же речь пойдёт об использовании образов стариков в советских пропагандистских плакатах. Слово «старик» в данном случае употребляется с тем значением, которое оно имело в традиционном дореволюционном обществе. Это пожилой — от 50 лет и старше — человек, который вполне сохранил дееспособность. Понятие «старик» не несло в себе негативного оттенка, а просто обозначало определённую возрастную категорию, как и понятия «бабы» и «девки», которые сегодня нередко употребляются с негативным оттенком.

Нет сомнения в том, что советские идеологи, совершая методичную и беспощадную работу по разрушению старого общества «до основания», исходили из глубокого и реалистичного понимания этого общества. Вероятно, они знали его лучше любого современного историка или этнографа, доказывающего роль тех или иных составляющих в сохранении

жизнеспособности народа. Они понимали, что русское традиционное общество имеет не только классовую структуру, но держится на внеклассовых составляющих. Старики, имевшие власть в семье, общине или волости, опирались на свой жизненный — хозяйственный, семейный, общинный и нередко военный — опыт. Они умели и знали больше молодых и управляли главными материальными ресурсами — землёй и усадьбой. Если говорить о крестьянах, то они ясно осознавали, что соблюдение порядка, при котором отец является непререкаемым авторитетом в семье, важно ещё и как выполнение заповедей Божиих. Об этом не раз подробно писали корреспонденты «Этнографического бюро» князя Тенишева: «Из долголетней жизни между крестьянами и внимательного наблюдения их жизни в последнее время я вынес убеждение, что только на справедливом и разумном принципе единой державы крестьянская семья может стоять прочно как в нравственном, так и в экономическом отношении. И крестьяне это прекрасно понимают, у них есть даже пословица: “Без хозяина дом — сирота”» [3, с. 248]. Конечно, существовали и негативные тенденции в отношении к старикам и вообще к пожилым, но всё же накануне революции это рассматривалось как «порча нравов».

Крестьянская русская цивилизация, названная Лениным мелкобуржуазной стихией, строилась на основе свободной (а не диктуемой государством, как в советское время) самоорганизации, обеспечивала весь круг жизни человека на земле — хозяйственный, семейный, общественный и религиозный. И в этом смысле была самодостаточной, что не мешало крестьянам активно участвовать в общегосударственных проектах — военных, благотворительных и др. Нарушение всех этих сторон крестьянской жизни в советское время ярко оттеняет дореволюционную ситуацию.

Не только на уровне управления хозяйством, но и на бытовом уровне, от которого зависела жизнь больших русских

многодетных семей, старики были важной составляющей традиционного уклада. В. А. Бердинских в книге «Крестьянская цивилизация в России» писал: «Старики в деревне выполняли функции своеобразного общественного надзора. <...> Старики были очень внимательны ко всему, что происходило в деревне, формировали общественное мнение. Были очень внимательны к детям. <...> ...Делали по хозяйству много неотложных дел, нянчились с маленькими детьми, трудились посильно, даже сдав хозяйство сыну. <...> Старики были часто ближе к малым детям-внучатам, чем к своим родным сыновьям и невесткам» [4, с. 164].

Старики, хозяева на своей земле и в своей семье, стали объектом внимания большевиков. И хотя лейтмотивом советского

Неизвестный художник. Преодолевая все препятствия — белогвардейские банды, голод и холод, мы смело и решительно идём вперёд, к светлому будущему, к царству труда! Сызрань, изд. Агитпросвета увоенкомата и Агентства Центропечати ВЦИК, 1919

плаката были победа молодости, здоровья и силы, а также новой идеологии, пропагандистам приходилось учитывать особенности коллективного сознания населения.

Негативные явления по отношению к старикам и недостатки в поведении самих стариков представлялись как невероятно масштабные. Но руководство страны понимало, что большая часть общества ещё здорова и крепка традицией. Поэтому в советском пропагандистском плакате старик изображён как умный и трудолюбивый, умеющий принимать верные, далеко идущие решения человек. И, разумеется, большевики представляют его на плакатах как своего сторонника.

Так, на плакате 1919 г., подготовленном издательством Агитпросвета увоенкомата (уездного военкомата) и Агентства Центропечати ВЦИК в Сызрани («Преодолевая все препятствия <...> мы смело и решительно идём вперёд, к светлому будущему, к царству труда!») мы видим три силы, противостоящие белогвардейцам: впереди коммунист-комиссар, за ним молодой рабочий, а затем символизирующий поддержавшую революцию деревню старик.

Апсит А. П. Грудью на защиту Петрограда! 1919

Неизвестный художник. Позор дезертирам.
Казань, Изд-во Казанского отделения
печати, 1920

В. Н. Костяницын. Крестьянин!
Отдай оружие красноармейцу! Он
лучше защитит тебя, твоё добро
и землю. 1919

Ещё один плакат 1919 г., «Грудью на защиту Петрограда!», показывает старика, готовящегося к бою вместе с молодыми. Таким образом, пропагандируется поддержка революции со стороны традиции. Не только на поле боя, но и в тылу старики представлены горячими сторонниками Красной армии (см. плакат 1919 г. В. Н. Костяницына «Крестьянин! Отдай оружие красноармейцу! Он лучше защитит тебя, твоё добро и землю»). Они хотят видеть в её рядах своих детей, как это изображено на плакате 1920 г. Казанского отделения печати — «Позор дезертирам».

Безоговорочная поддержка советской власти была в 1920-е гг. скорее желаемым, чем действительным явлением. Однако не будем обвинять плакаты во лжи: их целью было не отражение действительности, а призыв, внушение

и пропаганда. «Старинным старикам» (как называли людей дореволюционных ценностей) того времени приходилось бороться за выживание своей семьи в условиях нехватки питания, военных действий и разрухи.

Облик старинных стариков порой мелькает в воспоминаниях о 1920-х гг., когда им уже приходилось несладко, но они доживали достойно, как и жили. О. Н. Вышеславцева описывает такого старика. Она работала в комиссариате в Москве и была свидетелем множества человеческих драм. Массы крестьянского люда ринулись домой из южных губерний, где они находились в эвакуации в период наступления Антанты на Русский Север. В то время проезд через Москву предполагал обязательную регистрацию и получение пропуска, что занимало порой несколько месяцев. Однажды перед Вышеславцевой, тогда юной девушкой, появился старик, который упал на колени и стал просить Христа ради помочь ему добраться до дома: «...дай на своей земельке умереть!..» Она вспоминает: «Мы с трудом уговорили его встать. Это был старик-крестьянин, высокий, атлетического телосложения, в овчинном тулупе, поверх шапки и вокруг шеи обмотан шарфом. В глазах какая-то детская беспомощность, граничащая с отчаянием. Он рассказал, что едет из эвакуации, с Украины на родину, в деревню, с ним сын, инвалид империалистической войны, сноха с ребёнком, две дочери и старуха-жена. Всего семь душ. Вот уже три недели он ежедневно ходит в бюро пропусков, но не может получить пропуск. Мороз лютый, а ходить нужно из Измайлова — это добрых двенадцать километров в один конец, и сколько ещё ходить нужно будет? Живут они в сарае, около леса, а что дальше будет, и ума приложить не может. “Теперь вся надежда на тебя, барышня, не дай помереть... На своей земле хочу... Да и старуху с ребятами определять надо, ведь здесь-то погибнут, в свою хату надо”, — и дед снова заплакал» [5, с. 287–288].

Девушке всё же удалось, где хитростью, а где и обманом, получить подпись комиссара, и старику была вручена нужная бумага. Но на радостях тот оставил в комиссариате свой узелок, куда уложил и полученный документ. Лишь приблизительно зная, в какой части города пребывал старик со своей семьёй, девушка отправила нарочного латыша по имени Донат с поручением найти их и передать узелок, ведь поезд уходил уже завтра. Документ был доставлен вовремя: «Узнав, в чём дело, он схватил Доната в объятия с такой силой, что могучий Донат понял, что в узелке он действительно принёс жизнь».

Через несколько месяцев Ольга Николаевна получила посылку и письмо в ней. Посылка была уже выпотрошена по дороге, а в письме сын того старика благодарил за спасение семьи: «Перед своей смертушкой батюшка наказал отписать Вам, барышня, всё по порядку. Доехали благополучно. Как стали подходить к дому, все до земли поклонились — Бога поблагодарили, родную землю целовали.

Дом сохранился в целости и все строения. В дом поднялись, баньку истопили и в радости занялись всяк своим делом. А по первым весенним дням батюшка стал слабеть и начал собирать себя к смерти. Как-то поутру приказал никому на работу из дома не отлучаться: “Нынче помирать буду”. Как полагаются, приготовленную на смерть одежду достали, обмыли, пояском от святых угодников подпоясали. В красном углу на скамью он лёг, всем наказав по зажжённой свече в руке держать, и в свою взял, а мне по нём “отходную” читать. А перед тем определил, что кому делать, и наказ дал барышне посылку послать на помин его души, и ещё написать, что будет о ней молиться у Престола Божия. А под конец всех глазами обвёл и долго на Спасов лик смотрел... А как “отходную” кончать стали, так и душеньку свою батюшка Богу отдал...» [5, с. 294].

Видимо, такие достойные люди были нередки в то время, если плакатисты берут их как обобщённый образ традиции, лада, правильного выбора.

В. И. Говорков. Зорко охраняй социалистический урожай. 1936

Плакат В. И. Говоркова «Зорко охраняй социалистический урожай» (1936) относится ко времени коллективизации. Обратим внимание, насколько благородным, достойным, знающим, уверенным и справедливым написан этот пожилой крестьянин. Конечно, не такие люди были на передовой при строительстве колхозов. Такие попадали в число раскулаченных, бездомных, нищих, брошенных на выживание в тайгу или становились узниками лагерей. Михаил Пришвин с горечью описывал, что самые талантливые, хозяйственные, самостоятельные и трудолюбивые оказались в 1930-е гг. выброшенными из деревни [6, с. 165]. Однако на плакате показано, что сама крестьянская совесть на стороне колхозов.

Плакат 1929 г. «Чом же ти ще й досі не в колгоспі?» («Почему ты до сих пор не в колхозе?») интересен тем, что показывает

Неизвестный художник. Чом же ти ще й досі не в колгоспі? Украина, 1930

В. И. Говорков. Говорила бабка строго: «Без Бога не до порога!» Но науки яркий свет доказал, что бога нет! 1965

стариков, сделавших правильный выбор и неправильный — с точки зрения советской власти. В верхней части плаката изображены сытые радостные колхозники, а в нижней — измученный и отчаявшийся (но по-прежнему работающий в поле на изможденной кляче! — в этом автор не солгал) старик. Вопрос, сформулированный на плакате, безусловно, призван увести внимание публики от реальной ситуации: на самом деле, во-первых, в колхоз брали не всех, а во-вторых, именно на Украине в это время в колхозах разразился страшный голод.

Надо отметить, что «неправильные старики» также стали темой советского пропагандистского плаката. И воплощали они старое в значении «отжившее», «негодное», «никому не нужное». Здесь старость показана злой, отвратительной, враждебной будущему и, по замыслу создателей плаката, символизирующей царскую православную Россию.

Н. Б. Терписхоров. Религия — яд! Береги ребят! 1930

Б. Н. Дейкин. 8 марта — День восстания работниц против кухонного рабства! Долой гнёт и обывательщину домашнего быта! 1932

Так, на плакате Б. Н. Дейкина «8 марта — День восстания работниц против кухонного рабства. Долой гнёт и обывательщину домашнего быта!» (1932) обустроенный быт, чистота, иконы тракуются как мещанство и мракобесие и оказываются на свалке.

В этом же духе написаны советскими художниками анти-религиозные плакаты. Причём пропаганда не меняла своего вектора в течение десятилетий, что иллюстрируют плакаты художников Н. Б. Терписхорова «Религия — яд! Береги ребят!» (1930) и В. И. Говоркова «Говорила бабка строго: «Без Бога не до порога!» Но науки яркий свет доказал, что бога нет!» (1965).

Пропагандирующий выборы плакат И. М. Тоидзе (1947) интересен тем, что, помимо благочестивой внешности хозяина,

имеющего авторитет в семье и обществе, здесь представлен текст, ориентированный на традиционные ценности:

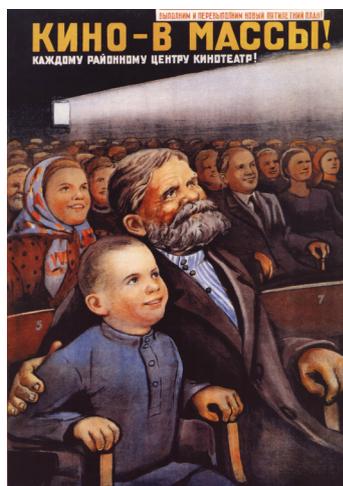
Я старик, вы меня понимаете, —
Выбирайте в Совет вы людей
Так, как зятя в семью выбираете
Для единственной дочки своей!

Изображение плаката полностью подтверждает наше утверждение о том, что нетрадиционное, революционное проводилось в жизнь через использование традиционных ценностей и стереотипов мышления.

Этот принцип прослеживается и при пропаганде ряда культурно-бытовых и хозяйственных аспектов, например о необходимости записаться в библиотеку («Все — в библиотеку! Каждый батрак, бедняк, колхозник должен стать читателем библиотеки!», 1929), или ходить в свободное время в кино (плакат В. Говоркова «Кино — в массы! Каждому районному центру — кинотеатр!», 1946), или развивать свиноводство

И. М. Тондзе. Я старик, вы меня понимаете, — выбирайте в Совет вы людей так, как зятя в семью выбираете для единственной дочки своей! 1947

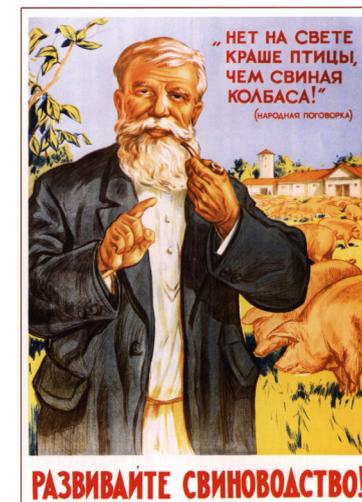
В. И. Говорков. Кино — в массы! Каждому районному центру — кинотеатр! 1946

Неизвестный художник. Все — в библиотеку! Каждый батрак, бедняк, колхозник должен стать читателем библиотеки! 1929

(плакат А. Г. Мосина «Развивайте свиноводство!», 1955). При этом изображённые на плакатах старики символизировали для человека с традиционным мышлением не только правильный выбор, но и благополучие, счастье, спокойное существование всей семьи — родителей, детей и внуков.

Отдельную группу составляют плакаты времён Великой Отечественной войны. Прошло тридцать лет после революции, позади Гражданская

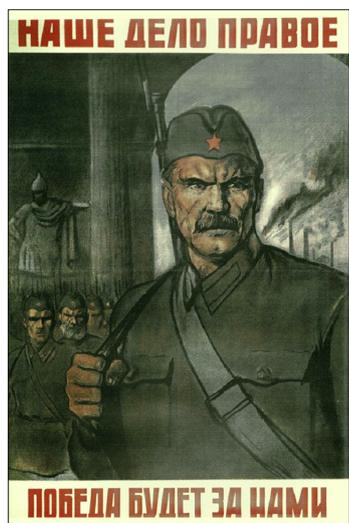
А. Г. Мосин. Развивайте свиноводство! 1955

В. Б. Корецкий. Партизаны, бейте врага без пощады! 1941

В. Б. Корецкий. Наши силы неисчислимы! 1941

В. А. Серов. Наше дело правое — победа будет за нами! 1941

Н. Н. Жуков. Ждём тебя, родимый, из фашистской неволи! 1945

война, несколько волн голода, коллективизация (здесь речь о событиях, потрясших и изменивших русскую деревню), а народ все так же силён, многочислен и по-прежнему чувствует себя ответственным за государство в целом.

Эта идея чётко просматривается в плакатах 1941 г. В. Б. Корецкого «Партизаны, бейте врага без пощады!» и «Наши силы неисчислимы», В. А. Серова «Наше дело правое — победа будет за нами!» и др.

Если ранее мы говорили, что старики символизируют традицию, вставшую на сторону революции, Красной армии, коллективизации, новой жизни во всех её проявлениях, то теперь образы их как будто и не связаны с этим. Кажется, что и не было революции. Они — потомки Минина и Пожарского, русских богатырей, партизан, боровшихся с Наполеоном. Словом, теперь они воплощают патриотизм и героизм, защиту России независимо от политического строя. Илья Глазунов в мемуарах приводит интересное размышление об этом своего отца: «На улицах опустевшего Ленинграда укладывали из мешков с песком баррикады, а на стенах висели плакаты: “Внуки Суворова, дети Чапаева”. Помню, отец пожал плечами, показывая мне на плакат: “Не понимаю, что может быть общего между Суворовым и Чапаевым, — это свидетельство их паники”» [7, с. 279].

Заметим, насколько активно участвовали пожилые люди в жизни не только дореволюционного, но и долгое время советского общества, насколько были ещё важны их авторитет и многосторонняя деятельность, опыт для молодых и общества в целом. Они не только воюют, но и работают в тылу, а став немощными, — вносят посильный вклад в воспитание детей и уход за ними (плакаты Н. Н. Жукова «Ждём тебя, родимый, из фашистской неволи!», 1945, а также А. А. Кокорекина «Товарищ! Помни, что хорошо и тепло одетый боец будет ещё сильнее разить врага», 1942).

Шло время, «старинные старики» уходили из жизни или становились уже не столь нужными для молодых, привыкших трудиться в условиях нового коллективного хозяйства, руководимого из центра страны, уже впитавших пропаганду атеизма. Пожилые люди крестили внуков и прятали иконы в шкафах, передавали нравственные законы — обязанность честно трудиться, считать общественные интересы выше личных и т. д. Но и это методично оформлялось для молодых в «нравственный кодекс коммуниста, комсомольца, пионера», а затем выхолащивалось за счёт многократной профанации.

У советской власти наконец появились свои старики — состарились молодые, воевавшие на фронтах Гражданской, а затем защищавшие революцию. Это нашло отражение и в плакате.

В 1949 г. В. И. Говорков создаёт плакат под названием «Честью семьи дорожи!». На нём представлено несколько образов: деда — участника Гражданской войны, отца — участника Великой Отечественной войны и сына — работника трудового фронта, новатора производства. Здесь показан традиционный для

А. А. Кокорекин. Товарищ! Помни, что хорошо и тепло одетый боец будет ещё сильнее разить врага! 1942

В. И. Говорков. Честью семьи дорожи! 1949

всей России обычай размещать на стенах фото родных, создавая своего рода семейную летопись в фотографиях. Тем самым показана преемственность служения советской Родине и активизировано легко читаемое в этих образах наставление. Та же идея озвучена на плакате М. А. Маризе-Краснокутской «Учись защищать Родину!» (1947).

К концу 1940-х гг. советская власть уже не нуждалась в поддержке традиционного общественного мнения. Теперь она представляла пожилых людей просто как профессионалов своего дела (плакат В. В. Сурьянинова «Будешь мастером», 1954).

Из образа старика на нём ушла эпичность, исчезли обобщённые черты народа со всем комплексом его традиционных нравственных качеств. Теперь старики изображаются как ведомые молодёжью. Например, на плакате В. И. Говоркова «Два мира — два плана» (1950) старик под диктовку молодого коммуниста записывает его очередные распоряжения.

В. В. Сурьянинов. Будешь мастером! 1954

М. А. Маризе-Краснокутская. Учись защищать Родину! 1947

Или же старики сопровождают молодых в их начинаниях, переселениях, помогая им, как на плакате В. И. Говоркова «Всей семьёй — на новые места» (1957), созданном по заказу Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР.

Таким образом, роль старика как главы семьи, руководителя деревенского общества, производства, а также как защитника Родины для советской пропаганды теряет актуальность. Общество живёт уже по другим законам, оно не ориентируется на традицию. И на поздних советских плакатах мы видим стариков в основном в рекламе социальных благ, предоставляемых государством.

В реальной жизни советская власть сделала всё, чтобы лишить стариков их социального иерархического статуса, и тем самым разрушила систему социальной иерархии — через законы о семье, об общественном управлении, с помощью новой

организации производства. Контроль совести, который ранее осуществлялся главным образом через стариков, был заменён идеологическим государственным контролем. Старшее поколение безвозвратно утратило свои традиционные функции, хотя на каком-то этапе советская власть и предложила ему почётную должность быть нравственными наставниками молодёжи, воспитателями новых поколений в советском духе, в том числе и через привитие советского патриотизма. Между тем ещё в начале 1990-х гг. эта традиция представлялась достаточно сильной: мы помним, как в это время (уже не через плакат, а через телевидение и СМИ) осуществлялись активные нападки на её сохранившиеся составляющие, такие как авторитет родителей, нравственные ценности, любовь к семье и детям, Родине и её истории. Но это уже другая тема.

Сегодня мы видим пожилых людей лишь в рекламе, да и то в качестве потребителей соответствующей их возрасту продукции — гелей для суставов, зубных протезов или удобной обуви. Внедряемая программа «Активное долголетие» лишь отчасти представляет их как необходимую часть семьи, в основном же делает акцент на том, что они могут радоваться жизни, заниматься спортом и не столько передавать новым поколениям, сколько развивать различные навыки для самих себя.

Пожалуй, единственной сферой, в которой роль старшего поколения для страны, семьи, будущего показана максимально полно, остаётся память о Великой Отечественной войне.

Советский плакат чутко реагировал на общественное мнение, состояние традиции и, как зеркало, отразил постепенное её изменение.

Список источников и литературы

1. Кириченко О. В. Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия. — СПб.: Алетейя, 2020. — 958 с.

В. И. Говорков. Всей семьёй — на новые места. 1957

В. И. Говорков. Два мира — два плана. 1950

2. Границы советского традиционализма. Из опыта русского народа в XX веке. Этнологическое исследование / О. В. Кириченко [и др.] ; отв. ред. и сост. О. В. Кириченко. — СПб. : Алетейя, 2021. — 686 с.

3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 3. Новгородская губерния, Череповецкий уезд. — СПб., 2009. — С. 248.

4. Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. — Москва : Аграф, 2001. — С. 164.

5. Три встречи / сост. А. Трофимов. — Москва : Паломник, 1997. — С. 287–288.

6. Пришвин М. М. Дневники. — Москва : Правда, 1990. — С. 165.

7. Глазунов И. С. Россия распятая. — 3-е изд., доп. — Москва : АСТ, 2017. — С. 279.

В. Г. Кокоулин,

д-р ист. наук, гл. ред. научно-исторического журнала «Сибирский архив», проф. юрид. фак-та Сибирского университета потребительской кооперации, Новосибирск

**Частный музей позднесоветской истории
в новосибирском Академгородке: музейная
инициатива сквозь призму политики
исторической памяти**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания и содержания экспозиций частного музея повседневной истории в новосибирском Академгородке — Интегрального музея-квартиры Академгородка. В контексте особенностей политики исторической памяти и массового исторического сознания проанализирована версия истории позднесоветского периода, предлагаемая музейной экспозиции. Сравняется судьба двух музеев — официального Музея истории СО РАН, фактически уже переставшего существовать, и Интегрального музея, который успешно развивается. Отмечается, что версия исторической памяти музея носит характер ностальгии по идеализированному советскому прошлому.

Ключевые слова: историческая память, частный музей, ностальгия по советскому прошлому, Интегральный музей-квартира Академгородка.

Vladislav Kokoulin,
Doctor of Historical Sciences,
Editor-in-Chief of the scientific and
historical journal "Siberian Archive",
Professor of the Faculty of Law of the
Siberian University of Consumer
Cooperation, Novosibirsk

Private museum of late soviet history in Novosibirsk Akademgorodok: museum initiative through the prism of policy of historical memory

Abstract. *The article examines the history of the creation and content of the expositions of the private museum of everyday history in Novosibirsk Akademgorodok — the "Integral Museum-Apartments of Akademgorodok". In the context of the peculiarities of the politics of historical memory and mass historical consciousness, the version of the history of the late Soviet period offered by the museum exposition is analyzed. The fate of two museums is compared — the official "Museum of history of the SB RAS", which actually ceased to exist, and the "Integral museum", which is successfully developing. It is noted that the version of the historical memory of the museum has a nostalgic character for the idealized Soviet past.*

Keywords: *historical memory, private museum, nostalgia for the Soviet past, "Integral Museum-Apartment of Akademgorodok".*

В советские времена музейная сфера находилась под строгим контролем государства и воспроизводство альтернативной версии истории посредством частных музейных коллекций не допускалось.

В постсоветской России ситуация кардинальным образом изменилась. Вместе с теми процессами, которые шли в государственной музейной сфере, стало заметным такое явление,

как частный музей. Следует отметить, что наряду с частными музеями, открываемыми любителями-коллекционерами для экспонирования собственных коллекций, имеется и некоторое количество музеев, обращённых к конкретным историческим эпохам. Как отмечает исследователь музейных инициатив К. М. Королёв, «о зарождении музейного движения в современной России можно говорить приблизительно с середины 2000-х гг., когда в социуме стали ощущаться результаты перемен в государственной символической политике, которая от радикального разрыва с прошлым переориентировалась на признание его ценности, в том числе для построения образа будущего» [1, с. 199].

Одним из таких музеев, обращённых к истории, стал частный музей в новосибирском Академгородке, названный Интегральным музеем-квартирой Академгородка. Прежде чем давать подробную характеристику самому музею и предлагаемому им образу прошлого, выделим контекст его появления.

Политика исторической памяти в постсоветской России примерно с 2000 г. характеризуется следующими чертами. Официальная политика исторической памяти по-прежнему опирается на тот фундаментальный миф, который был переформатирован в период перестройки, когда «процветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ», и носит в основном прозападный и антисоветский характер. Возросла роль Русской православной церкви как агента (актора) политики исторической памяти. В основе её версии исторической памяти лежит миф о «тысячелетней Руси» с её исконными ценностями, включающими православие. И наконец, в массовом историческом сознании нарастает ностальгия по идеализированному советскому прошлому. Эти три тенденции действуют неравномерно, с разной интенсивностью воздействуя на создание образов различных

исторических периодов, событий и героев. Характерно, что позднесоветский период оказался подвержен в большей степени последней тенденции. Связано это с тем, что послевоенное и позднесоветское поколение ещё многочисленно и продолжает передавать свои представления о том историческом периоде подрастающему поколению.

Данный контекст является базовым для понимания специфики Интегрального музея-квартиры Академгородка. Но имеется и другой контекст, более узкий, который станет ясным после того, как будет описана история возникновения данного музея.

Музей задуман и создан Анастасией Безносовой — дочерью Германа Петровича Безносова, бывшего одной из ярких фигур молодёжных инициатив в новосибирском Академгородке в 1960-е гг. В первые годы своего существования Академгородок отличался необычайной даже для того времени активностью. Большой удельный вес молодёжи в недавно созданном научном городке (административно числившемся частью Новосибирска, но территориально отделённом от него), значительная степень независимости от официальной власти (наряду с партийными и советскими структурами решающую роль в Академгородке играл президиум Сибирского отделения Академии наук СССР во главе с руководителем — академиком М. А. Лаврентьевым, имевшим связи на самом верху партийной иерархии) и огромный творческий потенциал молодых учёных привели к тому, что в Академгородке стали воплощаться самые интересные молодёжные инициативы периода «оттепели». В частности, был создан дискуссионный клуб «Под интегралом», на площадке которого не только открыто обсуждались наиболее острые проблемы того времени, но и проходили концерты, различные конкурсы, фестивали бардовской песни (в том числе, единственное в СССР публичное выступление Александра Галича, вскоре после этого

вынужденного эмигрировать). Герман Безносов был в числе руководителей этого дискуссионного клуба и собрал и сохранил его архив, ставший впоследствии основой для создания коллекций музея.

Музей начал формироваться в 2013 г. и вскоре занял купленную специально для этой цели квартиру, расположенную по соседству с квартирой создательницы музея. Новый музей вызвал настолько большой интерес у жителей Академгородка, что они стали передавать в него свои архивы, бытовые вещи, одежду и посуду, относящиеся к советской эпохе. Кроме того, коллекции музея пополняются за счёт принадлежавших старшему поколению вещей и архивов, которые молодое поколение попросту выбрасывает на свалку. Ещё одним источником пополнения музея являются покупки на блошиных рынках самых различных предметов старины и советского прошлого.

В целом большинство материальных предметов были массовыми в XX в. и не представляют особой музейной ценности, — за исключением тех, что носят мемориальный характер. Например, письменный стол академика Г. И. Будкера, первого директора Института ядерной физики СО АН, и т. п. Однако что касается видео- и фотодокументов, а также бумажных документов, то многие из них являются уникальными, не имеющими дубликатов в государственных музеях и архивах.

Интерьер музея оформлен в стиле обычной квартиры 1960-х гг. — типичной для жителей Академгородка соответствующего периода, в которой выросла и сама создательница музея.

Одним из смыслов экспозиции данного музея можно считать стремление показать советский быт, настолько стремительно изменившийся, что современная молодёжь порой даже не представляет, для каких целей и каким образом использовались некоторые привычные в прошлом предметы (например, барометр, штормгласс или логарифмическая

линейка). На этот феномен исследователи истории музеев уже обращали внимание. Можно согласиться с тем, что отметила О. С. Сапанжа в своём исследовании, посвящённом частным музеям: «Впервые интерес к повседневности как ускользающей натуре проявился в культуре рубежа XIX–XX вв., когда как особая ценность была осмыслена городская повседневность и возникли коллекции и музеи городского быта. <...> Стремительные изменения этого быта в XX в., особенно с формированием общества потребления, когда в течение одного поколения полностью менялась материальная оболочка, совпали со стремлением эти изменения зафиксировать, сохранить и актуализировать» [2, с. 8].

Активное продвижение музея в средствах массовой информации — как в социальных сетях, так и на других интернет-площадках, — способствует росту популярности музея. Более того, посетители могут не только посмотреть вещи (за стеклом, с этикетками), но и потрогать их, примерить одежду и обувь, а также воспользоваться гостеприимством хозяйки музея и поужинать с использованием посуды советского периода. Коллекции музея часто участвуют в различного рода инсталляциях и реконструкциях, которые проводятся по разным поводам в новосибирском Академгородке и в самом Новосибирске. Эта особенность экспозиции музейных коллекций позволяет не только посмотреть на советское прошлое, что называется «через стекло», но и соприкоснуться с ним в буквальном смысле, погрузиться в это прошлое. У музея есть даже свой парк ретро-автомобилей, в том числе «жигули» одного из первых выпусков и узнаваемая жёлто-синяя машина советской милиции. Эти автомобили также используются в разного рода инсталляциях.

Любопытно сравнить данный музей с другим музеем Академгородка — Музеем СО РАН, который до 2018 г. был научно-исследовательским подразделением местного Института

истории СО РАН. Этому учреждению был передан коттедж основателя Академгородка академика М. А. Лаврентьева. Поддержка на официальном уровне способствовала тому, что музей функционировал больше 20 лет (с 1991 по 2012). В него водили как официальные делегации и гостей Академгородка, так и школьников. Но, так как популярностью данный музей не пользовался, в 2012 г. его закрыли на капитальный ремонт, экспозицию демонтировали и передали в Институт истории. А в 2018 г. существующий на бумаге музей вообще был передан в ведение мэрии Новосибирска и фактически прекратил своё существование.

Итак, становится отчётливо видно, что функционирование музея обеспечивают не столько поддержка официальных структур, сколько его привлекательность для посетителей и то, как он откликается на запросы тех групп населения, которые заинтересованы в материальном воплощении и символической интерпретации определённой версии прошлого.

Какую версию прошлого предлагает Интегральный музей-квартира Академгородка? Чёткой цели у его создательницы не было. Точнее, открытие музея должно было решить сразу несколько задач, к числу которых, наряду с развлекательными и просветительскими, можно отнести и научную задачу. Анастасия Безносова не только активно выступает с инициативой написания истории новосибирского Академгородка, но и постоянно привлекает студентов-историков как для разбора, систематизации и описания коллекций музея, так и для написания на их основе научных статей. Профессиональное историческое сообщество в силу разных причин пока остаётся в стороне от этой инициативы.

Трудно сказать, какую роль в создании данного музея сыграла ностальгия по советскому прошлому, ведь Анастасия Безносова стала вполне успешным бизнесменом постсоветского периода, её средств оказалось достаточно не только для

покупки отдельной квартиры под музей, но и для его содержания и пополнения коллекций. В данном случае скорее проявилась ностальгия не по символам и принципам функционирования советского общества, а по предметам советского быта (простым, удобным, функциональным) и культурно-эмоциональной атмосфере того времени (неагрессивной, душевной), в отличие от современных вещей — бездушных, пластиковых, несущих агрессию. Достаточно сравнить циклы мультфильмов «Приключения кота Леопольда» и «Том и Джерри» — чётко видна разница между двумя типами культур.

Тем не менее, независимо от субъективных устремлений создательницы музея, его экспозиция отчётливо демонстрирует определённую версию исторической памяти. А именно ностальгию по советскому прошлому как «золотому веку», в силу личных воспоминаний о счастливом детстве вытеснившую другие варианты постсоветской культурной памяти об СССР.

Любопытно, что не история науки оказалась более интересной для жителей новосибирского Академгородка, а история советской повседневности. На наш взгляд, это можно связать с хаотичным состоянием в настоящее время общества и науки в Академгородке, на фоне которых советская повседневность выглядит островом стабильности и благополучия.

Список источников и литературы

1. *Королёв К. М.* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

2. *Сапанжа О. С.* Частный музей повседневной культуры как новый нарратив // Музей. Памятник. Наследие. — 2020. — № 1 (7). — С. 5–13.

О. М. Полянская,
ст. науч. сотр. Государственной
Третьяковской галереи

Предчувствие. Позднесоветская живопись в республиках СССР

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изобразительного искусства в республиках СССР в 1950–1980-е гг. и формирование национальных художественных школ в рамках общегосударственного проекта по строительству нового общества. В центре внимания — феномен этнокультурного многообразия в советском послевоенном искусстве, его преломление в художественном, культурном и социальном контекстах, художественное творчество как один из факторов дезинтеграционных процессов в позднесоветском обществе.

Ключевые слова: республики СССР, культурное пограничье, национальные художественные школы, обращение к корням, дезинтеграция.

*Olga Polyanskaya,
Senior Research Fellow,
the State Tretyakov Gallery*

Foreboding. Late Soviet painting from in the republics of the USSR

***Abstract.** The article describes regional particularities of the creations of artists from Soviet republics in 1950–1980's in the period of the ending of Soviet national art schools forming. The central problem under research is the phenomenon of ethno-cultural diversity in Soviet post-war art, its refraction in artistic, cultural and social contexts, artistic creativity as one of the factors of disintegration processes in late Soviet society.*

***Keywords:** Soviet republics, cultural boundaries, national art schools, appeal to the roots, disintegration.*

Государство и искусство

В Советском Союзе искусство в целом и формирование национальных художественных школ в частности рассматривались советской властью как часть общегосударственного проекта по строительству нового общества. Когда в России свершилась пролетарская революция, она оказалась настолько же национальной, насколько и пролетарской. Национальный вопрос на долгие годы превратился в инструмент государственного управления, а установка на национальное своеобразие предопределяла формы культурной репрезентации республик в локальном и всесоюзном масштабе.

Советская национальная политика была направлена прежде всего на систематическое развитие характерной национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР. Для этого создавались национальные территории, которыми управляли национальные элиты, активно

пропагандировались национальный язык и литература, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, фольклор, одежда и кухня, «прогрессивные» исторические события, формировавшие национальную идентичность.

Между тем в действительности долгосрочные планы большевиков по социальному преобразованию страны не допускали сохранения каких-либо существенных национальных черт — религиозных, правовых или относящихся к обычаям. На начальном этапе задача состояла в том, чтобы обеспечить мирное сосуществование различных национальных культур («национальных по форме, социалистических по содержанию») с зарождающейся общесоюзной социалистической культурой, которой предстояло прийти им на смену, а конечной целью ставилось стирание всех этнокультурных различий и создание однородной советской идентичности.

Установка на формирование национальной идентичности в искусстве в предвоенный период оказалась малопродуктивной. Общее внимание было приковано главным образом к национальным декадам, которые должны были демонстрировать успехи культурной революции в республиках: на протяжении десяти дней на различных площадках шли спектакли, концерты, цирковые и эстрадные представления, проводились вечера писателей, композиторов и художников, организовывались художественные и книжные выставки. Они носили во многом спекулятивный характер: здесь приветствовалось всё фольклорное и экзотическое (украинские народные пляски, грузинский «этнографический хор», казахские акыны и др.). Тогда же возникли многочисленные штампы, применяемые для определения сущности национального характера и особенностей той или иной республики. Так, во время грузинской декады неизменно говорилось о «солнечной социалистической Грузии», а радостный характер её национального искусства, как правило, объясняли хорошей погодой, отличающей эту

республику [13, с. 607–608]. Этнонациональные традиции сводились к набору повторяющихся неизменных приёмов, при этом ценностная и космологическая основа этнонационального искусства игнорировалась или дезавуировалась как отсталость, пережитки, уходящая в прошлое традиция [21, с. 112].

Последующая цепь исторических событий — поворот к руссоцентризму в 1930-е ввиду надвигающейся войны и его кульминация в послевоенные годы на волне Победы — внесла существенные коррективы в планируемый проект по созданию интернациональной советской социалистической культуры. Кульминация его пришлась уже на 1950–1980-е гг. и происходила в условиях, весьма отличавшихся от исходных.

Тем не менее, забегая вперёд, отметим, что в это время происходило проектирование этнокультурных моделей, на которых уже в несколько трансформированном виде будут строиться послевоенные всесоюзные художественные выставки.

Пограничье

С началом Второй мировой войны в 1939–1940 гг. этнический потенциал страны сильно увеличился: в состав СССР вошли Западная Украина и Западная Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония, Бессарабия и Северная Буковина. 29 июня 1945 г. в Москве был подписан договор о Закарпатской Украине, согласно которому эта область, ранее входившая в Чехословакию под названием Подкарпатская Русь, включалась в состав Украинской ССР. Так завершался начатый в 1920-е гг. один из самых амбициозных государственных проектов XX в. — создание Союза Советских Социалистических Республик, а вслед за этим вошёл в свою завершающую стадию проект, получивший название «Искусство народов СССР».

Население огромной страны, говорившее на 130 языках, представляло собой сложный этнический конгломерат, перемешанный и пересечённый множеством границ.

На западе к СССР оказались присоединены города, этническую физиономию которых было непросто определить даже самим уроженцам. Например, что такое были Львов — бывшая столица Галиции, австро-венгерской провинции, центр польской культуры, и особенно Вильнюс, как не города-анклавы? И Т. Венцлова, литовский поэт и публицист, спустя годы вынужден был признать, как «трудно понять этот характер Вильно-анклава: то ли Польша, то ли не Польша, Литва, а может и не Литва, то ли провинция, то ли столица, хотя прежде всего провинция. И, конечно, Вильно <...> было причудливым городом перемешанных, пересекающихся полос <...>» [9, с. 369–370].

Размышляя о значении границ в человеческой жизни и истории, он приводил слова своего учителя Ю. Лотмана, что «самое важное звено любого повествования, то, что мы называем событием, — всегда связано с преодолением какой-нибудь границы или порога» [9, с. 369–370]. Таким пограничьем — социальным, географическим, временным — является отдельно взятая человеческая жизнь. Современный глобальный опыт — это уже сплошное пограничье, и жизнь на нём заставляет постоянно пересекать рубежи. Четырнадцать советских республик, «имперский периметр», по выражению П. Вайля и А. Гениса, опоясали Россию, проведя границу, отделившую страну от остального мира. Изнутри этот периметр был иссечён множеством внутренних рубежей, разделительных полос. Внутренние границы проходили через города, культурные традиции, они рассекали человеческие и творческие судьбы и даже отдельно взятые произведения. Поэтому преодоление этих границ или же, напротив, противостояние национальной периферии центру стало главным содержанием искусства в национальных республиках, начиная с 1950-х гг. и в значительной степени сформировало его характерный облик в каждом регионе, закреплённый в практике больших всесоюзных выставок.

Свои чужие

С самого начала в искусстве Прибалтийских республик особенно остро давала о себе знать эта пограничная двойственность, выражавшаяся в неприятии соцреалистических стандартов, и намечалась внутренняя оппозиция тому, что принесла для них новая действительность. В 1949 г., на пике борьбы с формализмом в советском искусстве, один из влиятельных художественных критиков того времени и апологет соцреализма — академик П. Сысоев, анализируя творческий опыт художников Латвии, Литвы и Эстонии, отмечал «широкое распространение влияний и пережитков буржуазного формализма в их искусстве». По его мнению, они мешали «со всей яркостью и полнотой раскрыть новую богатую жизнь своего народа» и становились главным препятствием «в борьбе за создание своего, подлинно национального реалистического искусства, искусства социалистического реализма». Критик настоятельно советовал им преодолевать эти «губительные» явления путём «глубокого изучения прогрессивных национальных традиций и традиций русского классического и советского искусства» [20, с. 5–28].

Давление власти отдавалось приступами страха, и скрытые намёки на возврат буржуазного прошлого находили даже в произведениях, которые, на современный взгляд, шли в фарватере советского мейнстрима, как, например, картина «Мужья возвращаются» (1957) латышского художника Э. Илтнера. Годы спустя об этом не без иронии вспоминал искусствовед А. Морозов: «Хорошо известно, что и “Доктор Живаго”, и “Один день Ивана Денисовича”, и тем более “Раковый корпус” <...> явились отрицанием большевистской идеологии. Первые же опусы “сурового стиля” в живописи впрямую включились в ту же “подрывную работу”. “Мужья возвращаются” Э. Илтнера (1957). Сказано — возвращаются, но зритель этого не видит, а в глазах жён — сплошной непокой; и кого они ждут, не намёк

ли это на возможность возврата буржуазного балтийского прошлого?!» [15, с. 27].

Процесс культурной интеграции для многих мастеров из присоединённых республик был глубоко травмирующим. С нескрываемой горечью вспоминала живописец и график Т. Яблонская (Украина) о «переучивании» художников Прикарпатья, за которыми стоял европейский художественный опыт, а картины демонстрировали неслыханную по тем временам индивидуальность творческого почерка. Ей на всю жизнь запомнилось то ошеломляющее впечатление, которое произвели на неё (да и не только на неё) произведения прикарпатских живописцев, показанные на одной из первых послевоенных выставок в 1945 г. в Киеве: «Это было что-то до того радостное, мажорное, народное по своему духу, что мы все были покорены. <...> Эрдели, Бокшай, Коцка, Манайло, Борецкий, Глюк, Шолтес! Каждый имел своё собственное, ярко выраженное лицо, и в то же время все они составляли единую закарпатскую школу живописи» [23, с. 498]. Но вскоре на закарпатцев также посыпались упреки в формализме, национализме, декоративизме и т.д. И тогда на них, по выражению Яблонской, «навалились всем Союзом (Союзом художников Закарпатья. — О. П.), а Союз-то был силён! <...> И бедный Манайло, тогдашний председатель Союза художников Закарпатья, перестроился — стал писать маслом большие “эпические” пейзажи Закарпатья “под Шишкина” — с электропередачами и стройками». А Коцку, который до войны учился в Будапеште, а потом в Риме, для переучивания отправили на творческую базу в Сенеж, где «заставили писать с натуры, под модных тогда передвижников, какого-то бородатого русского мужичка» [23, с. 498–499].

В дальнейшем обозначившаяся внутренняя дистанция сначала по отношению к искусству номенклатурному, а потом и к искусству московско-российского круга, всё больше

увеличивалась. «Эстонцы в своём подавляющем большинстве так и не почувствовали себя интегрированными в социалистическую общность людей», — вспоминал много лет спустя Б. Бернштейн, историк искусства и художественный критик, доктор наук и профессор Академии художеств Эстонии, а в начале 1950-х — выпускник Ленинградского университета без малейших шансов найти постоянную работу в городе на Неве. Переехав в Эстонию, он в скором времени остро почувствовал культурную несовместимость центра и периферии, и для этого, по его словам, не требовалось быть ни антисоветчиком, ни русофобом. «Московско-советская ситуация, — писал он, — переживалась не как своя, эстонская ментальность не растворялась в советском “мы”. Любое действие там, в России, производилось как бы на мало или не вполне разведанной территории, положение осложнялось несовпадением бытовых и культурных норм и — не в последнюю очередь — языковыми затруднениями» [5, с. 260]. В сложившихся условиях эстонские художники оказались в более выгодном положении: у себя дома им позволялось то, что было бы невозможно в Москве, Ленинграде или Киеве. И с середины 1960-х на выставки в Эстонии стали пропускать произведения практически всех направлений, главным критерием становилось художественное качество, а такие понятия, как «социалистический реализм» и его производные, незаметно исчезли из обихода и, как оказалось, — навсегда [5, с. 261]. Проблемы возникали только тогда, когда кто-нибудь из них без надлежащего разрешения посылал свои работы за рубеж, «куда-нибудь в Краков, Любляну или, упаси Боже, в Венецию», что влекло за собой скандал и наказание, по словам Бориса Моисеевича, «мерзкое, но не смертельное».

Возвращение

Параллельно в послевоенном советском искусстве шёл другой процесс, который особенно активизировался во второй

половине 1950-х и существенно скорректировал художественную ситуацию в республиках. Искусствовед Н. Степанян принадлежала к поколению шестидесятников, поэтому её тексты можно считать документальным свидетельством, когда она пишет о том, что происходило в те годы в Грузии и Армении: «...большую роль для Грузии сыграло возвращение из многолетней ссылки Василия Шухаева (с 1947 г. в Тбилиси и до конца жизни в 1973 г. преподавал в Тбилисской академии), а для Армении — репатриация в конце 1940-х гг. художников-армян, родившихся и живших в молодые годы за рубежом. Среди них был Арутюн Галенц, мастерская которого стала с конца 1950-х годов своеобразной студией “переучивания”. Главным, что приносили с собой эти художники, была неожиданная для СССР неофициальность их творческих позиций» [19, с. 212]. Неофициальность, о которой говорит Нонна Суреновна, указывает на творческий, а не на социальный статус членов Союза художников СССР, чьи произведения экспонировались на выставках всех уровней — от персональных до всесоюзных. Их работы были оригинальны, выходили за рамки заданных стереотипов и, что, пожалуй, важнее всего, «возвращали в искусство свободное высказывание художника, его “я”. <...> Художнику возвращалось положение независимой личности, что было ново», — так писала о своих современниках Н. Степанян [19, с. 212]. Она же одной из первых обратила внимание на «известный перепад между тем, что разрешалось и даже поддерживалось в республиках Балтии, Закавказья, и ситуацией в Москве, Ленинграде, Киеве» [19, с. 212]. Как и для Б. Бернштейна, для неё было очевидно, что с конца 1950-х «слой официально непризнанного становится явлением преимущественно московской и ленинградской творческой среды, поиски новых тематических пластов и новых выразительных средств не пресекались в Вильнюсе, Таллине, Тбилиси, Ереване» [19, с. 219].

Среди мастеров, оказавших большое влияние на искусство в республиках, кроме упомянутых А. Галенца и В. Шухаева, нельзя не назвать А. Акопяна, репатриировавшегося в советскую Армению в 1960 г.; П. Фальбова, в конце 1950-х после заключения и ссылки поселившегося в Душанбе; выросшего в Румынии М. Греку, который сумел выстоять в период жёсткой личностной и национальной нивелировки, каким явились 1940-е — начало 1950-х («...в России в это время импрессионисты и постимпрессионисты были под замком, а моё общение с ними было в возрасте до 20 лет. Они сидели во мне» [12, с. 210]). Долгие годы успешных творческих экспериментов дали М. Греку все основания утверждать, что «талантливых людей тема никогда сильно не захватывает: горе или радость, они захвачены экспрессивным языком искусства, в котором работают. <...> Эстетика — самый большой враг идеологии» [12, с. 208].

Быть другим

Нельзя не согласиться с М. Тлостановой, когда она пишет, что «нерусским художникам (уроженцам Кавказа и Центральной Азии. — О. П.) приходилось испытывать своеобразную форму “двойного сознания” и совершать трудный выбор между евромодерным (пропущенным через российскую и советскую медиацию) академическим искусством и согласием на менее престижную в этой системе координат роль этнонационального ремесленника, бесконечно и послушно воспроизводящего застывшие вековые традиции с периодическими реверансами в сторону советского строя в виде колхозников и тракторов» [21, с. 112–113]. Невозможно отрицать и тот факт, что в республиках Кавказа и Центральной Азии изобразительное искусство, как и опера и балет, возникли как искусственно созданные колониальные продукты, копирующие оригиналы метрополии, и советская власть со своей стороны активно

поддерживала проекты создания новых советских национальных традиций в рамках ускоренного коммунистического нацистроительства. Но, как утверждает исследовательница, «лабораторно созданный симбиоз местных нарративов и западной эстетики (опосредованный российской/советской медиацией) вряд ли мог предложить удовлетворительные жизнетворческие и художественные модели для народов национальных республик. Выучив язык хозяина, колониальный иной, который всё ещё рассматривался колониальными боссами как неполноценный, оказался способным начать творческий диалог на равных между собственной переосмысленной местной традицией и российским, а потом и западным искусством» [21, с. 112–113]. Неожиданным подтверждением этой мысли может служить эссе с символическим названием «Бехзад и Матисс» М. Абдуллаева (Азербайджан) [1], написанное в 1976 г., в котором автор обозначил две актуальные для современной азербайджанской живописи традиции — персидской миниатюры и европейского модернизма начала XX в.

Сказанное выше касалось в первую очередь творчества художников Центральной Азии, родившихся уже при советской власти и пришедших в искусство после Великой Отечественной войны. Для многих из них, уроженцев глухих аулов и дальних кочевий, нередко детдомовцев, заработали социальные лифты и появилась возможность получения высшего образования в художественных вузах Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Важным событием для всех республик Средней Азии и Казахстана стала организация в 1946 г. национальной группы при Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, куда принимали даже тех, кто не знал русского языка [22, с. 6]. Задача соединения народных художественных традиций с наследием русской профессиональной реалистической школы искусства была поставлена в государственном масштабе.

Академическое образование, его нормативность и унифицирующие принципы сыграли до некоторой степени положительную роль в художественном становлении выходцев из центральноазиатских республик. Однако очень скоро они почувствовали его догматический и сковывающий характер. Для многих выпускников центральных вузов после возвращения домой наступал непростой этап переучивания. И. Клычев (Туркменистан) признавался, что не смог после института (ЛИЖСА им. И. Е. Репина) писать, как ему хотелось, декоративные полотна: оказалось, что только профессионального умения в данном случае недостаточно. «У нас в Туркмении люди живут иначе, чем <...> в России, — рассказывал художник, — говорят по-своему, одеваются по-своему. И это надо передать в картинах по-своему» [11, с. 106]. Но как? — вставал вопрос. И тогда дипломированный живописец начал детально изучать народную культуру, быт, произведения народных умельцев — керамистов, чеканщиков, вплоть до искусства туркменских вышивальщиц, осваивать которое ему помогала жена, сама искусная вышивальщица, унаследовавшая мастерство от своей матери [11, с. 105].

Одним из тех, кто прошёл постдипломный этап переучивания, был Р. Бабаев (Азербайджан), хотя как раз он и не получил диплома из-за обвинений в формализме. Когда он вернулся в родной Баку после учёбы в МГХИ им. В. И. Сурикова в Москве, ему хотелось, по его словам, «наполнить свою душу национальным духом». Настоящей школой для него стало копирование в 1958 г. фресок дворца в Шеки: «Я был там, чтобы познать себя, — я наконец-то понял, кто я, откуда я и зачем. Дворец Шекинских ханов — чистейшая азербайджанская школа. Он весь проникнут азербайджанской философией. <...> И примитивизм моих работ происходит именно оттуда, из тех средневековых картин» [4, с. 33].

Было бы сильным преувеличением подозревать всех нерусских выпускников советских вузов в желании переучиваться после получения диплома, но признание А. Сыдыханова (Казахстан), думается, не последнее в ряду подобных: «Мне пришлось бороться с гнётом передвижников, и я это делал не потому, что они плохи, просто потому, что я — другой. Пусть Запад и Восток сейчас взаимопроникают, но всё же, думаю, есть что-то в поговорке — “Трава растёт прямо, а плющ вьётся”» [10].

Искусство, «допущенное к экспонированию»

Советское послевоенное искусство рассматривалось ведущими художественными критиками того времени (одним из самых авторитетных среди них был А. Морозов) как поступательное движение от десятилетия к десятилетию: вслед за суровым стилем пришли шестидесятники, за ними последовали семидесятники, тех в свою очередь сменили восьмидесятники. Каждый этап открывала новая генерация художников, обновлялись проблематика и поэтика художественного творчества [14]. Для Б. Бернштейна, как, впрочем, и для других его коллег, было очевидно, что изобразительное творчество большинства республик выпадало из общепринятого стадийного и хронологического порядка, установленного для советского искусства. Так, далеко не все они присягнули на верность суровому стилю, который, будучи российско-московским, стал, по точному определению Б. Бернштейна, «последней фазой соцреализма, мощной и в то же время обречённой попыткой его очищения и облагораживания» [6, с. 461]. И хотя живопись мастеров сурового стиля была направлена на восстановление связи времён — её стилистика апеллировала к наследию русских сезаннистов («Бубновый валет») и раннему советскому модернизму (ОСТ), всегда в картинах московских и ленинградских живописцев оставался

идеологический фон, который делал картину сурового стиля с её «латентной патетикой» новым ликом социалистической утопии. Если за спинами «монументально-прозаических» строителей гидроэлектростанции В. Попкова («Строители Братской ГЭС», 1960–1961, ГТГ.— О. П.) всегда слышится победный рёв экскаваторов, насыпающих грандиозную плотину, то картины Э. Окаса, Р. Корстника или Э. Илтнера, по меткому выражению Бернштейна, были «без экскаватора за сценой». Родовые признаки сурового стиля в искусстве Прибалтийских республик, как и в республиках Центральной Азии, оказались либо сильно размытыми, либо почти сразу приобрели фольклорно-национальную окраску [6, с. 463–464, 472].

Одним из важнейших выводов Б. Бернштейна стала концепция о трёхчастной структуре советского искусства 1960-х — первой половины 1980-х гг.: на одном полюсе находился ортодоксальный или трансформированный, «гуманизированный», соцреализм, на другом держалось гонимое диссидентское искусство, а середину занимала достаточно обширная зона допущенного к экспонированию и обсуждению искусства, которое — из соображений идеологической мимикрии — притворно считалось советским [6, с. 462].

В этом срединном поле, в зоне «допущенного к экспонированию» и «притворно советского искусства», в основном и работали художники из национальных республик.

Топография счастья

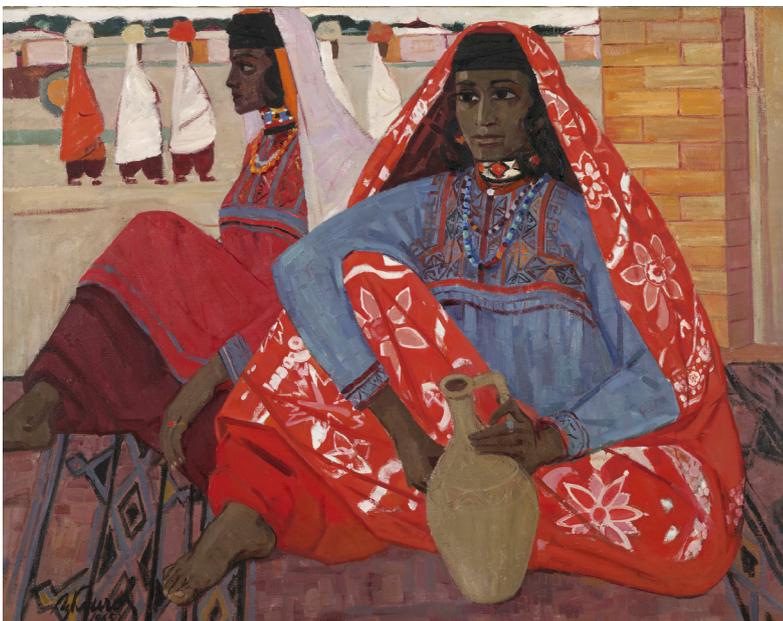
Начиная с 1960-х гг. обращение к культуре прошлого стало одной из доминант отечественного искусства. Новые тенденции, проявившиеся в изобразительном искусстве, литературе, театре и кино, выражало понятие «обращение к корням». Ещё раньше, на рубеже 1950–1960-х гг., наметившийся кризис либеральной идеологии поздней «оттепели» постепенно приводил к смене в обществе культурных кодов. Если для «оттепели»

ключевыми были слова «искренность», «личность» и «правда», то теперь опорными стали другие — «родина», «природа», «народ». Да и сам советский народ — «общность, накрученная на стержень общей идеи и цели, — расслоился на отдельные нации, и национальные культуры занялись своими делами <...> либо перестроились на всесоюзный масштаб» [8, с. 274–276].

Благодаря художникам из национальных республик, писал А. Морозов, в искусство вошло «ощущение человеческой деятельности, человеческого существования как чего-то выходящего за границы социума и являющегося составной частью природного бытия <...> Такое ощущение стало как бы ожившей ветвью народного самосознания, питаемой соками фольклорных традиций, а также опытом национально-романтических тенденций начала XX века внутри ряда национальных школ» [14, с. 85–87]. Именно национальным школам в значительной степени был свойствен подход, который критик называл натурфилософским, когда «историческая жизнь общества символизируется поэтически через явления жизни природы. Человеческое понимается не столько как социальное, сколько как родовое. Духовное — как органически почвенное <...>» [14, с. 92]. Запущенный сверху процесс формирования национальных культур в условиях сложного культурного «пограничья» продолжал оставаться мощным механизмом национально-самоопределения и формирования идентичностей, теперь уже не только этнической, территориальной, культурной, но и конфессиональной, цивилизационной, гендерной и других. Обращение к корням стало ещё и триггером к творческому взрыву снизу. Народное творчество, фольклор, художественное, литературное и духовное наследие народов СССР начало широко использоваться художниками, наращивая этнический потенциал искусства, что в недалёком будущем привело к результатам, которые не отвечали изначально поставленным

задачам нациестроительства. Искусство в республиках постепенно становилось одним из самых сильных факторов дезинтеграционных процессов в обществе.

Обращение азербайджанских художников к национальным истокам своего искусства, так сказать к корням, оказалось как нельзя более органичным. Критика тех лет свидетельствовала, что «формы старой азербайджанской архитектуры “питают” силой своей пластики и живопись, и графику. Звонкая чистота цвета миниатюры, радостные узоры народных ковров обогащают современную живопись. Порой корни лиризма сегодняшних картин мы можем найти и в азербайджанской поэзии. Художники смело оперируют языком символов, находят решения, полные страстной убеждённости и образной силы» [2, с. 6].

И. Н. Клычев (1923–2006). Белуджи. Из цикла «Моя Туркмения». 1965
Холст, масло. 150,5 × 191. ГТГ [28, с. 11]

Для Т. Яблонской 1960-е стали временем небывалого творческого взлёта. На протяжении 1950-х художницу не оставляла надежда повторить успех прославившей её на всю страну картины «Хлеб» (1949). В этих попытках она переживала одну творческую неудачу за другой, пока наконец не вырвалась из Киева и не отправилась сначала в Армению, а потом в Прикарпатье. «Закарпатская школа живописи очень повлияла на моё творчество 60-х годов, — признавалась Т. Яблонская. — Я часто ездила туда, восхищаясь их работами» [23, с. 503]. За короткое время объехав западноукраинские, гуцульские и румынские сёла — эти, по её словам, оазисы патриархальной национальной культуры, — Яблонская открыла для себя новый источник вдохновения — в радующих глаз своей непосредственностью и праздничностью картинах «наивных» художников, в нарядной цветистой керамике, вышитых разноцветной гладью рушниках и даже расписных клеёнчатых ковриках, поскольку больше всего её «трогало то, что живёт в народе сейчас» [24, с. 7]. В произведениях народных мастеров художницу восхищали «ясность, чеканность формы и, несмотря на предельный лаконизм, щедрость и богатство форм и красок» [24, с. 7], а сама радость от соприкосновения с ними выходила, по её словам, «какая-то особенная — простая, чистосердечная» [24, с. 7].

Одним из топосов счастья на карте позднесоветской живописи стала Ленкорань, где Н. Абдурахманов (Азербайджан) на протяжении многих лет писал свою талышскую сагу. Здесь он открыл для себя мир глубоко патриархальный и, как ему казалось, мало затронутый современной цивилизацией. «В горных селениях, — рассказывал художник, — постоянно можно видеть группки женщин и девушек, собирающихся около источников. Девушки этих районов любят красивые одежды; так они одеваются повседневно. Люди в этих сёлах живут богато, мужчины пасут скот на эйлагах, девушки и женщины занимаются домашним хозяйством, ткут

ковры. Они всегда опрятны, нарядны, походка их грациозна, свободна...» [3, с. 33]. Ленкорань Абдурахманова вращалась в современный мир утопией, образом неутраченного гармоничного бытия, мечтой о красоте и счастье, социальном и природном согласии.

Политика тотальной индоктринации в республиках в послевоенные годы, суть которой заключалась в том, чтобы, как в простоте своей выразился один из героев А. Платонова, «влезть под череп психологии и налить <...> во все дырья наше идеологическое вещество» [17, с. 434], не принесла ожидаемых результатов. И тому было немало причин.

Впрочем, были исключения, например Белоруссия, где советская идеология не наложила на национальную, как, например, в Литве, а почти вытеснила её. Советизация же Литвы оказалась поверхностной, и литовские поэты и художники, которые не хотели рифмовать и иллюстрировать идеологические лозунги, чаще говорили и писали картины об утраченном аграрном рае, об обрядовой жизни крестьянина, горевали по утраченной гармонии с природой и черпали жизненные силы в фольклоре и мифологии [16, с. 443–444].

Антрополог С. Рыжакова выделяет такую черту латышского менталитета и образа жизни, как аграроцентричность. Это понятие доминирует в латышской речевой символике, в современной латышской публицистике, где нередко можно встретить выражения «деревня — бастион латышскости», «свой уголок», «свой клочок земли», «Латвия возродится из деревень», «мы — народ пахарей». Для латыша свой дом, хорошо устроенный и надёжный, расположенный в сельской местности, представляет идеальное пространство жизни. Неповторимой «латышскостью» обладают крестьянские хутора, которые являются наиболее типичной формой поселения латышей, репрезентирующей комфортный и привычный образ жизни на фоне латышского пейзажа.

М. А. Савицкий (1922–2010). Первые декреты. 1977.
Холст, масло. 300 × 200. ГТГ [25, илл. 2 (цв. вклейка)]

«Собственное» пространство, к освоению которого приложен духовный и физический труд, остаётся важной эмоциональной позитивной частью пространства «по-латышски». Утрата своего дома (какой явилось для латышей насильственное переселение десятков тысяч человек в 1941 и 1949 гг.) в латышской литературе и искусстве рисовалась не менее страшным событием, чем смерть (хотя в реальности этот путь и означал для многих смерть) [18, с. 214–215]. «Синдром хуторянина», привязанность латышей к своему дому как одна из главных жизненных ценностей отражается во множестве латышских фольклорных и художественных текстов и наглядно воплощается во всех видах изобразительного искусства Латвии.

Советская Атлантида

В 1980-е гг. художники всё чаще обращаются к теме социума и власти. Нетрудно заметить, что они пользуются европейской классической традицией как своего рода амальгамой, позволяющей высветить в изображении дополнительные смыслы, в создании актуальных образов они отдают предпочтение символам и метафорам. И. Губский (Украина) создаёт запоминающийся образ позднесоветской геронтократии («Вахтёр», 1988, ГТГ). Ю. Вайс (Таджикистан) обращается к проблемам индоктринации и деконструирует жёсткую вертикальную модель «власть — подчинение». Э. Верпе (Латвия) интересуется процессом десакрализации и неизбежного распада власти как таковой («Король», 1988, ГТГ).

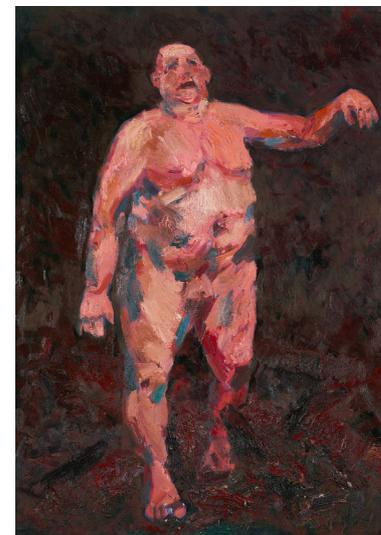
В это время в изобразительное искусство входят темы кризисов — природного, социального, политического. Экологические, антропогенные, техногенные катаклизмы получают отражение в творчестве художников из всех союзных республик. Ретроспективный взгляд на последнее советское десятилетие даёт немало оснований увидеть в больших, как

правило, полотнах, затрагивающих тему глобальных катастроф, своего рода провозвестников грядущих социальных перемен. В. Ахунов (Узбекистан) за несколько лет до распада СССР пишет Арал («Похороны» из серии «Трагедия Арала», 1987, ГТГ) как гигантский советский некрополь, образ-мираж, который под намываемыми песчаными волнами, подобно Атлантиде, погружается в толщу истории.

И. И. Губский (род. 1954). Вахтёр. 1988. Холст, масло. 120 × 111. ГТГ [26, с. 236]

В картине М. Зейналова (Азербайджан) «Путь молчания» (1991, ГТГ) отразился опыт переживания межэтнических конфликтов в Азербайджане конца 1980-х. Это ассамбляж, включающий фрагменты реального дома и его внутреннего убранства: лоскут ковра, скомканную оконную занавеску, своими очертаниями напоминающую атомный гриб, необструганный брусок. Все они свидетельствуют о разрушении и утрате Дома, а путь молчания — первый шаг на пути созидания нового мира в новых реалиях.

Э. Х. Верпе (род. 1958). Король. 1988. Холст, масло. 200 × 145. ГТГ [26, с. 159]

М. Зейналов (1942–2021). Путь молчания. 1991.
Фанера, коллаж, масло. 152 × 274,5. ГТГ [27, с. 111]

Б. Ф. Джалалов (род. 1948). Экологическая трагедия. 1987.
Холст, масло. 200 × 260. ГТГ [26, с. 248]

Притяжение точки

В 1991 г. архипелаг СССР распался. Составлявшие его острова стали независимыми государствами и начали дрейфовать

каждое в своём направлении. Какие-либо прогнозы здесь неуместны, ибо, как говорил Б. Бернштейн, футурологическая прозорливость никогда не была сильной стороной культурного самосознания. Но как бы ни складывались между ними отношения в настоящем и будущем, их пребывание в Союзе оставило наследие, которое невозможно развоплотить, потому что это тысячи произведений — картин, скульптур, листов графики и предметов декоративно-прикладного творчества. И каждое из них всегда будет напоминать, что даже в маленькой точке этого огромного пространства можно ощутить простор, который является одним из условий осуществления нации. Об этом много лет назад написал А. Битов. Путешествуя

В. У. Ахунув (род. 1948). Похороны. Из серии «Трагедия Арала». 1987.
Холст, масло. 141 × 162. ГТГ [26, с. 73]

Ю. П. Вайс (род. 1952). Час гражданской обороны. 1986.
Холст, масло. 180 × 200. ГТГ [26, с. 128]

по Армении в 1960-х, он вдруг отчётливо осознал: «Когда я смотрю на карту, на нашу алую простыню, я ощущаю пространство, огромное, но не ощущаю простора. И если где-то в углу зажато пятнышко: болотцем — Эстония, корытцем — Армения, то какой же можно заподозрить простор? Кажется, встань в центр, крутанись на пятке и очертишь взором все пределы. Да и как жить на подобном пяточке? Пожмёшь плечами, имея столь немислимые заплечные пространства.

И какое же удивление овладевает тобой, когда едешь по крошечной, с нашей точки зрения, стране и час, и другой, а ей всё конца и краю нет.

Оказывается, есть горизонт, кругозор, и он ставит всему предел. Он и есть мир бесконечный. Есть то, что человек может охватить

Ю. П. Вайс (род. 1952). Открытие. 1987.
Холст, масло. 200 × 250. ГТГ [26, с. 128]

одним взглядом и вздохнуть глубоко,— это простор и родина. А то, что за его пределами,— не очень-то и существует» [7, с. 40].

Список источников и литературы

1. Абдуллаев М. Бехзад и Матисс // Творчество. — 1976. — № 6.
2. Акимова Л. Образы современности // Творчество. — 1972. — № 6.
3. Акимова Л. НаDIR Абдурахманов. — Москва, 1973.
4. Бабаев Р. В поисках истины [живопись, графика]. — Москва ; Баку, 2013. — 423 с.
5. Бернштейн Б. М. Старый колодец: книга воспоминаний. — СПб., 2008. — 405 с.

6. *Бернштейн Б. М.* Заметки о топографии сурового стиля: Москва и Таллин // Искусствознание 1–2. — Москва, 2013.
7. *Битов А. Г.* Уроки Армении. Путешествие из России / Битов А. Кавказский пленник. — Москва, 2007.
8. *Вайль П. Л., Генис А. А.* 60-е. Мир советского человека. — Москва, 2014.
9. *Венцова Т.* Пограничье: публицистика разных лет. — СПб., 2015. — 635 с.
10. *Ергалиева Р., Сыдыханов А.* Охотник на мамонта // Творчество. — 1991. — № 3.
11. *Клычев И.* «День радости» // Из творческого опыта советских художников. По страницам журнала «Творчество»: сб. ст. — М., 1972.
12. *Кушнир М.* Эстетика — самый большой враг идеологии // Mihail Grecu. 100 de ani. Chishinau, 2016.
13. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. — Москва, 2011.
14. *Морозов А. И.* Поколения молодых. Живопись советских художников 1960–1980-х годов. — Москва, 1989.
15. *Морозов А. И.* 1941–2010. Моя современность. — Москва, 2011.
16. *Петровская О.* Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности Республики Беларусь // Прибалтийские исследования в России, 2015 г.: сб. ст. / сост. М. А. Вилков, В. В. Семендей. — Москва, 2015.
17. *Платонов А.* Впрок. Проза. — Москва, 1990.
18. *Рыжакова С.* Homo letticus. Фрагменты этнокультурного исследования // Иностранная литература. — 2019. — № 3.
19. *Степанян Н. С.* Искусство России XX века: развитие путём метаморфозы. — Москва, 2008.
20. *Сысоев П.* Борьба за социалистический реализм в советском изобразительном искусстве // Искусство. — 1949. — Янв.–февр.

21. *Глостанова М. В.* Деколониальные импульсы в постсоветском искусстве // Глостанова М. В. Деколониальность бытия, знания и ощущения: сб. ст. — Алматы: Центр современной культуры «Целинный», 2020.
22. *Халаминская М. Н.* Искусство молодых: очерки о художниках республик Средней Азии и Казахстана. — Москва, 1967.
23. *Яблонская Т.* Дневники, воспоминания, размышления / сост. Г. Атаян и И. Зайцева. — Киев, 2020.
24. *Яблонская Т.* У живого источника // Творчество. — 1968. — № 1.
25. *Червоная С. М.* Взаимодействие художественных культур народов СССР. Проблемы сближения, взаимообогащения национальных художественных культур народов СССР в развитом социалистическом обществе, диалектика национального и интернационального (на материале изобразительного искусства 1960–1970-х). — Москва: Изобразительное искусство, 1982.
26. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись второй половины XX в. / Живопись XVIII–XX вв. Т. 7. Кн. 1. — Москва: Красная площадь, 2013.
27. Созвездие Апшерона. Азербайджанские художники 1960–1980-х гг.: альбом / Ш. А. Меликова, М. Д. Назарли, О. М. Полянская, М. Ю. Филатова. — Москва, 2016.
28. *Тарасова Л. И.* Клычев. — Москва: Советский художник, 1986. — (Мастера советского искусства).

Д. В. Плюйко,
канд. ист. наук,
учитель истории средней
общеобразовательной школы № 16,
г. Долгопрудный, Московская обл.

Реформа политической системы СССР в период перестройки на примере работы Замоскворецкого райсовета Москвы

Аннотация. Целью статьи является выявление важных факторов, которые влияли на существование Замоскворецкого районного совета Москвы в годы перестройки, на основе анализа делопроизводственного материала райсовета. Автор на основании ранее не опубликованных архивных документов раскрывает основные этапы передачи власти от партии к советам. Исследование архивного материала установило, что переход всей полноты власти от КПСС к советам на территории Замоскворецкого района Москвы происходил в период с 1988 по 1990 г.

Ключевые слова: местное самоуправление Москвы, перестройка, КПСС, местные советы народных депутатов, Замоскворецкий район Москвы.

Dmitry Pluyko,
Candidate of Historical Sciences,
history teacher of secondary school
№ 16 in Dolgoprudny, Moscow region

The reform of the political system of the USSR during the period of perestroika on the example of the work of the Zamoskvoretsky district council of Moscow

Abstract. The purpose of the article is to identify important factors that influenced the existence of the Zamoskvoretsky district council of Moscow during the years of perestroika based on the analysis of the administrative material of the district council. Based on previously unpublished archival documents, the author reveals the main stages of the transfer of power from the party to the Soviets. The study of archival material has established that the transition of full power from the CPSU to the Soviets on the territory of the Zamoskvoretsky district of Moscow took place in the period from 1988 to 1990.

Keywords: local self-government of Moscow, perestroika, CPSU, local councils of people's deputies, Zamoskvoretsky district of Moscow.

Вопросы истории местного самоуправления и муниципального строительства всегда были в центре внимания учёных. На всём протяжении своего существования в России органы местного самоуправления получали не так много контрольных и распорядительных функций от государственной власти. Это было характерно как для дореволюционного, советского, так и для постсоветского периодов нашей истории. Верховная власть в лице императора, Генерального секретаря ЦК КПСС или Президента Российской Федерации с большой осторожностью относилась к тому, какие права предоставлять депутатам местных законодательных органов власти. Но были

периоды в российской истории, когда государственная власть, наоборот, предоставляла самые значительные права системе местного самоуправления. Одним из таких периодов в развитии местного самоуправления стала реформа политической системы советского общества, в период перестройки задуманная М. С. Горбачёвым и его ближайшим окружением.

По мысли М. С. Горбачёва, следовало дать перезагрузку системе советов, сделать их реальными органами местного самоуправления в СССР. Решения XIX конференции КПСС в 1988 г. предполагали проведение альтернативных выборов в местные советы и постепенный переход к ним контрольных и распорядительных функций от структур КПСС.

В связи с этим задачей данного исследования стал анализ управленческой деятельности Замоскворецкого районного совета народных депутатов Москвы в период с июня 1988 по август 1991 г. Очень важным представляется понимание сущности перехода властных полномочий от райкомов партии к местным советам и того, какими особенностями сопровождался этот политический процесс. Исследовательская работа со стенограммами заседаний сессий Замоскворецкого райсовета Москвы позволяет сделать вывод о многих вышеуказанных обстоятельствах перехода власти от партии к советам.

Ещё до начала работы XIX конференции КПСС 20 июня 1988 г. депутат райсовета Ю. Ф. Назаров говорит о «необходимости в полном объёме вернуть роль и полномочия советов как полновластных органов народного представительства» [1, л. 52]. Эти слова вполне объяснимы, так как до начала работы конференции были опубликованы тезисы, в которых как раз и оговаривалась роль советов в обновляемой системе управления страны. Депутат Ю. Ф. Назаров, который был директором московской парфюмерной фабрики «Новая заря», заметил: «...у нас сложилась такая практика, как вызов руководителей предприятий, не выполнивших план, на бюро райкома

партии, но не в исполком. Этим самым подменяется роль советов. На нас не обращают внимание. <...> Руководители предприятий понимают это и на вызов из исполкома после бюро посылают своих заместителей» [2, л. 60]. Такие слова директора крупного городского предприятия показывают решимость серьёзно изменить сложившуюся десятилетиями практику управления и взять ответственность за судьбу жителей района на себя.

Председатель райсовета Ю. А. Шимбреев выказывал серьёзное беспокойство по поводу того, как будет происходить переход предприятий и организаций на хозрасчёт. Он говорил: «Мы не совсем с вами понимаем обстановку в вопросе выпуска товаров народного потребления» [3, л. 97]. В ходе заседания сессии 15 сентября 1988 г. его постоянно волнует вопрос о том, какую всё-таки роль должны играть советы в процессах реформирования советской системы. По мнению Шимбреева, «должно быть чёткое разграничение ответственности директоров предприятий, советов трудового коллектива и советов народных депутатов» [4, л. 102]. А этого чёткого разграничения ни в одном указе Верховного Совета или постановлении ЦК КПСС прописано не было, о чём свидетельствует следующая реплика председателя райсовета: «Пусть наша партия и Верховный Совет договорятся между собой, каким образом мы должны работать сейчас, кто и за что отвечает, какова конечная цель всего процесса передачи полномочий власти советам» [5, л. 35].

Решение райсовета от 12 октября 1988 г. «О хозяйственной деятельности предприятий и отношений с местными советами народных депутатов» призвано было конкретизировать роль Замоскворецкого райсовета в экономической жизни района, определить, за какие именно хозяйственные вопросы ответственен местный совет, а главное, что он может потребовать от предприятий, находящихся на территории Замоскворецкого

района. Все положения этого решения разбились о фразу одного из депутатов, который считал, что «всё, что написано, прекрасно, но нигде не записано, а что же надо сделать, чтобы фраза об отношениях между райсоветом и исполкомом воплотилась в реальные дела» [6, л. 115]. После долгих обсуждений депутаты сошлись во мнении, что надо создавать специальный орган в структуре исполкома, причём он должен иметь соответствующие права и полномочия. Депутаты райсовета следующего созыва в силу различных обстоятельств так и не создадут такой орган.

В ходе первых сессий 1989 г. депутаты райсовета решают существенно изменить структуру управления экономикой района и разграничение сфер ответственности с Моссоветом и предприятиями. При исполкоме начинается создание межотраслевых территориальных производственно-технических управлений. Такие управления, по мысли депутатов, наделяются широкими полномочиями с целью «кооперирования всех зданий, всех предприятий на территории района по расширению производства» [7, л. 165]. К сожалению, материалы стенограммы последующих сессий райсовета и его решений не позволяют судить о том, насколько эффективным было создание этих управлений. В целом необходимо подчеркнуть, что характерной чертой деятельности Замоскворецкого райсовета в период с июня 1988 по октябрь 1993 г. становится голословность и полное отсутствие контроля за исполнением ранее принятых им решений.

Кроме того, процессы демократизации и гласности, создание общественного контроля над властью приводят депутатов к мысли о том, что необходимо внедрять автоматизированные системы управления не только в экономику, но и в кадровое делопроизводство. Депутаты обращаются к специалистам ведущих вузов Москвы с просьбой разработать автоматизированную систему управления «Район», которая позволила бы

систематизировать работу с приёмом и обращениями граждан к руководству исполкома. Один из депутатов на сессии отмечал, что «с помощью новых компьютерных технологий мы должны поставить под жёсткий контроль все действия наших чиновников и служб, чтобы избежать коррупции и слышать критику граждан нашего района» [8, л. 126]. В связи с этим по образцу программы «Район» депутаты предлагают создать программы «Жильё» и «Письма». Программа «Жильё» должна была позволить вести учёт производственных и жилых помещений, а главное, легко отслеживать очередность получения жилья теми гражданами, которые остро в нём нуждались. Очень часто ситуация с получением жилья вызывала острые и затяжные конфликты между гражданами и работниками исполкома райсовета. Программа «Письма» решала проблему с критикой в адрес различных коммунальных служб Замоскворецкого района. К большому сожалению, материал, который сохранился в архиве, не позволяет составить представление о том, насколько эффективным с точки зрения управления экономикой района оказалась разработка этих программ.

Большие снегопады, обрушившиеся на Москву в январе — феврале 1989 г., проверили на прочность систему управления коммунальными службами района исполкомом совета. На весенней сессии райсовета заместитель председателя исполкома заявил: «Руководители подразделений проявляют инфантилизм, в решении вопросов уповая на административно-командную власть руководства района» [9, л. 7]. Очевидно, что, говоря об административно-командной власти, депутат имел в виду структуру райкома КПСС, которые обычно своими методами и авторитетом влияли на все сферы общественной и экономической жизни в городе и стране. Важно отметить, что спустя больше чем полгода с начала политической реформы в соответствии с решениями XIX партконференции КПСС

новая система управления на территории Замоскворецкого района так и не была отработана. Об этом ярко свидетельствуют слова председателя исполкома: «...до сих пор неясен вопрос со многими службами двойного подчинения: как исполком должен строить отношения с этими службами» [10, л. 142]. Также в ходе выступления, посвящённого критике действий коммунальных служб при ликвидации последствий снегопада, заместитель председателя исполкома заявил: «Нужно уходить от стремления замкнуть всё на себя, а больше требовать с работников аппарата и районных служб» [11, л. 159].

Таким образом, к весне 1989 г. депутаты райсовета вплотную подошли к решению вопроса о том, что в условиях нарождающихся рыночных отношений, массового перехода на хозрасчёт всех предприятий городу как воздух необходимы частные компании и службы, которые будут заниматься уборкой снега и мусора, а также решением других задач, важных для любого населённого пункта. Серьёзно волнует депутатов и вопрос контроля цен, устанавливаемых на товары и услуги многочисленными кооперативами. В вопросе контроля над ценами кооперативов первым своё беспокойство показывает городская партконференция: граждане по традиции продолжают жаловаться на бытовые неурядицы прежде всего партийным, а не советским структурам. Председатель исполкома ограничивается простым предложением о создании в исполкоме подразделения за контролем цен.

На июньской сессии 1989 г. депутатов вновь волнует вопрос о том, как же будет действовать новая система управления районом. Заместитель председателя исполкома говорит о том, что «уже больше года идут разговоры о децентрализации управления городом, расширении самостоятельности районов, но, кроме создания многочисленных главков, дело далеко не ушло» [12, л. 214].

Как же должны были действовать райсовет как местный законодательный орган и исполком как орган исполнительный,

но формируемый из числа депутатов райсовета? Система, более-менее исправно работавшая в условиях плановой экономики и административно-командных взаимоотношений в течение долгого времени, уже не соответствовала рыночным отношениям и полноценной политической борьбе при формировании органов местного самоуправления в конце 1980-х гг. Но что же стояло на пути создания полноценной и конкурентоспособной политической системы, к которой стремилось и окружение М. С. Горбачёва, и депутаты Замоскворецкого райсовета? Как следует из слов председателя райсовета: «...в чём мы видим хозрасчётный принцип управления территориями? Не командовать, а помогать! Не просить, а быть компаньонами с предприятиями. Повышение гласности в работе совета. Только в экономических рычагах исполком видит полноценное взаимодействие всех элементов системы управления районом» [13, л. 217].

Проблема создания полноценной системы местного самоуправления в Москве интересует депутатов и при обсуждении экологической ситуации на территории Замоскворецкого района: «До тех пор, пока не будет местного самоуправления, нельзя добиться результата в решении экологических проблем. Сегодня мы вправе потребовать от промышленных предприятий перестройки своей экологической работы» [14, л. 162]. Отметим, что не только повседневные проблемы, такие как дороги, транспорт и цены на продукты, приводят депутатов к необходимости решения вопроса о системе функционирования райсовета в ближайшем будущем, но и экологическая ситуация.

Одна из главных проблем, по мнению депутатов, это формирование собственного бюджета района и отношения с промышленными предприятиями на его территории. В ходе дискуссии на декабрьской сессии райсовета в 1989 г. депутаты приходят к решению обратиться к Моссовету как вышестоящему органу

с предложением «полностью и окончательно решить процессуальный вопрос сформировать собственный бюджет района, в том числе и за счёт отчисления прибыли промышленных предприятий, расположенных на территории района» [15, л. 87]. Впоследствии в связи с введением летом 1991 г. поста мэра Москвы и созданием Правительства Москвы вопрос с финансированием райсовета был решён по-другому.

Желание взять контроль над всеми органами исполнительной власти и экономикой района прослеживается в словах председателя райсовета, он заявляет: «Не знаю, как вас, а меня морально убивает формулировка “просить руководителей предприятий”. До каких же пор мы будем просить там, где должны спросить! Настала пора более настойчиво добиваться таких прав местным советам, чтобы они могли принимать обязывающие решения в адрес руководителя любого ранга и подчинения по вопросам избирателей» [16, л. 233]. Эти мысли председателя райсовета — яркое свидетельство того, что идея М. С. Горбачёва вернуть полномочия советам как органам народного представительства нашла самый живой отклик в среде депутатов районных советов.

Депутаты в ходе весенних и летних заседаний на сессиях 1989 г. много размышляют над проблемой доверия граждан к власти. Выступления депутатов связаны с тем, как стремительно потеряли свой кредит доверия все структуры КПСС, которые являлись исполнительной властью в стране. И опасаясь, что та же участь может постигнуть обновлённые советы, депутаты из заседания в заседание отмечали, что «только конкурентные, свободные и честные выборы могут привести к согласию в обществе. Дать мощный рейтинг доверия органам местного самоуправления и, следовательно, созданию гражданского общества» [17, л. 52].

В ходе дискуссии на осенней сессии 1990 г. депутаты размышляют о том, как стоит реорганизовать состав совета

с целью увеличения его влияния на жизнь района. В связи с этим они приходят к мнению, что «необходимо обязательно ввести в состав совета пять лиц, которые подчинены союзным или общемосковским структурам» [18, л. 90]. К таковым лицам депутаты отнесли руководителя предприятия «Темп», председателей банков, начальника РОВД. Введение в состав исполкома таких влиятельных лиц, по мысли депутатов, «приведёт к более быстрому решению многих коммунальных и социальных проблем района, а главное, послужит глобальной задаче — формированию гражданского общества» [19, л. 91].

Беспокойство по этому поводу заставляет депутатов задуматься о том, насколько самостоятельным в принятии решений должен быть райсовет и каковы должны быть его отношения с органами исполнительной власти в настоящем и будущем. Депутаты говорят о том, что «советы в будущем должны остаться как законодательные органы власти, которые должны принимать законы и контролировать деятельность исполнительных органов власти (чиновников), которых они будут принимать на работу для выполнения задач повседневной бюрократии» [20, л. 147]. Таким образом, депутаты считали, что в будущей системе государственной власти у советов как органов местного самоуправления прав должно быть чуть больше, чем у органов государственной власти. О том, насколько были правы депутаты Замоскворецкого совета, можно судить лишь, правильно поняв суть системы советов и обозначив её главный недостаток. По мнению Г. Х. Попова (который тогда, в 1990 г., был избран председателем Моссовета, а чуть позже и мэром Москвы), система советов сама принимала законы, из своего же состава назначала управленцев и сама контролировала выполнение этих законов. Следовательно, как считал Г. Х. Попов, «суть перестройки в государстве — ликвидация полномочия советов

и создание трёх нормальных институтов демократии — законодательной власти, исполнительной власти и судебной власти» [21, с. 115].

Стоит отметить, что после трагических событий 3–4 октября 1993 г., связанных с насильственной ликвидацией системы советов, новые представительные органы, сформированные в Москве, были значительно урезаны в своих правах. Только с 2012 г. Правительство Москвы приняло решение поделиться некоторыми своими полномочиями с депутатами муниципальных советов. Однако передача этих полномочий в тот период была очень осторожной и не затрагивала тотальных полномочий исполнительной власти. Как отмечал исследователь Е. В. Макаренков, «на согласование муниципальным властям отдаются объекты социальной инфраструктуры, то есть то, что конфликтов не вызывает. А точечная застройка, строительство офисно-деловых центров остаются в ведении управ и префектур, а это самая коррупционная часть градостроительного согласования» [22, с. 102].

Кроме того, уже тогда, в 1990 г., депутатами Замоскворецкого райсовета была предложена такая форма общения с гражданами, как общественные согласования, — то, что потом, в начале 2000-х гг., назовут общественными слушаниями. В частности, на заседании одной из сессий было заявлено: «...нам надо серьёзно подумать над вопросом создания дополнительного канала общения с гражданами, который позволит знать о необходимости строительства крупных объектов на территории нашего района. Это могут быть общественный диалог или согласования» [23, л. 97]. К большому сожалению, общественные слушания, появившиеся в практике управления Правительства Москвы, не стали полноценным связующим звеном между жителями города и управами районов или префектурами округов. Думается, что в будущем Правительство Москвы найдёт качественно новый подход к проблемам распределения

баланса полномочий между вертикалью исполнительной власти и органами местного самоуправления.

Примечательно, что на всех сессиях райсовета 1990 г. уже не присутствовали работники райкома КПСС. Данный факт свидетельствует о том, что партия, согласно политической реформе, стремительно теряла свои административные полномочия, и вследствие этого руководство районного комитета не считало необходимым лично присутствовать на сессиях райсовета. В свою очередь, депутаты райсовета в ходе заседаний на сессиях перестали обращаться за управленческими рекомендациями и в принципе обращаться к руководству райкома партии.

Материалы заседаний сессий Замоскворецкого райсовета Москвы позволяют сделать вывод о том, что после старта экономических преобразований политические реформы в СССР, начатые М. С. Горбачёвым в июне 1988 г., были давно назревшими. Именно введение хозрасчёта и рыночных механизмов заставило советских управленцев серьёзно подойти к вопросу о создании в Москве городского правительства.

Депутаты Замоскворецкого райсовета много размышляли об общественном контроле над органами исполнительной власти. Архивные материалы позволяют нам утверждать, что многие знаковые элементы нынешней системы местного самоуправления Москвы, такие как общественные слушания, депутатские запросы, депутатский контроль, были предложены депутатским корпусом райсовета ещё в 1990 г.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что реформа политической системы советского общества, начатая М. С. Горбачёвым в 1988 г., не была хорошо продумана и вследствие этого, вместо слаженной работы райсовета депутаты пытались разобраться в том, когда, кто и как должен отчитываться им и перед кем должны отчитываться они. Депутатский корпус Замоскворецкого райсовета, работавший

на непрофессиональной основе, буквально задыхался от вала хозяйственных проблем, обрушившихся на район в период перехода к рыночным отношениям.

Изучение материалов делопроизводства Замоскворецкого райсовета показывает, что тема муниципального строительства в конце 1980-х — начале 1990-х гг. актуальна, так как позволяет выявить основные модели развития системы государственного управления Москвы и страны и даже обозначить слабые места нынешней системы местного самоуправления.

Список источников и литературы

1. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2201. Л. 59.
2. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2201. Л. 65.
3. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2204 Л. 97.
4. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2204 Л. 102.
5. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2205 Л. 35.
6. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2205 Л. 115.
7. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 1. Л. 165.
8. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2205 Л. 126.
9. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 2308 Л. 7.
10. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 2. Л. 142.
11. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 2. Л. 159.
12. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 2. Л. 214.
13. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 3. Л. 217.
14. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 2. Л. 214.
15. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 2. Л. 87.
16. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 2. Л. 233.
17. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 3. Л. 52.
18. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 3. Л. 90.
19. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 3. Л. 91.
20. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 3. Л. 147.

21. *Попов Г. Х.* Первый мэр Москвы. — Москва : Международный университет в Москве, 2015.

22. *Макаренков Е. В.* Реорганизация местного самоуправления в Москве после 2012 года // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. — 2014. — № 4. — С. 95–102.

23. ЦГАМ. Ф. 1040. Оп. 4. Д. 4. Л. 97.

Л. Э. Старостова,
канд. филос. наук,
руководитель отдела развития
Музея первого Президента России
Б. Н. Ельцина, доц. Уральского
федерального университета,
Екатеринбург

Подходы к представлению истории движения МЖК в контексте актуального общественного восприятия 90-х. Опыт проекта «МЖК-1980»

Аннотация. В статье представлен анализ опыта реализации проекта «МЖК-1980» в 2021 г. в Ельцин Центре. Проект «МЖК-1980» посвящён движению молодёжных жилых комплексов (МЖК) в позднем СССР и представил итоги изучения истории трёх МЖК в Свердловске (ныне Екатеринбург). Травматический опыт 90-х для участников движения в большинстве случаев был связан с концом «прекрасной эпохи МЖК», поэтому концепция проекта совмещала несколько дискурсов и форматов для разной целевой аудитории: от ветеранов движения МЖК — до современной молодёжи, знающей об истории позднего СССР и 90-х из вторичных источников.

Ключевые слова: молодёжный жилой комплекс, МЖК, девяностые, выставка, МЖК-1980, модернизм, архитектура.

Ludmila Starostova,
PhD, Associate Professor,
Head of the Development
Department of the Boris Yeltsin
Presidential Museum,
Associate Professor of the Branding
in Ural Federal University,
Ekaterinburg

Approaches to presenting the history of the MZhK movement in the context of the current public perception of the 1990s. Experience of the MZhK-1980 project

Abstract. The article presents the analysis of the experience of the MZhK-1980 project in 2021 at the Yeltsin Center. The project “MZhK-1980” is dedicated to the movement of youth residential complexes (molodezhniy zhiloy complex — MZhK) in the late USSR and presented the results of a study of the history of three MZhKs in Sverdlovsk (now Ekaterinburg). The traumatic experience of the 90s for the participants of the movement was in most cases associated with the end of the “beautiful era of MZhK”, therefore the concept of the project combined several discourses and formats, taking into account different target audiences: from veterans of the MZhK movement to modern youth who know about the history of the late USSR and 90s from secondary sources.

Keywords: youth residential complex, MZhK, nineties, exhibition, MZhK-1980, modernism, architecture.

Проект «МЖК-1980» был реализован Ельцин Центром совместно с Центром поддержки и развития современного искусства ZAART в 2021 г. Основная цель проекта состояла в популяризации наследия движения молодёжных жилых

комплексов в позднем СССР на основе регионального материала. Предпосылкой реализации проекта в Екатеринбурге стал тот факт, что самый крупный МЖК в СССР был построен именно в Свердловске. Будучи исторически вторым МЖК (первый появился в 1971 г. в подмосковном городе Калининграде, переименованном в 1996 г. в Королёв), свердловский МЖК «Комсомольский-1» стал самым крупным в стране и превратился в методический центр всего движения. Впоследствии в Свердловске были построены ещё несколько МЖК, не таких крупных и известных, как первый, но тоже оставивших после себя градостроительное наследие.

Движение МЖК: сущность и проблемы

Содержание движения молодёжных жилых комплексов заключалось в том, что комсомольцы, молодые специалисты крупных предприятий сами строили жилые комплексы с развитой общественной инфраструктурой на средства предприятий, чтобы получить там отдельную квартиру в обход профсоюзной очереди. Технику и квалифицированные строительные кадры предоставлял подрядчик, а будущие жильцы на конкурсной основе попадали в строительные отряды. Вступая в МЖК, они примерно на 11–12 месяцев освобождались от основной работы на своем предприятии и устраивались в штат к строительному подрядчику. Так в МЖК решали проблему дефицита рабочих рук в строительной отрасли за счёт использования дешёвой рабочей силы — будущих жильцов. При этом МЖК позиционировались как социальный эксперимент. Вот как звучала цель МЖК в документах первых мжковцев Свердловска: «создание молодёжного жилищного комплекса с элементами коммунистического быта и общественного самоуправления» [1].

Сутью эксперимента было строительство новой социальной общности соседей с принципами самоуправления: на стадии

строительства в МЖК руководящую функцию выполнял оргкомитет, а на этапе деятельности жилого комплекса оргкомитет трансформировался в совет МЖК, избираемый на отчётно-выборных конференциях МЖК. С точки зрения экономики МЖК перебрасывали финансовые и технологические ресурсы с менее эффективных хозяйствующих субъектов на более эффективные. С точки зрения социальных процессов МЖК представляли собой инициативные движения, формирующие сообщества из людей определённого типа — с активной жизненной позицией, которые в условиях советской плановой экономики и коммунистической идеологии смогли создать модель строительства жилья, решавшую их частную прагматическую задачу — получение отдельной квартиры без ожидания в очереди на жильё.

У движения МЖК был ряд исторических предпосылок.

1. Практики самостроя (или так называемый метод народной стройки), распространившиеся в стране в конце 1950-х гг., когда предприятия, имевшие управления капитального строительства, организовывали строительство жилья для своих сотрудников, согласных после отработки рабочей смены идти на стройку и бесплатно строить свой будущий дом. В рамках самостроя возводились исключительно жилые дома, в основном кирпичные 3–5-этажные, не требовавшие специальной строительной техники.

2. Идея домов-коммун, в которых ряд бытовых функций обобществлён, а соседи вместе решают вопросы коммунального общежития. В рамках этой идеи, популярной в СССР в 1920-е гг., в таких домах создавались условия для формирования нового типа советской личности с системой удовлетворения ряда бытовых потребностей в публичных пространствах. На практике реализация идеи домов-коммун провалилась, но задача оптимизации бытовых процессов средствами архитектуры в разных формах возвращалась в концепции массового жилья в течение всего XX в.

3. Движение студенческих строительных отрядов (ССО), активно развивавшееся в СССР во второй половине XX в. Студенческие отряды представляли собой рабочие бригады, которые во время так называемых трудовых семестров выполняли заказы на строительные работы, то есть выступали механизмом привлечения дополнительной рабочей силы на строительные нужды. В ССО культивировалась этика ударного труда и командного духа, закреплённая в ритуалах и символике. В движение МЖК в основном вовлекались люди, прошедшие школу стройотрядов, давшую им и основы строительной специальности, и навыки интенсивного труда в команде.

Когда группа молодых специалистов в подмосковном Калининграде предложила модель МЖК, она учла этот опыт и разумно объединила прагматичные цели всех её участников: будущие жильцы предоставляли почти бесплатную рабочую силу, а строительный подрядчик за счёт неё выполнял план; предприятие-дольщик, вносящее свой финансовый вклад в МЖК и получавшее соответствующую квоту на квартиры, сохраняло молодых специалистов (так как они не покидали предприятие в поисках жилья). При этом комсомол и партия получали новые лозунги и цели в вялом на тот момент партийном движении, которые можно было предъявить как маркер успешности идеологической работы.

Вот как кратко выражалась модель строительства МЖК с точки зрения членов оргкомитета МЖК-1 в Свердловске:

- «...Наши (оргкомитета) идеи и “ноги”;
- ваши (дольщики) решения, подписи, деньги;
- ваши (проектировщики) решения, подписи;
- наши (КМСО МЖК) “руки”;
- ваши (строители) техника, материалы, изделия» [2].

Хотя модель работала, стала мультиплицироваться по всей стране и уверенно вошла в новостную повестку 1980-х, далеко не всё в МЖК было гладко. Молодёжные жилые комплексы

в качестве общественного движения так и не получили официального юридического статуса, а все процессы интегрировались в существовавшие советские институты. Статус руководителей МЖК не был закреплён институционально; бойцы комсомольско-молодёжных строительных отрядов (КМСО) временно трудоустраивались к подрядчику и получали у него зарплату; земля под строительство выделялась либо подрядчику, либо предприятию (чаще всего МЖК создавался на одном предприятии); создаваемые в МЖК клубы, спортивные и досуговые центры постепенно передавались под контроль в действовавшие системы городского управления спортом, культурой и т. п. В силу названных причин в МЖК часто возникали злоупотребления со стороны дольщиков и особенно подрядчика, а в функционирующем МЖК обязанности контроля постепенно распределялись по институтам, обеспечивавшим государственное управление.

Истории о нарушениях на стройке звучали во многих интервью с мжковцами. Приведу лишь одну цитату: «...В магазине это не продавалось, это надо было спереть со стройки, что с успехом мы все и делали — тащили кто откуда мог. Я подходил к нашему сварщику и говорил: “Серёга, пачку электродов. Если что, я проставлюсь”. Он говорил: “Ну, на”. Или я просил:

- Николаич, дай пачку рукавиц.
- Выйдешь в ночную смену?
- Выйду.
- Выйдешь в субботу?
- Выйду.
- Бери.

Я приносил эти рукавицы в оргкомитет, они передавали их на стройку. Я себя уговаривал, что я же это не на продажу, всё равно эти рукавицы достанутся работягам, и они будут в этом работать. Только не в бригаде СУ-20, а на площадке

МЖК» (из интервью с участником МЖК-1, сотрудником Свердловского домостроительного комбината).

Институциональная маргинальность МЖК и её последствия ёмко описаны в газетной публикации 1987 г.: «Идея МЖК дала хозяйственникам в безраздельную власть сотни молодых, энергичных, с надёжным стимулом в голове парней и девчат. <...> Высокая идейная задача МЖК ловкими руководителями строительных предприятий давно переведена в узкохозяйственную. Делается всё, чтобы мечта о гармоничном развитии личности на базе МЖК была как можно туманнее, а путь в рядовые строители города — как можно прямее и короче. У комплекса по сей день нет своего юридического лица, лидеры его — бесправные люди. Ну кто же они такие, работающие по 16 часов в сутки, с точки зрения закона? “Подснежники”!» [3]. (Подснежниками назывались люди, работавшие по фиктивным договорам.)

Неоднозначность МЖК как исторического явления требовала решения о подходе к рассказу о нём в ситуации, когда участники и свидетели ещё живы и близко к сердцу принимают любое обращение к данной теме.

Концептуализация и реализация проекта «МЖК-1980» в Ельцин Центре

Как предмет, значимый для изучения и презентации Ельцин Центром, движение МЖК обладает рядом признаков. МЖК был низовой (можно даже сказать — гражданской) инициативой, поддержанной комсомольскими и партийными лидерами. Годы перестройки дали новый импульс движению, стремившемуся к созданию механизмов локального самоуправления. Борис Ельцин, будучи первым секретарём Свердловского обкома КПСС, поддержал инициативу местных мжковцев, а после перехода на работу в Москву в 1985 г. всячески поощрял строительство МЖК в столичном регионе. И последнее:

находясь в Екатеринбурге, Ельцин Центр стремится включать в свою программную деятельность проекты, посвящённые городской и региональной истории XX в., а история движения МЖК в Свердловске до сих пор не нашла целостного представления в культурной повестке города. Между тем именно в Свердловске (сейчас Екатеринбург) был сооружён самый крупный и знаменитый МЖК в СССР.

Первичный сбор и анализ источников сформировал представление об исходных данных для проекта: в городской среде можно обнаружить стёртые в ткани города жилые комплексы из крупнопанельных домов и более-менее сохранившихся элементов общественной инфраструктуры. Алексей Иванов в книге «Ёбург» посвятил движению МЖК в Свердловске несколько страниц. В 1986 г. участниками МЖК-1 была опубликована книга «Этажи будущего» с описанием их опыта, в СМИ в разные годы прошло несколько публикаций по истории этого же МЖК, о движении МЖК сохранилось несколько документальных фильмов 1980-х гг. и сюжетов в документальном журнале «Советский Урал». Хотя в Свердловске были построены не менее шести МЖК, в современном медиадискурсе представлен только МЖК-1 — первый и самый крупный из них.

В публикациях этот МЖК позиционировался как:

- неординарный, яркий эпизод городской истории;
- успешный социальный эксперимент;
- градостроительный эксперимент;
- комсомольское инициативное движение;
- проект, поддержанный Б. Н. Ельциным.

«МЖК-1980» — партнёрский проект, организованный тремя кураторами. Автор статьи представляла в нём Ельцин Центр и Музей Бориса Ельцина, её целью было выявить значение самого движения МЖК в позднесоветское время. Два других куратора провели детство в МЖК-1, и в дальнейшем их не покидала мысль, что этот выдающийся МЖК заслуживает

публичной истории. Екатерина Бухарова — искусствовед, историк архитектуры — дочь руководителя архитектурной группы МЖК-1 Александра Барабанова. А. Барабанов собрал и сохранил архив о деятельности по организации и проектированию МЖК, коллекцию собственных фотографий макетов и построек.

Другой куратор проекта Мария Домрачёва многие годы вынашивала идею организовать художественную выставку, участники которой могли бы рефлексировать об опыте жизни в МЖК-1.

При совместном обсуждении концепции проекта конкурировали между собой две смысловые рамки:

Смысловая рамка 1 — Коммеморация истории МЖК-1.

Эта идея предполагала сюжет об основателе МЖК-1, лидере движения — Евгении Королёве и созданной им инициативной группе, сумевшей добиться разрешения и построить жилой комплекс с масштабной социальной программой и соответствующей инфраструктурой, стать методическим центром движения МЖК в СССР. Опорными фактами для концепции стали образы лидеров, социальный эксперимент, градостроительное и архитектурное наследие МЖК-1.

Смысловая рамка 2 — Проблематизация движения МЖК как феномена.

Эта идея задавала целый ряд контекстов для развития сюжета:

- социальная и градостроительная концепция модернизма XX в.;
- советская строительная программа;
- плановая экономика;
- коммунистическая идеология;
- советский человек;
- МЖК как историческое наследие на карте города.

В результате обсуждений победила идея представления МЖК как инициативного движения, вписанного

в международный контекст модернизма и социокультурный контекст позднего советского периода. В рамках городской истории изучаемый феномен был представлен не одним, а тремя МЖК.

Задача изучить и рассказать историю не одного, а трёх МЖК оказалась непростой. Не сразу удалось выйти на ветеранов МЖК, не все были готовы делиться своей историей. На сбор материала ушло два года.

Основные выводы в результате исследования можно сформулировать следующим образом:

- движение МЖК — побочный продукт советской системы, который подтачивал её изнутри;
- МЖК как строительная модель существовал за счёт внедрения в прорехи плановой государственной экономики;
- движение МЖК было гражданской инициативой под прикрытием официальной пропаганды, концепция социального эксперимента — необходимость соответствовать дискурсу власти;
- МЖК удалось соблюсти баланс между частными и общими интересами и умело использовать мотивацию к получению квартиры для запуска механизмов социализации внутри соседского и самоуправляемого сообщества;
- для участников опыт МЖК стал тренировкой смекалки, выдержки и веры в свои силы;
- МЖК исчез вместе с советской системой, в которую он был интегрирован и вне которой лишился экономической поддержки.

МЖК и 90-е

Для МЖК, как и всей страны, в 1990-е гг. наступил переломный момент, в подавляющем числе случаев приведший к прекращению строительства жилых комплексов и затуханию культурной жизни сообществ. Началась приватизация

предприятий и существенно сократилось государственное финансирование строительства жилья.

Истории мжковцев, собранные методом интервью, свидетельствуют о чётком разделе эпох в индивидуальной биографии — во время строительства и жизни в МЖК до начала экономических реформ и после их старта. Сообщество МЖК с 1992 г. начало распадаться: людям пришлось концентрироваться на выживании в условиях экономических реформ, когда закрывались учреждения и предприятия или полученная в них заработная плата не позволяла покрывать даже необходимые расходы. Мжковцы, как и вся страна, начали приватизировать свои квартиры. Постепенно в МЖК, как и в обычных жилых микрорайонах, появились железные двери в подъездах, в секциях и у квартир. Формой самоуправления в МЖК были советы, избираемые из членов МЖК на общей конференции. С 1989 г. мжковские лидеры стали избираться в Советы народных депутатов района, города, страны; появились инициативы по законодательному закреплению полномочий МЖК как органов местного самоуправления. И хотя некоторые мжковцы, ушедшие в политику, затем продолжили свою политическую карьеру, в 1993 г. президентский указ упразднил советы, а вместе с ними исчезла институциональная основа самоуправления в МЖК. Социальная мобильность вела к частичной ротации жителей МЖК — постепенно соседями становились люди, не имевшие общего опыта стройки и соседства в МЖК в годы их расцвета. Поэтому в интервью часто сквозили нотки разочарования и утраты социальных достижений МЖК.

Целый ряд мжковских лидеров после окончания эпохи МЖК успешно состоялись в бизнесе, нередко строительном, имея за плечами богатый опыт работы по организационному или строительному направлению внутри МЖК. Для этих людей МЖК стал стартом в большое будущее, и они вспоминают об этом периоде без горечи.

В итоге концептуализации темы на основе собранных сведений **задачи проекта** были сформулированы таким образом:

- 1) рассказать о движении МЖК в Свердловске на локальном материале в мировом контексте истории архитектуры и градостроительных политик;
- 2) проявить наследие МЖК в городской среде;
- 3) привлечь к теме проекта максимально широкую аудиторию — поколение, не имеющее опыта жизни в XX в., и жителей нецентральных районов города, в принципе слабо вовлечённых в культурную жизнь города;
- 4) инициировать диалог о современных способах участия горожан в развитии городской среды.

Основные сюжеты проекта были представлены на двух главных выставках — исторической «Что делает нас лучше» и художественной «Место на Земле». Каждой выставке

Онежская. Автор Саши Салтанова. Выставка «Место на Земле» (куратор М. Домрачева). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабелиновой, 2021

был отведён отдельный этаж в пространстве Арт-галереи. Посетитель сначала знакомился с движением МЖК, а затем смотрел работы художников, посвящённые конкретным кейсам, связанным с градостроительными политиками и проблемами XX в.: от камерного проекта «Онежская», посвящённого экзистенциальному прощанию с домом детства екатеринбургской художницы Саши Салтановой или представления опыта жизни в израильской общине, исповедующей принципы пермакультуры в проекте «Хава ве Адам» («Земля и человек») художницы Саши Давай — до фильмов о спорных экспериментах по строительству идеальных городов Бразилиа в Бразилии и Чандигарх в Индии, а также современных попыток сообществ отстаивать своё право на жилище и самоуправление. Благодаря такому сквозному нарративу удалось вписать движение МЖК в позднем СССР в мировой контекст инициатив по строительству и защите права человека на место на Земле.

Хава ве Адам (Земля и человек). Автор Саша Давай. Выставка «Место на Земле» (куратор М. Домрачёва). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабалиновой, 2021

Если кратко передать сформированное и транслируемое на выставке «Что делает нас лучше» понимание движения МЖК, то оно суть следующее: концепция молодёжного жилого комплекса, соединяющая строительство жилья руками будущих жильцов с идеей конкурсного отбора кандидатов в МЖК, приводила в движение лучшую часть советской молодёжи. Изначально цель формирования коммунистической личности в сообществе МЖК возникла в силу необходимости получения одобрения компартии на перераспределение финансовых потоков в плановой экономике на строительство МЖК. Однако в ходе строительства жилых комплексов с развитой культурно-бытовой инфраструктурой заработали мотивационные механизмы, связанные с удовлетворением потребности человека в самореализации и признании в обществе. В МЖК концентрировалась молодёжь с активной жизненной позицией, здесь кипела общественная жизнь, работали клубы по интересам. Так, в МЖК-1 проводились фестивали, собиравшие мжковцев со всей страны. Негативные стороны МЖК — эксплуатация труда будущих жителей жилых комплексов и наличие теневой экономики, идеологизация инициативы и сложности мотивации членов МЖК к участию в общественной работе — на выставке уравнивались образами сотрудничества и счастья. Что, собственно, и отражало специфику самого феномена: будучи побочным продуктом несовершенства социалистической экономики, МЖК стали способом проявления лучших качеств их участников. Поэтому на выставке вдохновляющие аспекты движения МЖК превалировали над критическими оценками этого исторического явления.

Аудитории проекта и адресованные им форматы

Мжковцы. Для участников движения с сильной мжковской идентичностью обращение к теме выставки сегодня болезненно: они вынуждены вспоминать о потерянном счастье.

Также некоторые участники демонстрировали нежелание передавать полномочия рассказчика об их опыте третьим лицам: «А на каком основании посторонний (куратор проекта. — Л. С.) водит экскурсии по МЖК?»

Ряд ветеранов МЖК-1 были не готовы увидеть в проекте историю не только своего, но и других МЖК, считая только МЖК-1 явлением, заслуживающим исторической памяти. Всё это говорит о том, что рассказ об истории в присутствии её участников требует осторожной работы с ними.

Во время проведения исследования при подготовке проекта не со всеми мжковцами получалось легко установить контакт. Однако после реализации проекта — открытия выставок, презентации книги и т. п. — многие проявили желание поделиться своими архивами и воспоминаниями. Для них принципиально важной в проекте стала возможность сохранения памяти об их истории.

Современная молодёжь. Другой ключевой аудиторией проекта стали люди, для которых МЖК — это ничего не значащая аббревиатура. Выставка «Что делает нас лучше» была построена

Сюжеты о мастерке как символе движения ССО и МЖК в витрине на выставке «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабашиной, 2021

Альбом КМСО-9 в МЖК-4 из личного архива Г. Михайловой. Выставка «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабашиной, 2021

на сюжетах о том, чем стало движение МЖК для его участников: архитекторов, организаторов, строителей и жителей — взрослых и детей. Этот антропологический подход позволял развернуть разговор о МЖК в сторону человека. Опыт проведения экскурсий научил автора: нужно начинать рассказ не с описания сущности МЖК как экономического и идеологического явления, а предложить слушателям поставить себя на место молодой семьи, не имеющей квартиры, с перспективой ждать её получения в очереди на жильё 10–20 лет. Тогда слушатель способен был задаться вопросом о вариантах решения проблемы с жильём в условиях Советского государства.

Выставка сочетала в себе разные формы презентации материала:

- исторические документы из государственных и частных архивов;
- артефакты (альбомы КМСО МЖК, некоторые орудия труда, значки, памятная монета под первый камень МЖК и др.),
- инсталляции-метафоры (монумент строителям МЖК как фотозона, инсталляция с оранжевыми касками, детская кроватка с доской кульмана);

Интерактивная инсталляция-фотозона «Монумент строителям МЖК». Выставка «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабаиновой, 2021

Один из элементов инсталляции-фотозоны «Монумент строителям МЖК». Выставка «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабаиновой, 2021

Видеопанорама МЖК в разделе «Стали жить». Выставка «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабаиновой, 2021

Инсталляция «Кульман на детской кроватке» в разделе «Архитекторы МЖК». Выставка «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабаиновой, 2021.

Приведена цитата из интервью: «Когда удавалось ребёнку сдать бабушке в деревню, приходилось работать по МЖК в свободное от работы время — ночью, в праздники, и у меня был такой вот кульман установлен на детской кроватке, пока ребёнок в деревне. Огромное количество чертежей я разработал на таком кульмане. И потом он у меня стоял в МЖК, когда ребёнок вырос, удобно было складывать чертежи в кроватку...» (Е. Трубецков, соавтор архитектурного проекта МЖК-4)

- кураторские экспликации и многочисленные цитаты из интервью с мжковцами;
- видеопанорамы жилых комплексов МЖК в Екатеринбурге;
- архивные видео с выступлениями Евгения Королёва — лидера движения МЖК в Свердловске, ушедшего из жизни в 2010 г.;
- видеопанорамы с участниками МЖК, записанные при подготовке проекта;
- игровые форматы (напольная игра-ходилка по мотивам архивного документа «Положение об организации социалистического соревнования на Свердловском заводе электроавтоматики» и компьютерный квиз о принципах организации жилых комплексов; в монумент строителям МЖК можно было войти, ведро с цементом рядом с инсталляцией из касок предлагалось поднять).

Сочетание исторических документов и артефактов, инсталляций и игровых форм было нацелено на удовлетворение запросов аудитории на разнообразие посетительского опыта. Специально был разработан квест-путеводитель по всем площадкам проекта, чтобы побудить посетителей выставок отправиться посмотреть сами МЖК или мобильную выставку.

Для расширения аудитории проекта решено было не ограничиваться только площадкой Ельцин Центра (в Арт-галерее Ельцин Центра разместились основные выставки), но и охватить культурные центры районов, об МЖК которых

Напольная игра по мотивам Положения об организации соцсоревнования за выход в отряд на строительство МЖК. Выставка «Что делает нас лучше» (куратор Л. Старостова). Арт-галерея Ельцин Центра. Фото Л. Кабапиновой, 2021

рассказывает проект. Все три МЖК строились в спальных районах города: Кировском (МЖК-1), Верх-Исетском (МЖК-4) и Орджоникидзевском (МЖК УЗТМ). В МЖК-1 состоялись театральные перформансы, в МЖК-4 — реставрация исторического граффити, в рамках Клуба друзей Уралмаша в Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ) прошла встреча, посвящённая МЖК Уралмашзавода.

Граффити на тепловом пункте в МЖК-4, созданное в 2003 г. по заказу Совета МЖК. Екатеринбург. Фото А. Марченковой, 2020

Реставрация граффити на тепловом пункте в МЖК-4. Екатеринбург. Фото Л. Кабапиновой, 2021

Кроме того, мобильная выставка об истории и особенностях трёх МЖК города последовательно перемещалась из одного района в другой, пока не задержалась на 2,5 мес. на станции Екатеринбургского метрополитена.

В структуру проекта также вошли экскурсии по выставкам и самим МЖК. Помимо пешеходных экскурсий были разработаны аудиогиды для прогулок по трём МЖК на платформе iziTRAVEL. Сотрудники отдела музейной педагогики Музея Бориса Ельцина провели мастер-классы для детей в зоне выставок и серию паблик-токов «Выбираю этот город» о городском активизме для подростков. Отдел инклюзивных программ Ельцин Центра интегрировал в публичную программу проекта дискуссию «Без дома: как выбраться с улицы». А главный партнёр проекта — Центр поддержки и развития современного искусства ZAART — организовал пять театральных перформансов в МЖК-1, проведённых в квартирах, во дворах и в амфитеатре МЖК. Сокуратор проекта Екатерина Бухарова провела цикл занятий в лаборатории по сбору материалов и историй от мжковцев для создания виртуального музея МЖК-1. Тема включённости движения МЖК как социального и архитектурного явления в идеологию и эпоху модернизма была поддержана не только выставкой «Место на Земле», но и рядом лекций по истории архитектуры и градостроительных политик модернизма.

По итогам проекта была издана книга в двух томах: в первом представлены статьи и эссе, во втором — каталог проекта. На сегодняшний день эта книга — единственное законченное исследование истории трёх МЖК Екатеринбурга, куда включены ранее не публиковавшиеся документы и фотографии из публичных и частных архивов.

Проект «МЖК-1980» стал спецпроектом 6-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства, что позволило расширить аудиторию проекта.

Проведение мероприятий проекта в нескольких форматах было нацелено на привлечение разных категорий посетителей. Таргетинг по целевой аудитории форматов проекта можно увидеть в таблице.

Мероприятия проекта «МЖК-1980» и их целевая аудитория

МЕРОПРИЯТИЕ ПРОЕКТА	ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ
Выставки «Что делает нас лучше», «Место на Земле» и экскурсии по ним	Молодёжь (18–35 лет) Ветераны движения МЖК Аудитория современного искусства Дети бывших членов МЖК Активные горожане
Мобильная выставка «Дом, который построил я. МЖК Свердловска в рассказах участников»	Жители спальных районов Ветераны движения МЖК
Лаборатория «Музей МЖК-1»	Ветераны МЖК-1 Студенты
Реставрация граффити в МЖК-4	Дети бывших членов МЖК Жители спальных районов Активные горожане Ветераны МЖК-4
Паблик-токи «Выбираю этот город»	Подростки
Пешеходные экскурсии по МЖК	Активные горожане Молодёжь (18–35 лет)
Детские мастер-классы	Семьи с детьми
Театральные перформансы в МЖК-1	Аудитория современного искусства Активные горожане Молодёжь (18–35 лет) Жители и участники МЖК-1
Путеводитель по локациям проекта	Семьи с детьми Дети бывших членов МЖК
Лекции, кинопоказ, дискуссии Публикация книги	Исследователи архитектуры модернизма, новейшей истории России, истории города Активные горожане
Экскурсии по МЖК на iziTRAVEL	Туристы Жители спальных районов Активные горожане
Сувенирная линейка проекта	Туристы

Дизайн проекта основывался на фирменной айдентике МЖК-1 и образах суперграфики на фасадах крупнопанельных жилых домов Свердловска 1980-х гг. Современное прочтение символов движения и графических элементов прошлого (дизайнер проекта — Игорь Брук) ориентировано на акцентуацию идеи естественного роста, гармонии с природой, проявления творческого и конструктивного начала в движении МЖК.

В итоге аудитории были адресованы следующие ключевые послания:

Мжковцам: сохранить и передать новым поколениям их опыт, смягчив тем самым историческую травму 90-х гг.

Людам моложе 50 лет: задуматься о своей позиции по отношению к городу и собственному будущему, убедившись, что можно находить конструктивные решения в любых обстоятельствах.

Горожанам: локации с МЖК хранят уникальные истории гражданской инициативы и авторских архитектурных и градостроительных решений. История МЖК преподаёт нам поучительные уроки самоорганизации и сотрудничества при соблюдении баланса интересов отдельных людей и сообщества в целом.

Историкам: осмысление МЖК как исторического явления, кейса обладает потенциалом объяснить транзит российского общества в постсоветское состояние.

Всем: МЖК — это историко-культурное наследие, предмет гордости, требующий защиты и сохранения.

Общение с лидерами МЖК и ознакомление с некоторыми историями движения из других городов по документам, хранящимся в Архиве Президентского центра Б. Н. Ельцина, позволяют предположить, что в представленном явлении существовало гораздо больше аспектов для изучения, чем видно на примере истории трёх МЖК Свердловска. Однако и то, что уже удалось выявить, затрагивает множество разнообразных

тем, таких как архитектура, управление, экономика, культура, социальные процессы. Поэтому исследование истории других МЖК позволит глубже понять это движение не только как явление позднесоветской реальности, но и в контексте мирового опыта строительства социально значимых объектов. Материалы проекта «МЖК-1980» уже создали задел на пути к этой цели.

Список источников и литературы

1. Концепция молодёжного жилого комплекса в Свердловске. Машинописная рукопись / Архив А. Барабанова. — Свердловск, 1978.
2. 100 вопросов и ответов. Машинописная рукопись / Архив А. Ромашова. — Свердловск, 1978.
3. *Радов А.* Подмена // *Собеседник*. — 1987. — № 15 (164).

Snezhana Borodina,
Senior Researcher of the History
Department, The Stavropol State
Museum-Reserve, Stavropol

С. Н. Бородинa,
ст. науч. сотр. отдела истории
Ставропольского государственного
музея-заповедника, Ставрополь

**Обзор событий августа 1991 г. на Ставрополье.
Анализ архива краевой организации
Демократической партии России из фонда
Ставропольского государственного
музея-заповедника**

Аннотация. В статье рассматриваются события августа 1991 г. и реакция на них со стороны демократов Ставропольского края. В городе Ставрополе в январе 1991 г. была образована мощная краевая политическая ячейка Демократической партии России. Председателем правления был избран Василий Александрович Красуля, именно он спустя 27 лет передал в Ставропольский государственный музей-заповедник личный архив партии. Август 1991 г. на Ставрополье был отмечен волной митингов, собраний краевой демократической организации и многодневной голодовкой демократов на центральной площади города.

Ключевые слова: августовский путч, демократы, Демократическая партия России, Ставропольский край, Ставрополь, митинг, голодовка, Красуля, КПСС, Ельцин, СССР, Россия, выборы, президент, ГКЧП.

The review of events in August 1991 in the Stavropol territory. Analysis of the regional organization archive of the Democratic party of Russia from the fund of the Stavropol state museum-reserve

Abstract. The events of August 1991 and reaction to them from the democrats of the Stavropol region are discussed in this article. Strong regional political unit of the Democratic Party of Russia was formed in the city of Stavropol in January 1991. Vasily Alexandrovich Krasulya was elected chairman of the governance, it was he, who submitted his personal archive of the party to the Stavropol State Museum-Reserve 27 years later. In the region, August 1991 was marked by a wave of rallies, meetings and a multiday hunger strike of democrats in the central square of the city.

Keywords: the August putsch, democrats, Democratic Party of Russia, Stavropol territory, Stavropol, rally, hunger strike, Krasulya, CPSU, Yeltsin, USSR, Russia, elections, president, GKChP (the State Committee in National Emergency).

Весной 2019 г. Василий Александрович Красуля передал в фонды Ставропольского государственного музея-заповедника личный архив. Для краеведов и историков данный материал является уникальным: в 1990-е гг. В. А. Красуля сыграл значимую роль в общественных и политических событиях в Ставропольском крае, его архив охватывает период с 1987 по 1999 г. Василий Александрович понимал значение документов того времени, поэтому бережно их сохранил [1].

В данной статье рассматриваются события августа 1991 г., позднее получившие название «августовский путч». Изучая документальные источники, можно проследить восприятие современниками событий, которые имели важные политические и социальные последствия для края и страны.

В декабре 1990 г. образовалась Демократическая партия России (ДПР) под председательством Н. И. Травкина. В конце января 1991 г. на первой городской конференции ДПР в Ставрополе председателем правления был назначен В. А. Красуля [3].

В своих выступлениях он не раз отмечал, что в стране наблюдается кризис власти, экономики, национальный кризис и морально-политический. Главной задачей новой партии являлось отстранение КПСС от власти. И для этого нужно было принимать решительные меры. На выборах в Ставропольский

*В. А. Красуля — доверенное лицо Президента России. 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

городской совет прошли несколько депутатов от ДПР, проводился сбор подписей, выставлялись пикеты [4]. На собрании партии было принято решение переходить к более активным действиям. В первую очередь участники собрания требовали отставки председателя Ставропольского крайкома КПСС И. С. Болдырева и его команды, а также отзыва тех депутатов СССР и РСФСР, которые не выражали интересы избирателей [6].

В июне 1991 г. Василий Александрович Красуля стал доверенным лицом Б. Н. Ельцина [5]. Люди возлагали большие надежды на демократические выборы и новую, демократически избранную власть. Однако события августа изменили запланированный ход истории.

30 лет назад планировалось подписание Союзного договора, который должен был преобразовать СССР в Союз Суверенных Государств. Подписание договора было назначено

*Митинг Демократической партии России. 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

на 20 августа. Но попытка государственного переворота, получившего название «августовский путч» — попытка отстранения М. С. Горбачёва с поста Президента СССР и смены проводимого им курса, предпринятая самопровозглашённым Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП), изменила предполагаемый ход истории. Президент РСФСР Б. Н. Ельцин и его единомышленники стали в центре сопротивления ГКЧП.

В понедельник 19 августа было объявлено о передаче власти в стране неконституционному ГКЧП, который в средствах массовой информации назвал указы Президента РСФСР недействительными по всей стране [9].

В этот день с самого утра в штаб-квартире Ставропольского отделения ДПР собрались руководители движения. Они осудили антиконституционный переворот, заявили о своей безусловной поддержке Президента РСФСР Б. Н. Ельцина

*Выступление на митинге Демократической партии России. 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

*Участники митинга Демократической партии России. 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

и о непризнании так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению. Было принято решение начать организацию сопротивления выполнению распоряжений самочинного комитета [7].

Днём демократические силы провели митинг на площади 200-летия города Ставрополя, в котором приняли участие около двух тысяч человек. Участники митинга призывали жителей города быть готовыми к всеобщей политической стачке [9]. Интересно, что власть, скорее всего, принимала какое-то

*Митинг Демократической партии России. 19 августа 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

*Лозунг митинга Демократической партии России. 19 августа 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

участие в этих событиях, потому что команды разгонять митинг не было [1].

В этот день Ставропольский городской исполком принял решение «О приостановке деятельности студии кабельного ТВ», в связи с введением в стране чрезвычайного положения и контроля за средствами массовой информации [10].

На следующий день, 20 августа, руководители демократического движения, народные депутаты краевого Совета (В. Красуля, С. Попов, Е. Бородин, Г. Дубовик и А. Ельников) подписали заявление о создании инициативной депутатской группы по контролю за соблюдением Конституции РСФСР и указов Президента России на территории Ставропольского края [9].

Их требования включали созыв 22 августа внеочередной сессии краевого совета, на которой планировалось обсудить вопрос о неконституционности действий ГКЧП, а также о необходимости трансляции полной и объективной информации

о политической ситуации в России и на Ставрополье по краевому радио и телевидению, в других средствах массовой информации [7]. Демократы призывали граждан Ставропольского края поддержать действия инициативной группы ДПР.

По телефону текст заявления ставропольской группы был передан в службу Г. Э. Бурбулиса, государственного советника Президента Российской Федерации. Оттуда последовало подтверждение полномочий группы. По поступившим из Кисловодска сведениям, подобная группа была создана и там 21 августа [10].

В ночь с 20 на 21 августа представители краевой организации ДПР обращались к различным представителям советской власти края и города с предложением объединить силы для конкретных действий против ГКЧП. По утверждениям представителей ДПР, никакого конкретного ответа на свои предложения они не получили.

Например, Ю. И. Бурлуцкий, заместитель крайсовета народных депутатов, получил звонок от демократов с сообщением, что в Москве начался штурм здания Верховного Совета РСФСР и нужно принимать меры. По официальным каналам информация не подтвердилась, поэтому он заявил, что для края главное сейчас — сохранять спокойную обстановку, не допустить впадения в крайности экстремистского толка. Бурлуцкий настоятельно советовал представителям ДПР прислушаться к его словам. Однако от сотрудничества со всеми политическими группировками в крайсовете никто из демократов не отказывался [10].

Сохранилось заявление правления Зеленчукской районной организации ДПР с теми же требованиями. В источнике указано, что в трагические для страны дни 19–21 августа руководители местных органов власти и управления Зеленчукского района повели себя трусливо и заняли выжидательную позицию. Имея все возможности, они не решились проинформировать

жителей о происходящих событиях, в частности передать по радио обращение руководства РСФСР к гражданам России и указы Президента РСФСР [7].

В экстремальных условиях работала редакция Ставропольской общественно-политической газеты «Утро». По независимым каналам документы Верховного Совета РСФСР и указы Президента России стали поступать в регион во вторник, 20 августа. Редакция приняла решение, несмотря на запреты комиссии краевого Совета по связям с прессой, опубликовать их. Графики набора текста были существенно нарушены, но никто из работников типографии не отказал редакции. Даже когда в районе 23 часов в издательстве отключили электричество (электросеть объяснила это происшествие техническими причинами), они не бросили работу: набор последней полосы выполнялся при фонарях. Газета вышла в среду утром [10].

21 августа на улицах Ставрополя вновь стояли люди с плакатами. Требования были такие: признать образованный в результате государственного переворота ГКЧП неконституционным, а его деятельность — преступной; немедленно восстановить в правах и обязанностях незаконно отстранённого от власти Президента СССР М. С. Горбачёва; поддержать и неукоснительно исполнять указы Президента РСФСР Б. Н. Ельцина. Акция была проведена в районах Ставропольской государственной филармонии и центрального универмага [10].

В 19 часов на площади 200-летия города Ставрополя состоялся митинг, посвящённый свержению гёкачепистов. Его участники поздравили друг друга и всех горожан с победой. Собравшиеся единодушно поддержали предложение демократов о проведении общегородского митинга в четверг, 22 августа, на главной площади Ставрополя — площади Ленина [10].

22 августа вышел спецвыпуск газеты ДПР «Гражданский мир» со статьёй В. А. Красули «Хроника неудавшегося государственного переворота». Здесь он сообщил о разгроме ГКЧП, о народе России, продемонстрировавшем всему миру, что он способен встать на защиту свободы и демократии. А также дал анализ хода событий в городе и крае [9]. По его мнению, в дни антигосударственного мятежа руководители Ставропольского краевого совета и крайисполкома заняли соглашательскую выжидательную позицию, не осудили организаторов путча как государственных преступников, не заявили о своём непризнании так называемого ГКЧП, не поддержали призывы Президента РСФСР Б. Н. Ельцина об организации сопротивления авантюристам, не предприняли никаких шагов для ознакомления населения края с позицией российского руководства. В самых широких слоях ставропольской общечественности крепло убеждение в том, что президиум краевого совета, крайисполком, и прежде всего его руководители — И. С. Болдырев и В. П. Травов, скомпрометировали себя попытками сфальсифицировать события тех тревожных дней [7].

23 августа в Москве Президент РСФСР Б. Н. Ельцин подписал указ «О приостановлении Коммунистической партии РСФСР». В этот же день был упразднён краевой комитет КПСС. Очевидцы рассказывали, как первый секретарь крайкома КПСС (ещё вчера — всесильный партийный хозяин Ставрополя) И. С. Болдырев после упразднения молча развернулся и побрёл в противоположное крыло здания, в кабинет председателя краевого совета. Красное знамя, трепетавшее над ставропольским «Белым домом», в тот же день струйкой соскользнуло по флагштоку, и на кончике иглы взметнулся бело-сине-красный флаг [2, с. 19].

В архиве В. А. Красули сохранилось заявление Ставропольского краевого совета народных депутатов, в котором указывалось на распространение недостоверных сведений

о позиции государственных и политических органов Ставропольского края во время попытки государственного переворота в стране [8].

В другом заявлении говорилось, что во время предпринятой группой высших должностных лиц попытки государственного переворота представительные и исполнительные органы власти в Ставропольском крае не поддались на провокацию и преступные действия, сохраняли выдержку, обеспечивали нормальное функционирование законных государственных структур, а распоряжения ГКЧП не выполняли [7].

В. А. Красуля на эти заявления ответил на страницах общественно-политической газеты «Утро» (№ 63 от 23 августа 1991 г.): «Отношение к заявлению сдержанное и двойственное. И не только потому, что оно расходится с нашим пониманием событий. Такое отношение диктует сам характер заявления. С одной стороны, в нём нет оголтелой поддержки

*Акция протеста (голодовка). 27 августа 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника*

*Участники акции протеста (голодовки). 28 августа 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного
музея-заповедника*

ГКЧП, но с другой, — содержится попытка соединить несоединимое — выполнить одновременно законы Союза и России. Мы выступаем за отставку Горбачёва, но конституционным путём» [10].

О необходимости более решительных действий демократы заговорили после того как узнали, что 22–23 августа в Ставрополь приезжал представитель Верховного Совета РСФСР В. Жураковский. Он встретился с И. С. Болдыревым, заверившим его, что в крае всё хорошо. Желания пообщаться

В. А. Красуля на акции протеста (голодовке).
27 августа 1991 г.
Из фондов Ставропольского
государственного музея-заповедника

с демократами В. Жураковский не выказал [1]. Краевое отделение ДПР приняло решение объявить голодовку.

Объявленная акция началась 26 августа в 18 часов на площади Ленина. Первыми её участниками стали В. Красуля, Г. Дубовик, С. Попов — народные депутаты краевого совета,

Л. Евсеева — народный депутат Ставропольского горсовета, Т. Казначеева — доцент кафедры философии Ставропольского пединститута, В. Мезенцев — член правления краевой организации ДПР, Е. Сулова — секретарь редакции газеты «Гражданский мир» и А. Колпаков — машинист гортеплосети [11].

Горожане, прогуливающиеся в этот вечер по центральной площади, наткнулись на «цыганский табор» с раскладушками, одеялами и подушками. Через два дня бивак у подножия «Белого дома» разросся до размеров палаточного городка. Милиционеры патрулировали город неподалёку и отстранённо поглядывали на бушевавший около палаток нескончаемый митинг [2, с. 21].

Требования участников голодовки были поддержаны на сессиях Ставропольского, Кисловодского и Лермонтовского горсоветов, а также Промышленного райсовета города Ставрополя.

Участники акции протеста — ярые сторонники Демократической партии России — требовали, чтобы руководство края ушло в отставку, а главу администрации Ставропольского края назначил Президент РСФСР Б. Н. Ельцин. По их мнению, во время попытки государственного переворота краевое руководство заняло предательски выжидательную

Продолжение акции протеста (голодовка). 28 августа 1991 г.
Из фондов Ставропольского государственного музея-заповедника

позицию. Под обращением за отставку краевого руководства поставили свои подписи более 3,5 тысяч ставропольцев.

Участников протеста поддержал коллектив бухгалтерии издательства газеты «Ставропольская правда», требование об отставке краевого руководства подписал коллектив Ставропольской обувной фабрики СПТОО «Кавказ», сотрудники Ставропольского ЦНТИ, коллектив УКПТО «Ставрополь-автотранс» и др. [11].

28 августа на площади Ленина состоялся митинг солидарности с участниками голодовки протеста. В митинге приняли участие около 4 тыс. ставропольцев [11].

В архиве сохранилось обращение к участникам политической акции от краевого совета народных депутатов с призывом прекратить голодовку. Предлагали встать на путь конструктивного сотрудничества с законно избранными органами власти и подходить к решению проблем на основе Конституции и Законов РСФСР [11].

В своей книге «Мы родились, чтобы быть свободными» В. А. Красуля писал, что 29 августа И. С. Болдырев созрел для переговоров. Предложил ему должность заместителя председателя крайисполкома. Это означало, что власть к тому времени была полностью деморализована. До этого события на протяжении 10 дней демократы призывали к диалогу с официальной властью, но получали только отказ. Предложение В. А. Красуля не принял [2, с. 31].

30 августа на площади к голодающим подошел незнакомый мужчина и попросил на митинге огласить некий документ. В нём сообщалось, что вчера (29 августа) проходило совещание у М. Н. Соловьёва (заведующего организационным отделом президиума крайсовета) по обеспечению внеочередной сессии краевого совета. Большая роль отводилась безопасности, главной задачей стало не допустить проникновения тех, кто может дезорганизовать сессию или сорвать её. «Поэтому наглухо закрываются железные ворота со стороны драмтеатра, “вход в комсомол”, выход из холла первого этажа с ул. Дзержинского во двор, будет закрыта “парадная дверь”, вход от памятника». Выделено соответствующее количество работников милиции — как в форме, так и в гражданском [11].

31 августа прошла сессия краевого совета, которая одобрила позицию президиума совета в дни путча. Депутаты большинством голосов отказались внести в повестку дня вопрос о недоверии И. С. Болдыреву. В заявлении для прессы участники голодовки так охарактеризовали поведение власти: депутаты показали, что они ещё не осмыслили сути и глубины произошедших в стране перемен и не готовы идти в ногу с требованиями демократических преобразований [11].

По мнению представителей краевого отделения ДПР, к 31 августа голодовка протеста стала акцией огромной политической важности. На площади Ленина в течение недели проходил

постоянно действующий митинг, в котором приняли участие около 50 тысяч человек. Сотни тысяч ставропольчан лучше познакомились с позицией демократических сил, морально подготовились к политической борьбе с номенклатурой.

Голодовка, не достигнув своей основной цели — немедленного смещения краевого руководства, подготовила почву для второго, более мощного и организованного штурма, который необходимо было осуществить большими силами, чем группа голодающих депутатов и их сторонников.

Демократы убедились, что краевое руководство, не выступившее против хунты, подтвердило преданность ей. Все испробованные методы, вплоть до голодовки депутатов, оказались бессильны. Впереди предстояла большая работа. Исходя из этого, правление городской организации ДПР обратилось к участникам голодовки с просьбой прекратить акцию 2 сентября в 18 часов, для того чтобы восстановить силы и включиться в подготовку более мощной акции протеста, которая мирными средствами должна была содействовать устранению дискредитировавшего себя в глазах населения края руководства краевого совета [11].

В конце 1991 г. Василий Александрович Красуля, один из организаторов сопротивления коммунистической власти в городе, был назначен вице-губернатором Ставропольского края. Вместе с ним во власть пришли и его единомышленники. Оказавшись на высших постах и распоряжаясь отраслями и финансовыми потоками, они сохранили верность своим демократическим идеалам, закалённым в сложной политической борьбе.

Список источников и литературы

1. Интервью с В. А. Красулей, май 2019 г.
2. Красуля В. А. Мы родились, чтобы быть свободными. — Ставрополь : Блиц-Инфо, 2015. — 277 с.

3. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/2.
4. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/5.
5. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/19.
6. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/22.
7. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/28.
8. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/29.
9. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/30.
10. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/32.
11. СГМЗ. Ф. 130. Ед. хр. 81. Оф. 41149/35.

И. В. Островская,
канд. ист. наук, доц. каф.
«Музейное дело и охрана
памятников историко-
культурного наследия»
Севастопольского государственного
университета, Севастополь

Даёшь референдум! Из истории проведения Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. в Севастополе

***Аннотация.** В статье раскрывается процесс подготовки и проведения в Севастополе 17 марта 1991 г. Всесоюзного референдума о сохранении Союза ССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик. Отдельное внимание уделено участию в нём моряков Черноморского флота, а также крымско-татарского населения, которое ранее бойкотировало проведение общекрымского референдума 20 января 1991 г. Обращается внимание на отличительную особенность процесса проведения Всесоюзного референдума в Севастополе — включение в опрос населения пункта о судьбе УССР в составе Союза Советских Суверенных Государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины.*

***Ключевые слова:** Всесоюзный референдум 17 марта 1991 г., Севастополь, Черноморский флот, Декларация о независимости Украины, СССР, Севастопольский горком КПУ, IV съезд народных депутатов СССР.*

*Inna Ostrovskaya,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
“Museum Business and Protection
of Monuments of Historical and
Cultural Heritage” of Sevastopol State
University, Sevastopol*

You give a Referendum! From the history of the All-Union referendum on March 17, 1991 in Sevastopol

***Abstract.** The article reveals the process of preparation and holding in Sevastopol on March 17, 1991 of the All-Union referendum on the preservation of the USSR as a renewed federation of equal sovereign republics. Special attention is paid to the participation of sailors of the Black Sea Fleet, as well as the Crimean Tatar population, which previously boycotted the holding of the all-Crimean referendum on January 20, 1991. A distinctive feature of the process of holding the All-Union referendum in Sevastopol was the inclusion in the population survey of the item on the fate of the Ukrainian SSR as part of the Union of Soviet Sovereign States on the basis of the Declaration of State Sovereignty of Ukraine.*

***Keywords:** All-Union referendum on March 17, 1991, Sevastopol, Black Sea Fleet, Declaration of Independence of Ukraine, USSR, Sevastopol City Committee of the Communist Party, IV Congress of People's Deputies of the USSR.*

Во второй половине 1980-х гг., когда республики союзного государства выстроились на «парад суверенитетов», реальной формой выражения волеизъявления граждан, способной оказать влияние на органы власти — союзные, республиканские, — являлось всенародное голосование — референдум как

наиболее выраженная форма политического участия граждан в решении актуальных вопросов регионального сообщества. Такое решение было вполне ожидаемым, учитывая активно идущий процесс демократических преобразований в обществе.

Особое значение для новейшей истории Крыма и Севастополя имели события 1991 г. Только в один год крымчане и севастопольцы стали участниками четырёх опросов населения: по статусу Крыма и г. Севастополя (20 января), по сохранению обновлённого Союза ССР, по статусу Украины в рамках обновлённого Союза (17 марта), всеукраинского референдума в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 г. (1 декабря).

Изучению предложенной темы посвящены работы российских исследователей А. В. Баранова [2], Г. В. Синцова [11], А. А. Собянина и В. Г. Суховольского [12], а также крымских и севастопольских — А. В. Мальгина [8], В. П. Дюличева [3], М. С. Колесова [7], И. В. Островской [9] и др. Интерес представляют воспоминания участников тех событий в Крыму и Севастополе: А. А. Форманчука [13], Н. В. Багрова [1], И. Ф. Ермакова [4] и др. Обобщающий материал по данной тематике содержится в коллективных монографиях по истории Крыма (2019) [5] и Севастополя (2021) [6].

Ещё с осени 1990 г. в региональном сообществе обсуждалась проблема восстановления упразднённой в 1944 г. Крымской АССР как территориального образования со статусом субъекта Союза ССР. Решение о проведении общекрымского референдума по вопросу воссоздания Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора было принято Крымским областным Советом народных депутатов 12 ноября 1990 г. Датой референдума было назначено 20 января 1991 г. В итоге большинство жителей полуострова поддержали воссоздание автономного статуса региона в составе Украины. Это

коллективное решение имело важное значение в преддверии принятия обновлённого союзного договора, над которым шла работа в верхних эшелонах власти.

В рамках мероприятия общегосударственного значения в Севастополе прошёл опрос среди горожан о его статусе как города особого, центрального подчинения. Непредсказуемость последствий процессов, идущих в УССР и связанных прежде всего с националистическими лозунгами, заставляла севастопольцев заявить о своём праве на сохранение особого статуса города, а при благоприятных условиях и повысить его. К тому же новый правовой статус города мог бы способствовать расширению прав и увеличению возможностей городского совета в решении экономических и социальных проблем, которые нарастали с каждым днём. Город остро ощущал нехватку воды, ухудшение поставок продовольствия, рост цен. Однако результаты опроса-референдума были приняты к сведению, но не имели практического воплощения, так как этот вопрос должен был решаться в процессе межгосударственного урегулирования.

Важно отметить, что опыт общекрымского референдума был широко использован при подготовке Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. по вопросу сохранения Союза ССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик.

Перестройка обнажила тысячи проблем, волновавших общество. Но две из них обсуждались буквально в каждой семье: куда заведёт нас рынок и что будет завтра с Союзом?

24 декабря 1990 г. депутаты IV съезда народных депутатов СССР, проведя поимённое голосование, постановили считать необходимым сохранение Союза ССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере обеспечиваться права и свободы человека любой национальности. Заметим, что первоначально

планировалось вынести на обсуждение пять вопросов, включая вопрос о частной собственности на землю. Впоследствии по просьбе Президента СССР М. С. Горбачёва решили отказаться от выноса его на публичное обсуждение. Съезд народных депутатов СССР 27 декабря 1990 г. постановил ввести в действие принятый им в тот же день Закон СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР)». Это был единственный за всю историю существования СССР всенародный референдум. Добавим, что голосование проходило в девяти республиках Советского Союза из пятнадцати. Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия официально отказались проводить референдум, хотя часть населения этих республик всё же смогла проголосовать на избирательных участках, организованных отдельными Советами народных депутатов и общественными организациями.

Представители парламентского большинства Верховного Совета УССР поддержали проведение референдума, однако добиться единодушной поддержки своих сторонников им не удалось. Часть депутатов-коммунистов критиковали идею референдума. Председатель Верховного Совета Л. М. Кравчук назвал референдум надуманным, ведь содержание бюллетеня противоречило Декларации о государственном суверенитете Украины. Напомним, что сама декларация была принята 16 июля 1990 г. Верховным Советом УССР, а её принятию способствовало, с одной стороны, настроение масс в республике, а с другой — провозглашение 12 июня 1990 г. государственного суверенитета РСФСР. Государственный суверенитет Украины декларация характеризовала как «верховенство, самостоятельность, полноту и нераздельность власти республики в пределах её территории и независимость и равноправие во внешних сношениях».

Чтобы не обострять отношений с центром, Л. М. Кравчук предложил одновременно с общесоюзным референдумом

провести опрос населения УССР. За это предложение проголосовало подавляющее большинство депутатов Верховного Совета УССР. Особую позицию в отношении референдума заняли областные советы Тернопольской, Ивано-Франковской и Львовской областей. Кроме всесоюзного и республиканского, в них было решено провести ещё и региональный опрос населения. Здесь предлагалось дать ответ на вопрос: «Хотите ли вы, что бы Украина стала независимым государством, самостоятельно решающим все вопросы внутренней и внешней политики, обеспечивающим равные права гражданам независимо от их национальной и религиозной принадлежности?» Накануне референдума появился новый проект союзного договора, предусматривавший расширение прав республик в рамках обновлённого Союза. Церемония подписания договора между РСФСР и некоторыми другими союзными республиками была назначена на 20 августа 1991 г.

Общественно-политическая жизнь в Крыму и Севастополе накануне референдума была весьма оживлённой как следствие проведённых в январе опросов населения. Обком и Севастопольский горком коммунистической партии Украины (КПУ) выражали обеспокоенность некой усталостью населения, возможной «политической апатией», которые могли повлиять на явку. Поэтому к подготовительной работе подключили армию агитаторов, инструкторов идеологических отделов райкомов КПУ, городскую газету, учредителем которой являлись горком КПУ и городской совет народных депутатов. Среди населения активно распространялась памятка участнику референдума.

В списки для голосования в рамках всесоюзного референдума по Севастополю был внесён 316 421 гражданин, а в списки по опросу населения Украины — 312 885 человек. Участие в голосовании по вопросу референдума приняли 74,7 %, в опросе населения Украины — 74,5 % избирателей-севастопольцев.

За сохранение Союза ССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности, проголосовало 196 410 жителей города (83,1 % голосовавших). Отрицательный ответ по вопросу референдума СССР дал 35 961 участник (15,2 % голосовавших). 4015 бюллетеней для голосования по референдуму признаны были недействительными [10].

За Украину в составе Союза Советских Суверенных Государств высказались 196 368 севастопольцев, что составило 84,2 % голосовавших, против — 32 351 участник опроса (13,9 %). 4422 бюллетеня для голосования в опросе граждан УССР были признаны недействительными. Таким образом, в результате голосований, состоявшихся в ходе референдума СССР и опроса населения УССР, большинство горожан сказали твёрдое «ДА» сохранению Союза ССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик и Украине в составе Союза [10].

Что же касается в целом населения УССР, то за Украину в составе Союза Советских Суверенных Государств на началах Декларации о государственном суверенитете проголосовало 80,2 % населения республики, участвовавшего в опросе. «ЗА» СССР как обновлённую федерацию равноправных суверенных республик высказалось 70,5 % украинских избирателей. Получается, что большинство избирателей в обоих случаях высказались за разные, альтернативные, формы национально-государственного устройства [10].

В фондах Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя хранятся бюллетени данных референдумов, поступившие сюда буквально через два дня после проведения голосования. Документы были переданы из Севастопольского горкома КПУ и имеются в единичном экземпляре. Также небольшой комплекс по данной тематике включает

и листовку комитета «Референдум — суверенная Украина». Её главный лейтмотив звучит примерно так: «Обновлённой Кремлёвской федерации — нет!» Листовка распространялась в поезде «Москва — Севастополь», содержала сравнительную таблицу, в которую были внесены показатели разных стран по наличию природных ископаемых в сравнении с Украиной, и подводила к мысли о возможности существования Украины как независимого государства. Данный документ времени свидетельствует о деятельности в 1990–1991 гг. альтернативных общественных организаций националистического толка на территории юга республики.

Несмотря на эту «подпольную деятельность» украинских националистов, за положительное решение вопроса о судьбе обновлённого Союза проголосовало 87,4 % избирателей Крымской АССР, а в Севастополе, напомним, — 83,1 % голосовавших [10]. Крымчане и севастопольцы проявили полное единодушие по вопросу сохранения Союза государств в обновлённом виде.

Материальная база крымского референдума (20 января 1991), его актив, комиссии, штабы, налаженное взаимодействие между ними активно использовались при организации мероприятия всесоюзного масштаба. Но были и трудности, связанные с проведением референдума на территории поселковых и сельсоветов. Так, например, в сельской зоне проживали сотни семей крымско-татарского населения, и подавляющая часть из этих семей отказалась принимать участие в общекрымском референдуме. Однако, как утверждали члены городской комиссии по проведению референдума, данная категория граждан проявила большой интерес к всесоюзному референдуму.

По Союзу в целом выделили 118 млн рублей на организацию референдума. В Севастополе — по 600 рублей на каждый из 300 участков плюс средства на дополнительные расходы, — в целом 226 тыс. рублей.

Особенностью заполнения бланка Всесоюзного референдума по вопросу об СССР было то, что его участники должны были сделать вполне определённый выбор при ответе, подчеркнув «ДА» или «НЕТ». В голосовании по первому основному вопросу («Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?») принимали участие все те, кто проживал на данной территории, проходил здесь воинскую службу, учился, прибыл в отпуск или командировку.

Постановлением Верховного Совета УССР от 27 февраля 1991 г. на окружные комиссии всесоюзного референдума была возложена обязанность его проведения и опроса среди жителей УССР. В бюллетене, таким образом, стоял второй вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских Суверенных Государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины?» У севастопольцев по этому поводу возник вопрос: «Почему Союз суверенных республик предлагался на началах Декларации о суверенитете Украины, а не на основе Союзного договора?»

По второму вопросу голосовали все те, кто проживает или проходит службу на территории УССР. Предварительное голосование в рамках референдума предусмотрено не было. Отъезжающим выдавалось удостоверение, по которому они могли голосовать в любой точке страны.

Распределение участков — их нумерация и границы — совпадали с предыдущим (крымским) референдумом. Вопрос, вынесенный на референдум, считался принятым решением, если в голосовании участвовало более половины граждан, внесённых в списки для голосования, и в результате референдума его одобрило более половины граждан, принявших участие в голосовании.

На Украине же итоги всесоюзного, республиканского и регионального референдумов расценили как мандат на создание независимого государства. Проведение общекрымского и Всесоюзного референдумов, а также опросов среди жителей Севастополя и Украинской ССР показало на практике высокую степень гражданской и политической активности региональных сообществ, их стремление с помощью форм прямой демократии решать актуальные проблемы. Данные события позволяют сделать вывод о том, что участие в коллективном политическом действии способно стать мощным стимулом для активизации действий граждан в развитии их политических воззрений. Результаты же Всесоюзного референдума о сохранении СССР показали готовность граждан страны жить в обновлённой федерации, где расширились полномочия её участников и сохранялись политические и иные права человека. Однако у политических элит были иные, более радикальные планы на будущее их республик, что и показало недалёкое будущее.

Список источников и литературы

1. *Багров Н. В.* Крым. Время надежд и тревог. — Симферополь : Таврида, 1995.
2. *Баранов А. В.* Русские политические движения Крыма и Севастополя: ресурсы влияния, позиционирование, повестка дня активности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2014. — № 2. — С. 75–84.
3. *Дюличев В. П.* Крым. История в очерках. XX век. — Симферополь : Бинькин, 2005.
4. *Ермаков И. Ф.* Севастополь может... — Симферополь : Таврида, 2013.
5. История Крыма [Крым в истории, культуре и экономике России]: 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. — Москва : Кучково поле, 2019.

6. История Севастополя : в 3 т. Т. III. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. — Севастополь : Альбатрос, 2021.

7. *Колесов М. С.* Россия и Крым на рубеже двух эпох : публицистика. — Севастополь : ЭКОСИ-Гидрофизика, 2006.

8. *Мальгин А. В.* Крымский узел: очерки политической истории Крымского полуострова. 1989–1999. — Симферополь : Новый Крым, 2000.

9. *Островская И. В.* На разломе. Из истории становления и развития русского движения в Крыму и Севастополе 1991 — март 2014 г. — Симферополь : Антика, 2019.

10. Сообщение окружной комиссии по референдуму СССР и опросу населения УССР // Слава Севастополя. — 1991. — № 52. — 19 марта.

11. *Синцов Г. В.* Референдумы в новейшей истории России // Законодательство и экономика. — 2005. — № 11.

12. *Собянин А. А., Суховольский В. Г.* Демократия, ограниченная фальсификациями : Выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. — Москва : ИНТУ, 1995.

13. *Форманчук А. А.* Крымская власть (от Багрова к Аксёнову). — Симферополь : Доля, 2017.

Н. В. Елисеева,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
проф. УНЦ «Новая Россия.
История постсоветской России»
исторического факультета
Историко-архивного института
Российского государственного
гуманитарного университета

К вопросу о причинах распада СССР. Историографический аспект

Аннотация. Проблемы распада СССР являются актуальными не только в политико-правовом и историческом, но и в историографическом аспекте. Изучение истории сложных процессов распада крупнейшего государства в мире в конце 1991 г. требует разработки методологии анализа, обобщения научных подходов, применяемых методик в ходе процесса познания причин, экономических и политических предпосылок этого исторического явления. В статье предпринята попытка систематизации историографии изучения распада СССР отечественными исследователями в последние годы, проанализированы методологические и теоретические концепции авторов, дана характеристика периодизации отечественной историографической мысли по проблеме.

Ключевые слова: СССР, историография, методология, распад, концепции, методики.

Natalya Eliseeva,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher,
Professor of the UNC "New Russia.
History of Post-Soviet Russia" of the
Historical Faculty of the Historical
and Archival Institute of the Russian
State University for the Humanities

On the question of the causes of the collapse of the USSR. Historiographical aspect

Abstract. The problems of the collapse of the USSR are relevant not only in political, legal and historical aspects, but also in historiographical. The study of the history of the complex processes of the collapse of the largest state in the world at the end of 1991 requires the development of a methodology for analysis, generalization of scientific approaches, applied techniques during the process of cognition of the causes, economic and political prerequisites of this historical phenomenon. The article attempts to systematize the historiography of the study of the collapse of the USSR by domestic researchers in recent years, analyzes the methodological and theoretical concepts of the authors, characterizes the periodization of domestic historiographical thought on the problem.

Keywords: USSR, historiography, methodology, disintegration, concepts, methods.

Изучать историографию того или иного вопроса можно, хронологически выстраивая работы по теме или вычлняя области интересов в этих работах. При этом важно учитывать идеологические предпочтения авторов, ибо современное российское гуманитарное пространство далеко не единообразно, а представлено разными идеологиями: от социалистических

до либеральных, от националистических до патриотических и т.д.

Историография развивается, как известно, в определённом историческом контексте. Представляется, что это контекст можно периодизировать. Первый период, перестроечный — это время формирования политической стратегии победивших в конце перестройки сил — российских демократов. Второй период, 1990-е гг. — время других победителей — российских либералов. Они задавали тон реформам по переходу страны на новую, капиталистическую парадигму развития. Третий период, 2000-х гг. — время формирования новой государственно-патриотической идеологии и процессов стабилизации социально-экономического развития страны. Подчеркнём, что в зависимости от времени фокус интересов исследователей и идеологических приоритетов к проблемам причин распада СССР менялся.

В данной статье остановимся на первом периоде, в который были заложены основы концепции изучения СССР и причин его распада в отечественной историографии. В следующие периоды эта концепция трансформировалась, становилась более противоречивой, чем была в своём первоначальном виде.

Вопросы причин возникновения государств и их крушений всегда были чрезвычайно спорными в историографии. Так случилось и с историей гибели Советского Союза, к причинам которой обращаются исследователи разных научных дисциплин и идеологических предпочтений. Причём интерес к теме не только не ослабевает, но усиливается с годами. По наблюдениям петербургского историка Б. Н. Миронова, на 1 августа 2020 г. только в России опубликовано более 300 книг, 3 тыс. статей и 20 диссертаций на данную тему [1, с. 132–147]. Однако ответ на вопрос, почему СССР устоял в годы Великой Отечественной войны и распался в мирное время, так и не получен. Даже в определении этого события

среди исследователей нет единства. Его называют распадом, развалом, разгромом, крушением, гибелью, дезинтеграцией и т.д. За каждым из этих определений просматривается концепция, которой руководствуется тот или иной автор.

Первые оценки распада СССР, зафиксированного в Беловежских соглашениях 8 декабря 1991 г., были сделаны российскими политиками. Они выводили Беловежье из событий ГКЧП (август 1991), квалифицируя эту ситуацию как попытку «фашиствующего переворота» консервативными союзными силами. Сразу же после «событий августа» был издан сборник с названием, определявшим их сущность, — «Коричневый путч красных. Август 1991 г.», на обложке которого изображение звезды было соединено со свастикой [2]. Идею о «фашиствующей» советской партноменклатуре, попытавшейся остановить процесс демократического обновления страны, сформулировали российские демократы. Так, в Указе Президента РСФСР от 19 августа № 61 действия союзных руководителей (гэкачепистов) объявлялись государственным преступлением [2, с. 45–46]. Этот концептуальный подход подхватил и М. С. Горбачёв, откликнувшийся на обвинения о своей причастности к августовским событиям небольшой брошюрой, в которой размышлял об ударе «путчистов» по «авангардным демократическим силам» [3]. Оценочный концепт истории августовских событий, таким образом, был сразу же заложен в их изучение. Борьбу с «путчем», как известно, осуществили российские демократические силы во главе с Б. Н. Ельциным.

Неслучайно победу над гэкачепистами российские демократы назвали «августовской революцией», победой демократии над коммунизмом. Таким образом, между советским прошлым СССР и демократическим настоящим России была проведена черта. Процесс политической борьбы демократов за суверенитет России в рамках СССР сопровождался

выработкой стратегии, основанной на критическом дискурсе по отношению к советской истории. Были сформулированы три признака Советского государства: 1) социально-экономическая система — командно-административная, 2) советский режим — тоталитарный, 3) Советский Союз — империя. Природа терминологии и оценок — советологические исследования, то есть западная пропагандистская литература времён холодной войны.

Первыми в разработке этого дискурса стали неформалы — социальные группы молодёжи в начальный период перестройки М. С. Горбачёва. В их среде под воздействием гласности интенсивно вёлся поиск «демократического идеала» для переустройства советского общества. Подробно об этом написано в монографиях А. В. Шубина [4].

С конца 1980-х гг. в крупных городах стали создаваться различные политические клубы в поддержку горбачёвской перестройки. Один из них — клуб «Московская трибуна» — составили столичные интеллектуалы, объединившие диссидентствующую интеллигенцию, либеральных партийных функционеров и учёных-гуманитариев, критиковавшие социализм и разделявшие идеи конвергенции с Западом. В клуб входили Ю. Н. Афанасьев, Л. М. Баткин, А. М. Адамович, М. Я. Гефтер, Т. И. Заславская и др. Их идейным лидером стал правозащитник академик А. Д. Сахаров.

В ходе экономических реформ 1987–1988 гг. в СМИ развернулась дискуссия о социализме и его экономической основе. Ряд советских экономистов в публицистической форме подвергли советскую экономику всесторонней критике. Особо преуспел в ней Г. Х. Попов. В журнале «Наука и жизнь» (1987) он заклеил её как командно-административную в рецензии на роман А. Бека «Новое назначение».

В 1988 г. в ходе подготовки страны к XIX Всесоюзной партийной конференции, на которой предстояло одобрить идеи

советских реформаторов по осуществлению реформы политической системы СССР, кампания десталинизации достигла своего апогея. В публичную сферу были запущены антисоветские исторические материалы диссидентского, эмигрантского и советологического происхождения. В общественном дискурсе появились темы об имперском характере СССР, о тоталитаризме советского режима.

В конце 1988 г. в журнале «Наука и жизнь» была опубликована статья философа А. С. Ципко «Истоки сталинизма» [5]. В ней автор подводил читателя к мысли о том, что принципиального различия между Сталиным и Лениным нет. Началось развенчание мифа об Октябрьской революции. Фактически весь советский опыт государственного строительства был объявлен исторической ошибкой.

На I съезде народных депутатов СССР (май — июнь 1989) члены «Московской трибуны» объединили близких по духу депутатов в группу под названием Межрегиональная депутатская группа (МДГ), оппозиционную курсу М. С. Горбачёва. На съезде А. Д. Сахаров выступил с предложением отменить ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС.

В ходе работы II съезда народных депутатов СССР (декабрь 1989) российские демократы вместе с союзным центром (в лице А. Н. Яковлева) добились осуждения договора Молотова–Риббентропа в августе 1939 г. о ненападении между СССР и Германией и признания факта существования секретных протоколов к нему (о разделе Европы на сферы влияния между Гитлером и Сталиным).

Решение съезда по этим вопросам открыло дорогу Прибалтийским республикам в их стремлении выйти из состава СССР под предлогом незаконности их присоединения к СССР в 1940 г. (идея оккупации). На этот же путь встали национальные элиты Молдавии и других союзных республик. Тема

обстоятельств образования СССР приобрела характер политического аргумента в процессе суверенизации республик и росте сепаратизма. Российские демократы рассматривали эти процессы в духе своих представлений об СССР как империи — носителе тоталитарной идеологии.

С 1990 г. МДГ возглавила движение «Демократическая Россия», которое выступило лидирующей силой в ходе избирательной кампании по выборам на Российский съезд народных депутатов. Российские демократы выдвинули на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина и стали авторами Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой этим съездом 12 июня 1990 г., а затем содействовали избранию Б. Н. Ельцина Президентом России.

Таким образом, политическая стратегия и практика борьбы за российскую суверенизацию, разработанные российскими демократами, стали концептуальной основой для интерпретации событий, связанных с распадом СССР.

Три её кита — имперская сущность, государственный социализм и партийная монополия — послужили объяснительной моделью причин борьбы за суверенитет и стали объяснительной моделью роспуска СССР, инициированного в Беловежье.

Её трёхчленная формула, а именно: советский социализм — утопия, советский режим — тоталитарный, СССР — империя с колониями-республиками — доминирует в современной историографии при самых разнообразных разворотах. В этой ситуации нет ничего принципиально нового. Достаточно вспомнить советскую концепцию истории СССР. Она также основывалась на истории победившей партии. Только применялась она в единственном идеологическом ключе, в то время как в современной России её используют с разными оценочными установками, меняя плюсы на минусы в зависимости от идеологических ориентаций авторов.

Концепция трёх позиций работоспособна при анализе историографических исследований по вопросам истории распада СССР и его причин. Приведу несколько примеров.

Распад СССР Б. Н. Миронов называет дезинтеграцией. Причём автор классифицирует литературу по этой проблеме по уровням. Он выделяет три уровня исследований. Первый — это макроуровень, на котором осуществляется анализ условий или предпосылок распада. На втором — мезоуровне — проводится анализ факторов и причин, породивших распад. Третий — микроуровень — включает анализ всей массы фактов и обстоятельств распада СССР [1, с. 140–141].

Б. Н. Миронов подчёркивает, что исследования причин распада СССР, как правило, идеологизированы и политизированы. К одной из недостаточно разработанных проблем он относит политическую дискриминацию этносов, в особенности титульных этносов союзных республик. В частности, он пишет, что дискриминацию можно оценить по степени присутствия этих этносов во властных и силовых структурах — в парламенте, государственном и партийном аппарате, органах суда и правопорядка, а также в армии.

Целесообразность изучения дискриминации этносов, с его точки зрения, определяется: во-первых, тем, что этот вопрос стал главным в программах почти всех национальных движений периода перестройки, во-вторых, наличием неизученных массовых статистических источников — всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., которые можно обработать с помощью специальных методик и получить новые результаты об уровне неравенства этносов в политической системе СССР. Очевидно, что неизученная проблема в истории распада СССР, названная Мироновым, укладывается в схему о трёхчленной концепции российской историографии.

Другой автор, А. Н. Медушевский, концентрирует внимание на методологических основах в ходе изучения проблем

распада СССР. Он называет семь основных теорий, в рамках которых изучается эта тема [6]. Первая — имперская теория, представляющая СССР в виде империи и трактующая её распад (как всех империй) по причинам политической дестабилизации и национальных конфликтов. Согласно этой теории империя — это такой тип государства, которому необходимо соблюдать баланс сил в мировой политике. Утрата этого баланса ведёт к «имперскому перегреву» и распаду государства.

Второй теорией, применяемой исследователями при изучении причин распада СССР, Медушевский называет теорию национализма, согласно которой Советский Союз распался потому, что ему не удалось сформировать полноценную гражданскую нацию. В результате кризиса коммунистической идеологии произошла дестабилизация в сфере национальных отношений, завершившаяся «бунтом национальных элит», стремившихся к суверенитету и контролю над собственностью в своих республиках. Это явление продемонстрировал и русский национализм.

Третьей теорией, объясняющей распад СССР, автор называет национально-демографическую, согласно которой распад СССР произошёл вследствие размывания его национального ядра и движения от империи к «государству-нации».

Социально-экономическая теория (четвёртая по Медушевскому) объясняет распад СССР экономической неэффективностью режима, основанного не на рыночной экономике, а на планировании и внеэкономическом характере труда. Детонатором дестабилизации в Советском Союзе, согласно этой теории, стало резкое падение мировых цен на нефть.

Пятой автор называет теорию кризиса модернизации. Если в 1930–1950-е гг. СССР успешно совершил переход к индустриальному обществу, то в 1970–1980-е гг. осуществить модернизацию в соответствии с вызовами информационного характера (или постиндустриального) ему не удалось, и он

отстал от стран Запада. Кризис модернизации привёл к крушению империи.

Под номером шесть учёный характеризует теорию внешних давлений: на развал СССР повлияли преимущественно внешние и внутренние заговоры.

Седьмая (близкая к шестой) — теория личности — конфликт и честолюбие двух лидеров — Горбачёва и Ельцина.

Все перечисленные теории объясняют частности некой общей причины, которая, по мнению Медушевского, только одна. Он предлагает основываться на когнитивной теории — метанаучной концепции, основанной на синтезе современной теории информации, наук о мышлении и поведении. Согласно ей, «общая причина крушения СССР состоит в неадекватности принятой элитой концепции преобразований господствующим когнитивно-информационным установкам общества, с одной стороны, и порождённым реформой завышенным социальным ожиданиям — с другой» [6, с. 22].

«Советский Союз, возникший на руинах Российской империи, в отличие от неё, умер естественной и тихой смертью, — пишет автор. — Чудом является не распад СССР, а столь длительное его сохранение, противоречащее не только законам экономики, но и природе человеческого разума (основная причина долголетия — в сдерживающем факторе ядерного оружия). Он не был “развален” злонамеренными людьми, но распался в результате осознания (и официального признания) противоестественности и неэффективности тех когнитивно-конструктивистских моделей, которые изначально были положены в его основу» [6, с. 26].

Таким образом, изучение причин распада СССР в отечественной историографии на современном этапе её развития включает в себя проблемы в основном методологического характера. При этом следует признать: сами по себе проблемы

методологии и историографии не являются на сегодня актуальными для исторических исследований, что свидетельствует о понижении уровня исторической науки. Что касается вопросов распада СССР, то, помимо методологического вакуума при их разработке, существует и проблема коренной переоценки исходных позиций в историографической традиции, заложенной российскими демократами в результате их победы в ходе событий ГКЧП, основанной исключительно на парадигме западной общественно-политической мысли — советологической и крайне политизированной.

Список источников и литературы

1. *Миронов Б. Н.* Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2021. — Т. 66. — Вып. 1. — С. 132–147.
2. Коричневый путч красных. Август 1991 г. Хроника, свидетельства прессы, фотодокументы / Н. Войскунская, А. Гаврилов, В. Гопман. — Москва : Текст, 1991.
3. *Горбачёв М. С.* Августовский путч: причины и следствие. — Москва: Новости, 1991.
4. *Шубин А. В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. — Москва : Вече, 2008.
5. *Ципко А. С.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. — 1988. — № 11–12; 1989. — № 1–2.
6. *Медушевский А. Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. — 2011. — № 6.

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И МУЗЕЙНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
И ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Декабрьские научные чтения, посвящённые 100-летию
образования СССР и 30-летию его распада.
20–21 декабря 2021 г.

Руководитель предпечатной подготовки *М. С. Белов*
Верстальщик *В. Э. Малков*
Корректор *А. В. Локтионова*

Отпечатано в редакционно-издательском отделе ГЦМСИР.
Формат 140 × 200. Тираж 100 экз.

125009, Москва, ул. Тверская, д. 21